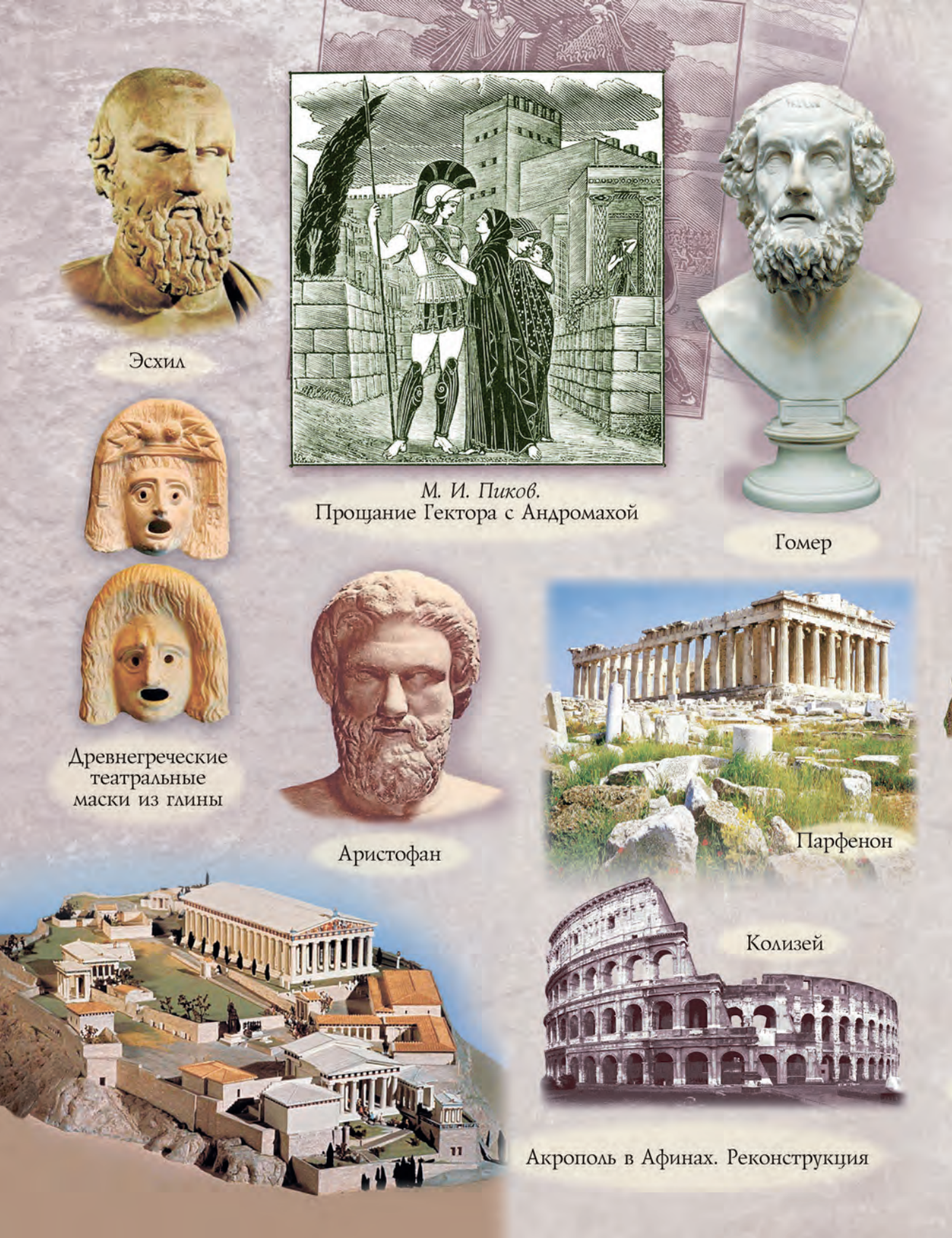
С. Н. Захарова, Т. А. Морозова, Г. М. Чепелева

Русская литература 8


Эсхил
М. И. Пиков.
Прощание Гектора с Андромахой
Гомер
Древнегреческие
театральные
маски из глины
Аристофан
Парфенон
Колизей
Акрополь в Афинах. Реконструкция

Миниатюра XV века.
Лаура

Юстус ван Гент.
Петрарка

Доменико ди Микелино.
Данте Алигьери

Микеланджело Буонарроти.
Пьета

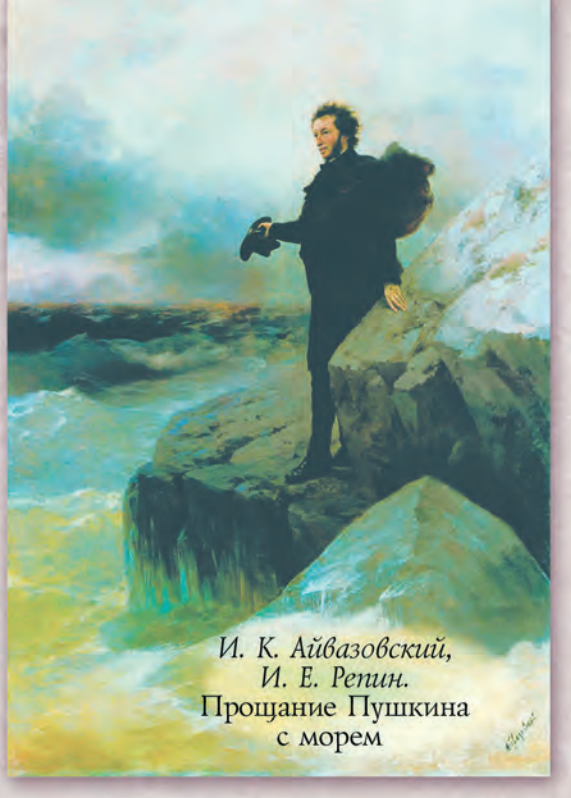
Беатриче

Лоренцо и Федерико Кулло-Валера.
Памятник Сервантесу и его героям в Мадриде

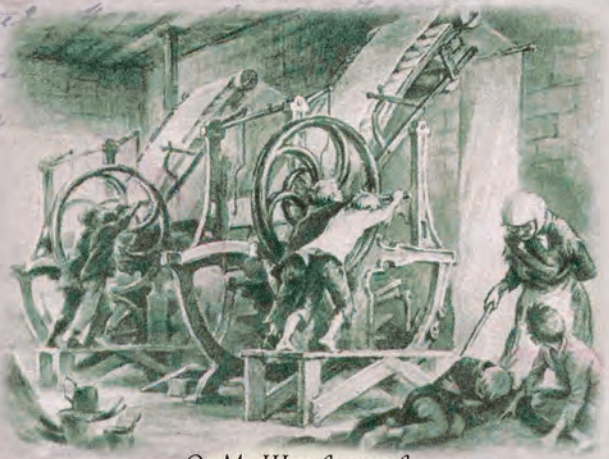
Рафаэль Санти.
Автопортрет

Рафаэль Санти.
Дама в покрывале

О. А. Кипренский.
Портрет Пушкина



И. К. Айвазовский,
И. Е. Репин.
Прощание Пушкина
с морем



О. М. Шухвостов.
Плач детей

К. В. Безбородов.
Легенда о Данко

Н. А. Устинов.
Выхожу один я на дорогу...

М. З. Шагал.
Прогулка

К. С. Малевич.
Точильщик (Принцип мелькания)

Окна сатиры РОСТА

Окна ТАСС

С. Н. Захарова, Т. А. Морозова, Г. М. Чепелева

Русская литература

Учебное пособие для **8** класса
учреждений образования, реализующих
образовательные программы общего среднего образования,
с белорусским и русским языками обучения и воспитания

Под редакцией С. Н. Захаровой

Допущено
Министерством образования
Республики Беларусь

2-е издание, пересмотренное и дополненное

МИНСК
Академия образования
2025

УДК 821.161.1.09(075.3=161.3=161.1)
ББК 83.3(2Рос=Рос)я721
З-38

Рецензенты:

кафедра славянской филологии учреждения образования «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова» (кандидат филологических наук, доцент кафедры *А. В. Иванов*);

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории государственного учреждения образования «Гимназия № 24 г. Минска» *Т. Ю. Пантелеева*;

кафедра русской литературы и журналистики учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» (кандидат филологических наук, доцент *Т. В. Сенькевич*)

ISBN 978-985-33-0051-2

© Захарова С. Н., Морозова Т. А., Чепелева Г. М., 2018
© Захарова С. Н., Морозова Т. А., Чепелева Г. М., 2025, с изменениями
© Оформление. ГУО «Академия образования», 2025

Содержание

Как работать с учебным пособием 5
Введение 6

ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАЧАЛА XIX ВЕКА

Античная литература 10
Литература эпохи Возрождения 13
Уильям Шекспир 14
Сонет как жанр лирики 16
Сонеты *(в переводе С. Я. Маршака)* 17

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А. С. Пушкин 23
Узник 24
Лирический герой 25
Сожжённое письмо 27
Элегия как жанр лирики 28
К морю 29
Цыганы 31
Лиро-эпическая поэма 51
М. Ю. Лермонтов 53
Ангел 53
«Выхожу один я на дорогу...» 55
«Она не гордой красотою...» 56
Молитва («В минуту жизни трудную...») 57
Понятие о лирическом мотиве 58

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Н. А. Некрасов 60
Плач детей 61
«Внимая ужасам войны...» 64
Русские женщины. Княгиня Трубецкая *(В сокращении)* 66
Поэма-путешествие 90
И. С. Тургенев 91
Ася 92
«Тайный психологизм» И. С. Тургенева 136
Стихотворения в прозе 137
Мы ещё повоюем 138
Воробей 138
А. П. Чехов 141
Переполох 143
Понятие о подтексте 150
В. Г. Короленко 151
Парадокс 152
Особенности композиции очерка 169
Максим Горький 170
Понятие о романтическом пафосе 170
Старуха Изергиль *(В сокращении)* 171

Правообладатель Академия образования

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В. В. Маяковский 185
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче ... 186
Хорошее отношение к лошадям 189
Средства выразительности и интонационно-ритмические особенности лирики В. В. Маяковского 192

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. А. Ахматова 195
Клятва 195
Мужество 196
К. М. Симонов 197
«Жди меня, и я вернусь...» 198
М. В. Исаковский 199
«Враги сожгли родную хату...» 199
С. С. Орлов 201
«Его зарыли в шар земной...» 202
Выражение героического пафоса в произведении 202
М. А. Шолохов 203
Судьба человека 204

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Поэзия и проза 1950—1990-х годов 234
Н. А. Заболоцкий 235
О красоте человеческих лиц 236
Некрасивая девочка 237
Не позволяй душе лениться 238
Понятие о философской лирике 239
Р. И. Рождественский 240
За того парня 241
Всё начинается с любви 243
Е. А. Евтушенко 244
«Людей неинтересных в мире нет...» 244
«Я не сдаюсь, но всё-таки сдаю...» 245
Н. М. Рубцов 246
Русский огонёк 247
Утро 249
Ю. П. Казаков 249
Голубое и зелёное 250

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К. Саймак 276
Когда в доме одиноко 277

Повторение 297
Словарь литературоведческих терминов 299

Как работать с учебным пособием

Пособие для 8-го класса содержит тексты произведений и учебные материалы к ним. В пособии представлены обзорные темы: «Античная литература», «Литература эпохи Возрождения», «Литература первой половины XIX века», «Литература второй половины XIX века», «Литература первой половины XX века». Они помогут узнать о том, как развивалась литература от Античности до второй половины XX века.

Учебный материал разделён на семь разделов. В каждом из них есть информация по теории литературы, сведения об авторах произведений и литературные тексты.

Новые понятия и термины, определения которых необходимо заучить, помечены значком . Иногда нужно вспомнить факты или понятия, изученные ранее, — на это указывает звёздочка . Чтобы легче было понять произведение и эпоху, в которую оно создавалось, в пособие включены справочные материалы историко-культурологического характера. Они обозначены .

К каждому теоретическому материалу и произведению есть вопросы и задания. Значок показывает, что здесь размещены задания и вопросы, которые помогут понять прочитанное. Задание, которое требует обращения к интернет-ресурсам, носит творческий или исследовательский характер и выполняется по выбору учащихся и учителя, отмечено значком . Дополнительные материалы к учебному пособию можно найти на сайте https://eior.by (Единый информационно-образовательный ресурс). В меню необходимо выбрать «8 класс», «Русская литература», в соответствующей теме нажать кнопку «Дополнительные материалы». Обращаем внимание на то, что задания с QR-кодами выполняются только дома и по желанию учащихся.

Словарь литературоведческих терминов (с. 299) поможет вспомнить понятия, необходимые для анализа художественного произведения.

Авторы пособия желают вам вдохновения и удивительных открытий на уроках русской литературы!

Правообладатель Академия образования

Введение

Слово «литература» произошло от латинского *litera*, т. е. «буква», от которого было образовано *literature* — «рукопись», «всё написанное». Литература выделилась из устного народного творчества. Сегодня это понятие имеет несколько значений (схема 1).

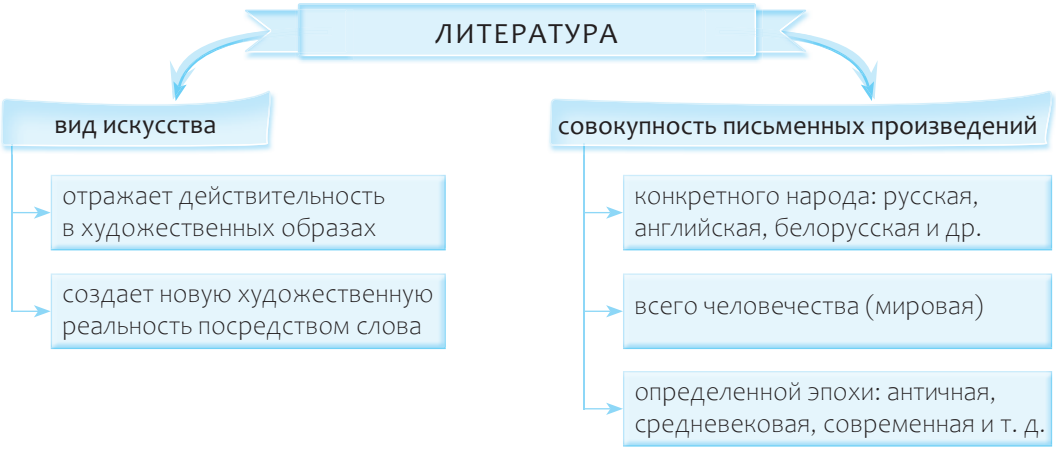
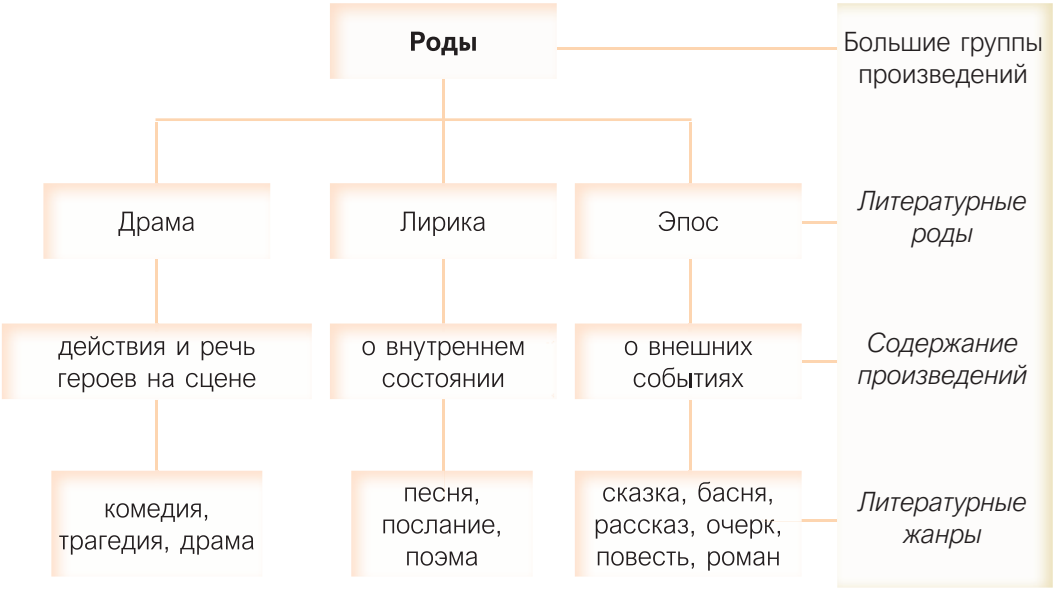


Схема 1. Значение термина «литература»

Литература имеет свои ключевые понятия, которые определяют её своеобразие как вида искусства (схема 2).

Каждое произведение в соответствии с содержанием относится к одному из трёх родов и представляет собой сложное единство формы (внешней стороны) и содержания (внутренней стороны). Внешняя сторона произведения проявляется в его построении (в композиции, т. е. в последовательности отдельных частей), использованных средствах художественной выразительности (эпитетах, метафорах, сравнениях, олицетворениях, гиперболах, антитезе и др.). Произведение написано либо стихами (имеет ритм, рифму, разделено на строфы), либо прозой.



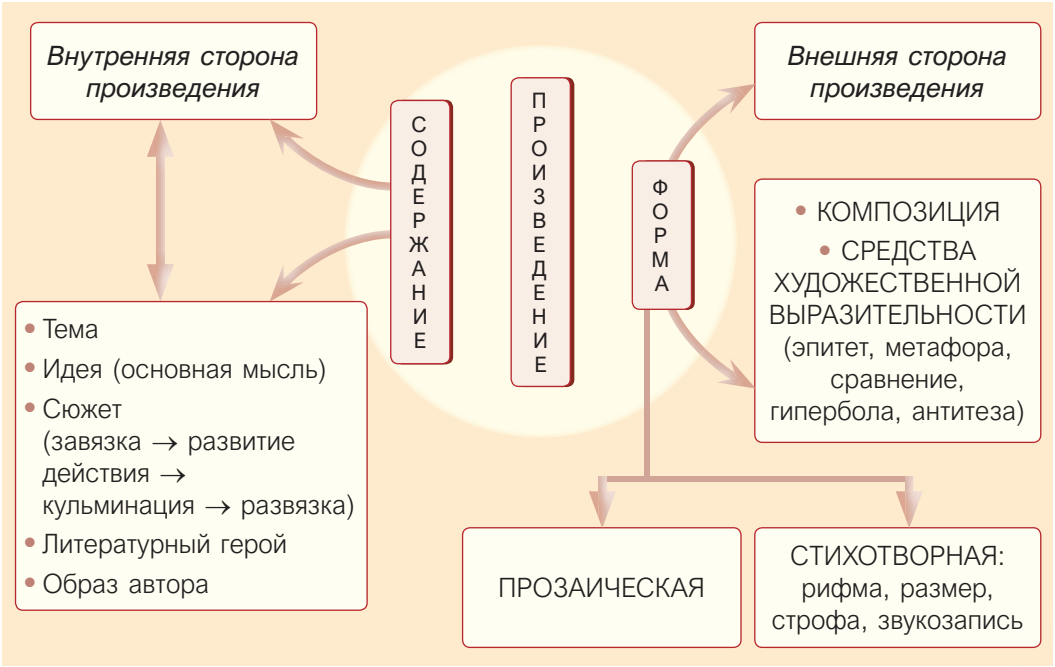


Схема 2. **Литература как вид искусства**

Правообладатель Академия образования

Внутренняя сторона раскрывается через тему и основную мысль, сюжет и систему образов, в которой особое место занимает образ автора, а в лирике — лирический герой.

Впервые о назначении литературы задумались античные философы и учёные. С того времени её функции практически не изменились. Наиболее важные из них отражены в таблице 1.

Таблица 1

Функции художественной литературы

Название функции	Сущность функции
Познавательная	Даёт возможность познать мир и человека
Воспитательная	Воспитывает моральные качества и эстетический вкус
Эстетическая	В произведениях мир строится по законам красоты; созданы яркие художественные образы, в которых воплощено представление о прекрасном и безобразном
Коммуникативная	Обеспечивает связь между людьми, поколениями, культурами, народами

Литература не сразу завоевала популярность среди других видов искусства, хотя талантливые писатели существовали во все эпохи и у каждого народа. В Античности наиболее востребованным видом искусства был театр, в эпоху Возрождения — живопись. Приблизительно с XVIII века количество поклонников литературы стало расти. Вероятно, это объясняется тем, что к этому времени у литературы появилась своя аудитория — подготовленные читатели.

В литературных произведениях отражаются разные стороны человеческой жизни: реальной, современной писателю или выдуманной, даже фантастической. Автор выступает не просто как создатель, творец. Он в произведении может занимать позицию стороннего наблюдателя (к примеру, в комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя). Иногда автор сам является активным участником всего, что происходит в его книге, как, например, А. де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце».

Писатель XX века Х. Л. Бо́рхес утверждал, что «хороший читатель встречается реже, чем хороший писатель». Труд читателя состоит в том, чтобы осмыслить авторский замысел, оценить поступки героев, пережить вместе с ними события, описанные в произведении. И этот

труд не менее важен и сложен, чем творчество писателя. Прочитать произведение — значит вступить в своеобразный диалог с автором, его героями и эпохой, в которую они жили.

Чтение обогащает внутренний мир человека, формирует систему ценностей, расширяет кругозор, учит, утешает, показывает идеал, к которому нужно стремиться.

1. Какие два значения имеет термин «литература»? Докажите, что литература является видом искусства.
2. Пользуясь схемой 2 и словарём литературоведческих терминов, расскажите о литературе как о виде искусства.
3. Назовите функции художественной литературы. Какая из них является наиболее важной? Появились ли у литературы новые функции в XXI веке?
4. Докажите, что в литературе нашли отражение разные культурно-исторические эпохи. Вспомните произведения русских и белорусских авторов, которые изучали раньше или читали самостоятельно, и заполните таблицу «Отражение в литературе жизни человечества с древних времён и до наших дней».

Автор	Название произведения	Время действия	Место действия

5. «Для многих, многих книги так же нужны, как хлеб и соль. И так будет, сколько бы ни изобретали замысловатых кассет, и телевизоров, и других заменителей. В человеческом мозгу хранятся книжные сокровища, которые не умрут», — так писала о значении книг А. Линдгрен. Согласитесь с мнением шведской детской писательницы или опровергните его. Для этого определите две группы для дискуссии и подберите аргументы «за» (группа 1) и «против» (группа 2). Какая группа нашла больше аргументов?
6. Известно, что И. С. Тургенев приобрёл библиотеку В. Г. Белинского после смерти великого критика. Так писатель хотел сберечь заветных друзей Белинского — его книги. Сейчас они хранятся в музее Тургенева в Спасском-Лутовинове. Есть ли у вас личная библиотека? Как она создавалась? Напишите небольшое сочинение на тему «Моя личная библиотека: разделы, книги, авторы».
7. Какое место в вашей жизни занимает книга (литература)? Зачем (почему) вы читаете книги? Подумайте над этими вопросами и запишите свои мысли в свободной форме.

Правообладатель Академия образования

От древних времён до начала XIX века

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

На протяжении почти 13 столетий на территории современной Греции и Италии, а также в Северной Африке и Передней Азии существовала особая культура, которую учёные называют античной.

Название «античный» происходит от латинского *antiquus* — ‘древний’. Его стали активно употреблять в эпоху Возрождения, когда появился интерес к греко-римской культуре. Большой вклад в изучение античного искусства и философии внесли учёные-просветители.

Античная культура была тесно связана с развитием городов-государств. Человек рассматривался в ней как полноправный гражданин по́лиса. Богам отводилось немалое место, но они воспринимались как часть природы. Человек в античном искусстве — свободная личность. Его добродетелями были справедливость, рассудительность, благочестие. Произведения искусства воспевали физическую красоту и благородные поступки человека. Образы античной литературы отличались гармоничностью и пластичностью, глубоким и понятным смыслом. Сюжеты античных произведений были, как правило, связаны с мифологией, а тексты часто имели поэтическую форму («Илиа́да» и «Одиссе́я» Гоме́ра, «Энеи́да» Верги́лия, трагедии Софо́кла и Еврипи́да и др.).

У древних греков не было сказок, но имелась богатая мифология. Мифы рассказывают о богах и героях, в мир которых греки перенесли все черты собственной жизни. Через столетия прошли и воплотились в многочисленных литературных, живописных, скульптурных, музыкальных произведениях Гера́кл и Орфе́й, Пигмалио́н и Галате́я, Деда́л и Ика́р, Анте́й и Танта́л. Позже римляне заимствовали греческую

мифологию и дали богам свои имена. Так возникли параллели: Зевс — Юпи́тер, Афроди́та — Вене́ра, Аре́с — Марс и т. д.

Многие литературоведческие понятия появились в античности: роман, повесть, комедия, поэма, ода, сатира, басня, эпиграмма и др. В античной литературе выделились три литературных рода (эпос, лирика и драма), внутри каждого из них сформировалась система жанров. Всему миру известны басни Эзо́па, эпические поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», трагедии Эсхи́ла, Софокла и Еврипи́да, комедии Аристофа́на. Открытие в области прозы — это творчество историков Геродо́та, Фукиди́да, Ксенофо́нта. В ораторском искусстве наиболее известно красноречие Демосфе́на и Цицеро́на. Огромное влияние на развитие литературы и литературоведения оказали философы Платон и Аристотель.

Главным материалом для письма с VII в. до н. э. являлся *папирус* (пергамент появился позже и был довольно дорогим). Античная книга представляла собой папирусный свиток, длина которого достигала нескольких метров. Большое произведение могло состоять из нескольких свитков. Лишь в III в. н. э. получил распространение *кодекс* — книга привычного для нас вида, изготовленная из пергамента.

Многие античные произведения не сохранились. Например, из 90 пьес Эсхила полностью сохранились только 7, из 120 драм Софокла — тоже 7, а из 92 произведений Еврипида — 19. Античный текст мог уцелеть лишь в том случае, если он пользовался популярностью у читателей: тогда его время от времени переписывали.

Развитие точных и гуманитарных наук привело к накоплению знаний и созданию библиотек. Библиотека в Александрии (Египет) во времена Юлия Цезаря (I в. до н. э.) насчитывала 700 тысяч книг. Эти бесценные сокровища были частично уничтожены пожарами и утеряны во время войн.

Самым важным видом искусства в Античности считался театр. Трагедии ставились в Афинах с 534 года до н. э. Театр был похож на современный открытый стадион, где свободно размещались до 50 тысяч человек. Ряды скамей для зрителей располагались по склону горы. Они разделялись горизонтальными проходами на ярусы, вертикальными — на клинья. В центре находилась круглая площадка — *орхе́стра*, которая могла отделяться от зрителей рвом с водой. На орхестре

Правообладатель Академия образования

Театр Диониса в Афинах

размещались хор и актёры. За ними располагалась *ске́на* («палатка»). Сначала это действительно была палатка, где переодевались актёры и хранился реквизит. Позже на её месте была сделана каменная стена, на которой изображали декорации. Театр не имел занавеса и крыши.

Актёры носили маски. Это было связано с тем, что зрители, сидевшие в дальних рядах, не могли различать их мимику. Женские роли исполняли мужчины. Актёры не только декламировали, они и пели, танцевали. По ходу действия использовались подъемные машины для появления актёров и специальная техника для создания шумовых эффектов (ударов грома, шума дождя и т. п.).

Авторитет знания был настолько велик, что в Александрии в III веке до н. э. возникло подобие академии наук, получившее название Мусейо́н. Это был и исследовательский центр, и музей с ботаническим садом, зверинцем и обсерваторией. В Мусейоне зародилась филологическая наука, занимавшаяся в то время анализом текстов и отбором из них тех, которые считались достоверными, «каноническими[1]».

Схема Мусейона в Александрии

1. На основе статьи сформулируйте особенности античной культуры (вариант 1) и античной литературы (вариант 2) и запишите их. Пользуясь записями, объясните соседу по парте изученный вами материал.
2. В чём состоит значение Античности для последующего развития европейской культуры?
3. Пользуясь материалами учебного пособия и дополнительной литературой, составьте список литературных жанров, которые появились в Античности. Установите, кто из деятелей, изображённых на форзаце 1, был родоначальником этих жанров.

[1] *Канони́ческий* — здесь: образцовый, идеальный.

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Родиной Возрождения (Ренессанса) считается Италия, где раньше, чем в других европейских странах, начали формироваться капиталистические отношения.

Термин «возрождение» впервые использовал итальянский живописец, художник, архитектор и историк Джорджо Вазари (1511—1574), понимая под ним возрождение Античности. В науке этот термин стали употреблять только с XIX века.

Ренессанс сделал вновь актуальными и воплотил в произведениях искусства идеи, сформулированные в Античности: «Человек — венец природы», «Человек есть мера всех вещей», «Знания делают человека Богом», «Человек — кузнец своего счастья». Вместе они составляют основу новой философии — гуманизма.

Гуманизм (от лат. *humanus* — ‘человечный’) — мировоззрение, в основе которого лежит идея человека как высшей ценности, защиты достоинства личности, её свободы и права на счастье.

В эпоху Возрождения влияние церкви на общество и культуру ослабело, поэтому быстро стало развиваться светское искусство, из науки и литературы начал вытесняться латинский язык. По всей Европе создавались литературы на национальных языках.

Главным содержанием искусства стал человек, его жизнь и борьба за счастье. Ренессансный человек — всесторонне и гармонично развитая личность, физически красивая и духовно богатая. В этом художники и писатели Возрождения стремились приблизиться к лучшим произведениям античной культуры, считая её образцом для своего творчества.

Важнейшей темой в искусстве становится любовь. Кроме того, создаётся много сатирических произведений, которые высмеивают средневековые идеалы и человеческую глупость, критикуют недостатки средневекового общества.

Эпоха Возрождения дала миру много новых имен: поэт и драматург Уильям Шекспир — в Англии; писатель и философ Мишéль де Монтéнь — во Франции; писатель, автор «Дон Кихота» Мигéль де Сервáнтес — в Испании; скульптор Микелáнджело Буонаррóти, художник Рафаэль Сáнти, художник и изобретатель Леонáрдо да Винчи, поэты Дáнте Алигьéри, Франчéско Петрáрка, писатель Джовáнни Боккáччо — в Италии. Всех их объединял *универсализм* — почти каждый

Правообладатель Академия образования

проявил свой талант в нескольких областях. Каждый из них может быть назван титаном эпохи Возрождения, потому что смог сделать столько, сколько не под силу обычному человеку.

1. Выпишите из статьи не менее двух объяснений, почему культурно-историческая эпоха в Европе середины XIV — конца XVI века называется Возрождением.
2. Объясните, почему деятелей науки и искусства эпохи Возрождения называют: а) титанами; б) гуманистами; в) универсалами?
3. Рассмотрите на форзаце 1 иллюстрации и портреты. Кого из деятелей искусства и науки эпохи Возрождения вы узнали? Кратко запишите, в чём заключался их вклад в развитие мировой культуры.
4. Французский писатель Анатоль Франс назвал Ренессанс «весной человеческого разума». Установите по справочникам, какие основные открытия были сделаны в науке и искусстве (литературе) в эпоху Возрождения. Какие из этих открытий, по-вашему, не потеряли актуальности и сегодня?

Уильям ШЕКСПИР

(1564—1616)

> ...Одно из самых лучезарных, самых великих человеческих имён...
>
> *И. С. Тургенев*

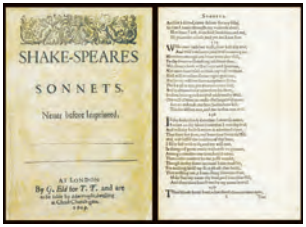
Шекспира можно смело назвать едва ли не самой загадочной фигурой европейского Возрождения. Возникшая вокруг имени драматурга таинственность ничуть не рассеялась, хотя с начала изучения шекспировского вопроса прошло уже около 300 лет.

Шекспировский вопрос — в литературоведении: споры о том, кто на самом деле скрывается под фамилией Шекспир и является автором приписываемых ему пьес и сонетов.

Первая биография Шекспира была написана, когда никого из его современников уже не было в живых. Достоверные биографические сведения о нём очень скудные. Известно, что Шекспир родился

в Стратфорде-на-Эйвоне, его отец торговал кожами, избирался мэром города, впоследствии разорился. Образование Шекспира составили четыре класса грамматической школы. Достоверно известно, что в 18 лет он женился, имел троих детей. С 1585 по 1592 год сведений о жизни и творчестве Шекспира нет. В 1592 году, живя в Лондоне, он примкнул к одной из театральных трупп. С этого времени начинают ставить его пьесы. В 1599 году открылся театр «Глобус», где Шекспир был автором пьес, режиссёром и актёром. Через четыре года его труппа получила звание королевской. В 1613 году «Глобус» сгорел, через год был восстановлен, но по непонятным причинам драматург покинул Лондон и вернулся в родной Стратфорд.

Существует легенда о смерти Шекспира: он умер, не выдержав волнений, в день своего 52-летия, когда к нему наведались коллеги из театра. Через семь лет друзья У. Шекспира выпустили первый сборник его пьес, включив в него 36 произведений (при жизни драматурга были опубликованы только 18). Общее наследие писателя составляют 154 сонета и 37 пьес (исторические хроники, комедии, трагедии — самые известные из них «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Король Лир»).



Сонеты У. Шекспира

Возрождение в Англии по сравнению с другими странами было поздним и коротким: всего за несколько десятилетий произошёл перелом в общественной жизни и культуре этой страны. В своем творчестве Шекспир показал, как быстро радостное восприятие человеческой жизни во всех её проявлениях сменилось жестоким разочарованием в гуманизме из-за осознания ограниченности возможностей человека.

1. С какими городами связана биография У. Шекспира? Какие этапы жизни драматурга прошли в них?
2. Расскажите о театральной деятельности У. Шекспира.
3. Почему Шекспира называют одной из загадок английской литературы?
4. Почему Марк Твен сказал: «Шекспир — самый гениальный из никогда не существовавших людей»? Узнайте, какие есть версии о создателе произведений, авторство которых традиционно приписывается Шекспиру.
5. Предположите, почему драматург Бен Джонсон назвал Шекспира, своего современника, «душой века».

Правообладатель Академия образования

Сонет как жанр лирики

Сонет (от итал. *sonette* — ‘песенка’) возник, по одной из версий, в XIII веке в Италии. Жанр стал известен благодаря Данте, который посвящал сонеты своей возлюбленной Беатриче, и Петрарке — он воспевал красавицу Лауру. От итальянских поэтов форму сонета в XVI веке переняли французы, испанцы и англичане.

Сонет — это стихотворение из четырнадцати строк, написанных, как правило, пятистопным ямбом, имеющее строгую рифмовку и строфику.

Чтобы определить стихотворный размер, придерживаемся следующего алгоритма:
1) составляем схему ударных и безударных слогов в 1—2 строках; 2) определяем стопу — считаем, сколько слогов объединены одним ударением (стопы бывают двухсложными и трёхсложными); 3) определяем количество стоп в одной строке.

Стихотворный размер = число стоп в одной строке + разновидность стопы.

Сонет имеет особую композицию. В литературоведении различают классический (итальянский и французский) и английский сонеты. В классическом выделяются два четверостишия (в первом содержится экспозиция, во втором — развитие идеи) и два трёхстишия (развязка и вывод — суть всего произведения). Английский сонет имеет другое построение: три четверостишия и завершающее двустишие.

Шекспир написал свои сонеты в последнее десятилетие XVI в. Их публикация — один из самых загадочных эпизодов в истории прижизненных изданий писателя. Известно, что ещё до 1598 г. сонеты были написаны и распространялись в рукописи среди друзей Шекспира. По неизвестной причине он не хотел их публиковать. Однако два сонета напечатал издатель У. Джáггард в 1599 г. Затем в течение десяти лет ни один сонет Шекспира не появился в печати. Но в 1609 г. «Сонеты» вышли в свет отдельной книгой.

Из 154 сонетов с 1-го по 126-й посвящены другу, остальные — возлюбленной, так называемой Смуглой даме. По одной из версий, это была Мери Фи́ттон, фрейлина королевы Елизаветы. Образ друга связывают с одним из высоких покровителей Шекспира — Генри Ризли, графом Саутгемптоном (образованный аристократ, любитель театра). Предполагается, что именно его имя зашифровано в инициалах посвящения на титульном листе первого издания 1609 г.: «…to Mister W. H.».

Сонеты Шекспира считаются вершиной английской лирики эпохи Возрождения. В них наиболее полно отразилось мироощущение человека, жившего в эпоху Ренессанса.

1. Опираясь на характеристику сонета (с. 16), составьте схему (алгоритм) для «узнавания» этого жанра лирики.
2. Подберите несколько стихотворений и предложите своим одноклассникам доказать, пользуясь схемой (алгоритмом), являются ли выбранные вами стихотворения сонетами.
3. Вспомните (установите по дополнительным источникам), кто из русских и белорусских поэтов писал сонеты.
4. В чём, по-вашему, причина популярности сонета как лирического жанра до настоящего времени?

СОНЕТЫ

(в переводе С. Я. Маршака)

Переводы сонетов Шекспира, выполненные С. Я. Маршаком, характеризуются в литературоведении как «явление в русской литературе исключительное. Кажется, со времён Жуковского не было или почти не было другого стихотворного перевода, который в сознании читателей встал бы так прочно рядом с произведениями оригинальной русской поэзии» (М. Л. Гаспаров, Н. С. Автономова).

Поэтический перевод не может быть точной копией оригинала. Сонеты Шекспира в переводах Маршака звучат более спокойно, уравновешенно и этим отличаются от оригинала. Однако Маршак сумел передать дух шекспировских произведений.

23

Как тот актёр, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, —

Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладёт печать
Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай[1],
Идёт к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.

Прочтёшь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

1. Найдите сравнения в строфе 1. С какой целью их использует автор?

2. Сравните построение первой и третьей строк в строфе 1. Как называется этот художественный приём?

3. Найдите гиперболу в строфе 2. Что она подчёркивает?

4. Почему появляется образ книги в строфе 3?

5. К кому обращается автор в строфах 3 и 4?

[1] *Хода́тай* — 1. Тот, кто выступает защитником, заступником кого-то (книжн.). 2. Тот, кто ведёт чьё-нибудь дело в суде (устар.).

Правообладатель Академия образования

1. Определите тему произведения. Установите, как развивается авторская мысль в 23-м сонете. Для этого обозначьте, какое состояние передано в каждой строфе, что изменяется в чувствах героя сонета.
2. Литературовед А. А. Аникст писал: «Теория поэзии эпохи Возрождения считала, что нельзя просто назвать предмет <...>. Всякая мысль, событие, переживание должны быть выражены посредством сравнения, уподобления одного предмета другому». Найдите сравнения, определите, какова их роль в тексте.
3. Отметьте в стихотворении слова с антонимичным значением. Какое состояние человека передаёт автор, употребляя рядом такие слова?
4. Подумайте, почему сонет заканчивается вопросами. Существует ли ответ на них? Как бы вы ответили на эти вопросы?
5. Определите, что в 23-м сонете Шекспира является традиционным, а что — новаторским, т. е. не соответствует классическому сонету.

30

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слёз, я слёзы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И всё, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счёт потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе
И всё готов простить своей судьбе.

1. Строфа 1 сонета обозначает тему всего стихотворения. Определите тему 30-го сонета. Какие слова-образы помогли это сделать?

2. Найдите однокоренные слова и повторы в каждой строфе. Почему автор их использует?

3. Почему строфа 3 является восклицательным предложением? Какие эмоции передаёт это восклицание?

4. Перечитайте последние две строчки. Почему автор говорит о прощении?

1. Определите стихотворный размер сонета. Соответствует ли он требованиям классического сонета?
2. Шекспир часто использует «образы, взятые из повседневной жизни, сравнения и уподобления с фактами, которые сами по себе ничуть не поэтичны» (А. А. Аникст). Найдите такие слова-образы в 30-м сонете.

3. Исследователи считают, что литература Возрождения имеет жизнеутверждающую, оптимистическую направленность. Каково настроение сонета 30? Подумайте, соответствует ли оно общему поэтическому правилу.

60

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчётные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочерёдно к вечности бегут.

Младенчества новорождённый серп
Стремится к зрелости и наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметёт моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

1. С чем сравнивается течение времени в строфе 1? Поясните смысл этого сравнения.

2. Какие периоды человеческой жизни упоминаются в строфе 2? Здесь речь идёт о месяце или о чём-то ином? Что имел в виду автор?

3. Найдите в строфе 3 метафоры и раскройте их смысл.

1. Определите тему 60-го сонета.
2. Выпишите слова, которые раскрывают смысл понятия «время». С помощью каких метафор передана неотвратимость хода времени?
3. В каких строках выражено отношение автора к власти времени над всеми земными явлениями?
4. Почему сонет заканчивается восклицательным предложением? Какую оценку своему творчеству даёт Шекспир в последней строфе?
5. Согласны ли вы с тем, что «для Шекспира время не абстрактное понятие, а живое существо, обладающее страшной, нечеловеческой силой» (А. А. Аникст)? Аргументируйте свой ответ.
6. Что, по мнению Шекспира, может остановить ход времени или бросить ему вызов? Узнайте из дополнительной литературы, какие два способа для преодоления времени видел Шекспир. Дайте свою оценку мнению поэта.

Правообладатель Академия образования

Литература первой половины XIX века

В первой половине XIX века русская литература переживает расцвет, что было связано в первую очередь с творчеством А. С. Пушкина. Оно значительно повлияло на формирование современного русского литературного языка. Поэт создал шедевры во многих жанрах, благодаря чему русская литература вышла на один уровень с европейской. Традиции Пушкина продолжили М. Ю. Лермонтов (в поэзии и прозе), Н. В. Гоголь (в прозе и драматургии) (табл. 2).

Таблица 2

Писатели первой половины XIX века и их произведения

Годы жизни	Автор	Произведения
1799—1837	Александр Сергеевич Пушкин	«Дубровский», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Евгений Онегин»
1814—1841	Михаил Юрьевич Лермонтов	«Бородино», «Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени»
1809—1852	Николай Васильевич Гоголь	«Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Ревизор», «Петербургские повести», «Мёртвые души»

В начале XIX века в русской литературе сменились несколько направлений. Наиболее важными среди них были романтизм и утвердившийся в конце 1820-х годов реализм.

Романтизм — направление в литературе конца XVIII — первой половины XIX века, изображавшее исключительного героя (одинокую, сильную личность) в исключительных обстоятельствах (борется со всем миром или страдает от одиночества).

Возникновение романтизма связано с общественно-политической ситуацией, сложившейся в Европе, и особенностями исторического развития России (табл. 3).

Таблица 3

Причины возникновения романтизма

В Западной Европе	В России
❍ Крах идей Великой французской революции; ❍ кризис рационализма — философского учения о возможности познания мира с помощью разума	❍ Ожидание реформ после победы в Отечественной войне 1812 года; ❍ движение декабристов; ❍ влияние западноевропейского романтизма

Реализм — художественное направление в искусстве, сформировавшееся в середине XIX века и отражавшее типичного (самого распространённого по социальному статусу, поведению и решаемым жизненным проблемам) героя в типичных обстоятельствах.

Романтизм и реализм имеют существенные отличия, касающиеся тематики произведений, образов и способов их создания (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительная характеристика романтизма и реализма

Критерий для сравнения	Романтизм	Реализм
Время возникновения	Конец XVIII — первая половина XIX века	Середина XIX века
Герой	❍ Исключительная личность; ❍ сильная, одинокая натура; ❍ находится в конфликте с обществом; ❍ как правило, не меняется в произведении	❍ Типичный герой; ❍ носитель обычных качеств, положительных и отрицательных; ❍ его личность изменяется по ходу повествования; ❍ вступает в сложное взаимодействие с обществом

Правообладатель Академия образования

Критерий для сравнения	Романтизм	Реализм
Место действия	❍ Мир мечты; ❍ экзотические страны; ❍ историческое прошлое	❍ Реалистичный мир; ❍ обычные условия для той эпохи, в которую происходит действие
Особенность отражения мира	Субъективное начало преобладает над объективным	Правдивое, достоверное изображение эпохи, стремление отразить её полностью
Приёмы создания образа	❍ Контраст — резкое противопоставление; ❍ символы — художественные образы, выражающие смысл явления в предметной форме; ❍ романтический пафос произведения — стремление к возвышенному, но часто недостижимому идеалу, напряжённая эмоциональность	❍ Типизация — отражение самых характерных черт, особенностей; ❍ социальный детерминизм (в переводе с лат. — ограничение, определение): общественное положение определяет особенности личности героя; ❍ психологизм — отражение внутренней жизни героев
Жанры	Размывание жанровых границ: • лиро-эпическая поэма («Мцыри» М. Ю. Лермонтова); • баллада («Светлана» В. А. Жуковского) и т. д.	Чёткое следование законам жанра; наиболее развиты жанры: • роман, повесть («Ася» И. С. Тургенева); • рассказ («После бала» Л. Н. Толстого)

Первая половина XIX века — это период становления литературной критики, связанный с деятельностью В. Г. Белинского.

1. Из таблиц 2, 4 выпишите названия изученных ранее произведений первой половины XIX века. Определите, к какому направлению они относятся (к романтизму или реализму). Назовите тему каждого произведения. Сделайте вывод о тематике русской литературы в данный период. Результаты оформите в виде таблицы:

Автор	Название произведения	Художественное направление	Тема

2. Пользуясь материалами таблиц 3 и 4, создайте конспект-шпаргалку для развёрнутого ответа по теме «Романтизм как направление в литературе: отличительные черты, темы, образы, представители».
3. Рассмотрите портреты А. С. Пушкина, выполненные В. А. Тропининым (с. 23) и О. А. Кипренским (см. форзац 2). Определите, какой из портретов романтический, а какой реалистический? Докажите свою точку зрения, пользуясь таблицей 4.

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

...это русский человек в его развитии... В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой... чистоте, в такой очищенной красоте...

Н. В. Гоголь

Южная ссылка (май 1820 — август 1824). К началу 1820-х годов в жизни Петербурга Александр Пушкин стал знаковой фигурой. Его стихи и эпиграммы[1], ода «Вольность» и поэма «Руслан и Людмила», даже не напечатанные, были у всех на устах. «...он наводнил Россию возмутительными стихами», — говорил царь Александр I. Такие произведения были несовместимы со статусом государственного чиновника (поэт служил коллежским секретарём[2] в Коллегии иностранных дел). Пушкину грозила ссылка в Сибирь или заточение в Соловецкий монастырь. Только заступничество Н. М. Карамзина, П. Я. Чаадаева и Ф. Н. Глинки, которые добились аудиенции[3] у царя, помогло смягчить монарший гнев и избежать такой тяжёлой участи.

Формально Пушкин не был отправлен в ссылку. Он получил служебный перевод в Бессарабию (современная Молдова) под начало генерал-лейтенанта И. Н. Инзова. Он по-отечески отнёсся к юному поэту: о службе не напоминал, велел отдыхать и осваиваться, а затем

[1] *Эпигра́мма* — небольшое сатирическое стихотворение, высмеивающее недостатки какого-либо человека или общественное явление.

[2] *Колле́жский секрета́рь* — во времена Пушкина небольшой гражданский чин X класса в «Табели о рангах».

[3] *Аудие́нция* — официальный личный приём.

Правообладатель Академия образования

и вовсе отпустил приболевшего Пушкина вместе с семьёй Раевских в путешествие по Крыму и Кавказу (с мая по сентябрь 1820 года). Об этой поездке Пушкин писал брату: «...свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, — счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море...»

1. Почему А. С. Пушкин был вынужден покинуть Петербург и оказался на юге?
2. По дополнительным источникам установите, в каких местах Крыма и Кавказа Пушкин побывал вместе с Раевскими. Соберите коллекцию из иллюстраций, картин, фотографий с видами природы и памятниками архитектуры времён Пушкина и наших дней. Создайте из них слайд-презентацию или коллаж.
3. Какие мысли и эмоции вызывают у вас те места, которые поэт посетил, путешествуя с Раевскими? Кратко запишите их. Найдите отзывы Пушкина о природе Крыма и Кавказа, сравните впечатления поэта с вашими.

Ил. Г. Е. Никольского

Служба в Кишинёве. «Узник». По возвращении из путешествия с Раевскими Пушкин оказался в Кишинёве. Здесь поэт подружился с будущими декабристами В. Ф. Раевским, П. И. Пе́стелем, М. Ф. Орловым. Но Пушкина тяготила спокойная, размеренная жизнь в глухой провинции, он чувствовал себя пленником: из-за вспыльчивого характера Пушкина часто сажали под домашний арест (в Кишинёве состоялось большинство дуэлей поэта). Возможно, поводом к написанию стихотворения «Узник» стало посещение Кишинёвского острога, один из арестантов которого рассказал Пушкину о готовящемся побеге.

1. От чьего лица ведётся повествование?

2. Найдите, с помощью каких эпитетов изображён орел.

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном.

Клюёт и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

1822 г.

3. Какая часть речи преобладает в строфе 2? Почему так происходит?

4. К кому обращён монолог узника?

5. Найдите повторы в последней строфе. Какую роль они играют в произведении?

1. Проследите за тем, как изменяются место действия и настроение в каждом четверостишии.
2. Почему исследователи отмечают, что в стихотворении нет противопоставления отдельных частей друг другу? В чём тогда выражается контраст, если не в композиции стихотворения?
3. Какие средства художественной выразительности помогают поэту передать страстное стремление к свободе? Достиг ли узник желанной свободы?
4. Что объединяет узника и орла? Какую символическую нагрузку несёт в себе каждый из этих образов?
5. Почему это стихотворение стало народной песней?
6. Выучите стихотворение А. С. Пушкина «Узник» наизусть.

Лирический герой

Лирика — это род литературы, в котором предметом изображения становятся эмоции и чувства автора.

Ставить знак равенства между автором произведения и его героем, чьи переживания переданы в стихотворении, не совсем правильно. Описанный в стихотворении герой — это художественный образ, который принято называть *лирическим героем*.

Лирический герой — художественный образ; человек, чьи мысли, чувства, состояния переданы в лирическом произведении.

Лирический герой — это вымышленное лицо, наделённое определёнными чертами, которые повторяются в цикле (сборнике) стихотворений, и даже биографией. Он может быть «художественным двойником поэта», как например, лирический герой стихотворения «Зимнее

Правообладатель Академия образования

утро» А. С. Пушкина — жизнерадостный человек, который любит природу, ценит её красоту, подмечает мельчайшие изменения в ней.

Сам термин появился только в XX веке, но «первооткрывателем» лирического героя в русской литературе принято считать М. Ю. Лермонтова.

1. Каким предстаёт лирический герой в стихотворении «Узник»? Таков ли он, как в стихотворении «Зимнее утро»?
2. На основании изученных ранее стихотворений А. С. Пушкина определите, какими ещё чертами личности обладает лирический герой его поэзии.
3. Вспомните, что такое романтический герой. Как соотносятся понятия «лирический герой» и «романтический герой»? Какими особыми чертами обладает лирический герой романтических произведений?

В Одессе. «Сожжённое письмо». С самого начала ссылки Пушкин надеялся на прощение: «Бог простит мои грехи, как Государь мои стихи». Однако за три года так и не получил его. Друзья поэта П. А. Вяземский и А. И. Тургенев начали хлопотать о нём, но добились только перевода в Одессу в начале июля 1823 года.

И. Ф. Соколов.
Е. К. Воронцова

В Одессе Пушкин прожил 13 месяцев и написал около сотни стихотворений, две с половиной главы «Евгения Онегина», значительную часть поэмы «Цыганы», закончил поэму «Бахчисарайский фонтан». Поэт вернулся к привычной жизни в светском обществе, его принимали во дворце губернатора Воронцова и в салоне супруги губернатора Елизаветы Ксаверьевны — необыкновенно красивой, прекрасно образованной женщины. Считается, что именно ей посвящены «Сожжённое письмо», «Талисман», «Храни меня, мой талисман...».

Сначала Воронцов готов был покровительствовать Пушкину, открыл для него личный архив и огромную библиотеку, привезённую из Европы. Но он относился к поэту с любезностью начальника, демонстративно не замечал индивидуальности Пушкина, что стало причиной конфликта между поэтом и губернатором. Мучимый ещё и ревностью, Воронцов неоднократно обращался в Петербург с просьбой «убрать» Пушкина из Одессы. Всё

решило перехваченное полицией письмо поэта, где он признавался, что берёт «уроки чистого афеизма» (атеизма). 29 июля 1824 года Пушкина вызвали в канцелярию наместника, где объявили о высылке, а 30 июля отставной коллежский секретарь выехал из Одессы в имение Михайловское под родительский надзор. Уже там, в родном доме, поэт написал стихотворение «Сожжённое письмо».

СОЖЖЁННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори письмо любви.
Готов я, ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули... пылают... лёгкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч[1] кипит... О провиденье!
Свершилось! Тёмные свернулися листы;
На лёгком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

1825 г.

1. Узнайте, какие обстоятельства из биографии Пушкина повлияли на создание стихотворения «Сожжённое письмо».
2. Каким вы представляете лирического героя этого стихотворения? Какие ключевые слова передают его чувства?
3. Как лирический герой стихотворения относится к «письму любви»? Выпишите средства художественной выразительности, показывающие одушевлённость письма. Что значит письмо для лирического героя?
4. Определите стихотворный размер этого произведения. Какой темп он задаёт развитию ситуации?
5. Почему лирический герой не может сохранить письмо, просто спрятав или утаив его? Как поэт показывает, что письмо обречено на сожжение? Почему сожжение письма описано столь подробно?

[1] *Сурги́ч* — специальная масса, которую нагревали, чтобы запечатать письмо.

Правообладатель Академия образования

6. Каким чувством проникнуты последние три строки стихотворения? Какие эпитеты передают это чувство? Раскройте смысл последней строки. Почему она не зарифмована?
7. Выполните задание «“Сожжённое письмо”: “прощай” или “останься”?».

Элегия как жанр лирики

Элегия (с греч. *elegeia* — ‘жалобный, плачевный’) — лирическое произведение, в котором передаются философские размышления поэта, проникнутые глубокой грустью, печалью.

Как особый жанр элегия возникла в Древней Греции, тогда она писалась двустишиями определённого размера. В русской литературе в этом жанре работали Н. М. Карамзин, К. Н. Ба́тюшков, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов и др. Элегия была очень популярна в романтизме.

Чертами элегии принято считать исповедальные интонации, печальное настроение, мотивы разочарования, одиночества, несчастливой любви и бренности (трудности, непродолжительности) земной жизни.

1. Опираясь на определение и характерные черты элегии, объясните, почему этот жанр был распространён в романтической поэзии.

«К морю». Стихотворение «К морю» было написано в трудные для поэта дни — во второй половине августа 1824 года. Тогда в Москве и Петербурге распространились слухи о самоубийстве поэта, взаимоотношения с графом Воронцовым и его супругой осложнились, царское правительство готовило доклад Александру I об увольнении Пушкина со службы, а сам он обдумывал план бегства за границу. Элегией «К морю» поэт откликнулся на смерть Дж. Г. Байрона — английского поэта-романтика, личность которого была популярна в начале XIX века.

Дж. Г. Байрон (1788—1824) последние годы своей жизни посвятил поддержке греческого народа в его борьбе за независимость от турок. Поэт продал практически всё своё имущество, снарядил на собственные средства корабль и уехал в Грецию, где помогал повстанцам объединиться. Он умер от лихорадки 19 апреля 1824 г. «Мы потеряли брата..., человечество — своего бойца, литература — своего Гомера мыслей... какое-то отчаянное эхо его падения отозвалось в сердцах у всех людей благомыслящих...» (декабрист А. А. Бестужев).

«К морю» подводит итог юности Пушкина и увлечению поэзией Байрона, означает переход от романтизма к реализму в творчестве.

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

1. Как поэт в строфе 1 одушевляет море?

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

2. Найдите эпитеты в строфе 3, характеризующие лирического героя. Похоже ли его состояние на море? Почему герой идёт на берег?

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей,
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

3. Перечитайте строфы 4 и 5. Чем море привлекает лирического героя?

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

4. К кому обращается лирический герой в строфе 7?

5. Почему в строфе 7 дважды употреблены многоточия?

О чём жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

6. Есть ли ответ на первый вопрос, поставленный в строфе 8? Почему?

Правообладатель Академия образования

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец[1].
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нём означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

1824 г.

1. Найдите в строфах 10 и 11 выражения, характеризующие Байрона. Каким предстаёт английский поэт в восприятии Пушкина?

2. Сравните первую и предпоследнюю строфы. Почему поэт дважды прощается с морем?

3. Почему в последней строфе появляется два ряда однородных членов предложения? Почему первый из них короче, чем второй? Что противопоставляется с их помощью?

1. Каким предстаёт море в стихотворении? Выпишите слова и выражения, характеризующие эту стихию. Какие средства художественной выразительности использовал поэт, чтобы создать образ свободной стихии? Найдите примеры звукописи, повторы, эпитеты, сравнения.

[1] *Вене́ц* — драгоценный головной убор, корона; здесь: символ императорской власти.

2. Что сближает лирического героя стихотворения и море? Какова тема произведения?
3. Составьте план стихотворения, объединив строфы в смысловые части и озаглавив их.
4. В каких строчках поэт обращается к Байрону? Почему его фамилия не названа в элегии?
5. Определите черты романтизма в стихотворении «К морю». Запишите план ответа на вопрос «Почему “К морю” А. С. Пушкина — романтическая элегия?».
6. Рассмотрите картину И. К. Айвазовского и И. Е. Репина «Прощание Пушкина с морем» (см. форзац 2). Сопоставьте её с элегией Пушкина «К морю». Какие поэтические символы отражены на полотне Айвазовского и Репина? Какие слова стихотворения созвучны картине?

«Цыганы[1]». Пушкин начал писать «Цыганы» в конце 1823 года на юге, а закончил в 1824 году в Михайловском. Пребывание в Бессарабии, знакомство с бытом цыган, кочевавших там, дало ему материал для написания поэмы. Как утверждал Пушкин, он сам бродил вместе с цыганами и даже был влюблён в цыганку, о чём и написал в эпилоге поэмы.

ЦЫГАНЫ

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах[2] изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колёсами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недальний,

Ил. К. А. Клементьевой

[1] *Цыга́ны* (устар.) — цыгане.
[2] Шатром цыгане называют жилище — брезентовую палатку.

Правообладатель Академия образования

И песни жён, и крик детей,
И звон походной наковальни[1].
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.
Огни везде погашены́,
Спокойно всё, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед у́глями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подёрнутое паром.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придёт; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далёких облака, —
Земфиры нет как нет; и стынет
Убогий ужин старика.

1. Какие изобразительно-выразительные средства использует Пушкин для того, чтобы показать необычность, яркость жизни цыган?

2. Какие слова являются ключевыми в характеристике этого народа?

3. Так ли на самом деле привлекателен образ жизни цыган?

Но вот она; за нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
«Отец мой, — дева говорит, —
Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала.
Он хочет быть, как мы, цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко — он
Готов идти за мною всюду».

4. Перечитайте строки о том, как Алеко появился в таборе. Можно ли назвать Алеко романтическим героем?

5. Что можно сказать о Земфире? Каким вы представляете внутренний мир девушки?

[1] *Накова́льня* — рабочий инструмент кузнеца.

Старик

Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле[1],
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб, и кров.
Будь наш — привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле —
А завтра с утренней зарёй
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел любой:
Железо куй иль песни пой
И сёлы обходи с медведем.

Алеко

Я остаюсь.

Земфира

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой
Зашёл; поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит...

1. Перечитайте слова отца Земфиры. Как он реагирует на появление Алеко — чужого человека в таборе? Чем можно объяснить такое отношение к герою?

2. Как вы понимаете слова Земфиры о её отношении к Алеко? Что они добавляют к пониманию характера девушки?

Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира: солнце всходит,
Проснись, мой гость! Пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!..»
И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход.
Всё вместе тронулось — и вот
Толпа вали́т в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;

[1] *До́ле* (устар.) — дольше.

Правообладатель Академия образования

Мужья и братья, жёны, девы,
И стар, и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рёв, его цепей
Нетерпеливое бряца́нье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай, и завыванье,
Волынки говор, скрып телег,
Всё скудно, дико, всё нестройно,
Но всё так живо-неспокойно,
Так чуждо мёртвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной!

1. Зачем так подробно описано утро в таборе? Какие синтаксические конструкции помогают поэту добиться точности в описании цыганской жизни?

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

2. Как чувствует себя Алеко в таборе? Почему он грустит?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдёт,
Птичка гласу Бога внемлет,
Встрепенётся и поёт.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдёт —
И туман, и непогоды
Осень поздняя несёт:
Людям скучно, людям горе;

3. Каково значение песни «Птичка божия не знает...» для понимания характера Алеко и его конфликта с обществом?

Птичка в дальние страны,
В тёплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной,
И он, изгнанник перелётный,
Гнезда надёжного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дальная звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в вёдро[1] ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но, Боже! Как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирели?
Они проснутся: погоди!

1. Что заставляет Алеко присоединиться к табору?

2. Что Алеко находит у цыган?

3. Какая черта романтического героя проявляется в этом?

Земфира

Скажи, мой друг: ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

[1] *Вёдро* — тёплая, солнечная, сухая погода.

Правообладатель Академия образования

Алеко

Что ж бросил я?

Земфира

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

Алеко

О чём жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним[1] запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

1. Что Алеко рассказывает о своей прошлой жизни?

2. Как в рассказе Алеко используется антитеза?

Земфира

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..

Алеко

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно моё желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!

[1] *Ве́шний* — здесь: весенний.

Старик

Ты любишь нас, хоть и рождён
Среди богатого народа.
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучён.
Меж нами есть одно преданье[1]:
Царём когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудрёное прозванье[2].)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный, —
И полюбили все его,
И жил он на брегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя;
Не разумел он ничего,
И слаб, и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мёрзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный Бог
Его карал за преступленье...
Он ждал: придёт ли избавленье.
И всё, несчастный, тосковал,

---

[1] Старый цыган рассказывает о древнеримском поэте Овидии, который был изгнан императором Августом в городок Томи (современная Румыния), где и умер. В изгнании Овидий увидел совершенно иную жизнь, написал «Скорбные элегии» (их высоко оценил А. С. Пушкин, прочитав во время южной ссылки).

[2] *Прозва́нье* — здесь: имя.

Правообладатель Академия образования

Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слёзы проливал,
Свой дальный град воспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Неуспокоенные гости!

1. Что помогает понять рассказ старого цыгана об изгнаннике — древнеримском поэте Овидии?

Алеко

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!..
Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

2. Как относятся к изгнаннику и его судьбе старик-цыган и Алеко?

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде по-прежнему находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещенья,
Алеко волен, как они;
Он без забот и сожаленья
Ведёт кочующие дни.
Всё тот же он; семья всё та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытью цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени,
И упоенье вечной лени,
И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной

3. Как долго Алеко находился у цыган? Стал ли он таким же, как они?

4. Действительно ли свободен Алеко?

И тяжко пляшет, и ревёт,
И цепь докучную грызёт;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьёт,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берёт.
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул — и всё в покое...
В шатре и тихо, и темно.

1. Какие чувства испытывает каждый из героев, слушая песню?

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поёт любовь,
Алеко внемлет и бледнеет.

Земфира

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Алеко

Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

Земфира

Не любишь? Мне какое дело!
Я песню для себя пою.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

2. Подготовьтесь к чтению диалога Земфиры и Алеко по ролям. Каково общее настроение Алеко? Какая интонация должна быть у Земфиры?

3. О чём поёт Земфира?

Правообладатель Академия образования

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

Алеко

Молчи, Земфира! Я доволен…

Земфира

Так понял песню ты мою?

Алеко

Земфира!

Земфира

Ты сердиться волен,
Я песню про тебя пою.

Уходит и поёт: Старый муж… *и проч.*

Старик

Так, помню, помню — песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поётся меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,
Её, бывало, в зимню ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнём качая дочь.
В уме моём минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронилась песня эта
Глубоко в памяти моей.

Всё тихо; ночь. Луной украшен
Лазурный юга небосклон,
Старик Земфирой пробуждён:
«О мой отец! Алеко страшен.
Послушай: сквозь тяжёлый сон
И стонет, и рыдает он».

1. Счастлив ли Алеко, доволен ли жизнью? Почему? Найдите подтверждение в тексте.

Старик

Не тронь его. Храни молчанье.
Слыхал я русское преданье:
Теперь, полунощной порой,
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарёй
Уходит он. Сиди со мной.

Земфира

Отец мой! Шепчет он: Земфира!

Старик

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

Земфира

Его любовь постыла[1] мне,
Мне скучно: сердце воли просит.
Уж я... Но тише! Слышишь? Он
Другое имя произносит...

Старик

Чьё имя?

Земфира

Слышишь? Хриплый стон
И скрежет ярый!.. Как ужасно!..
Я разбужу его...

Старик

Напрасно,
Ночного духа не гони —
Уйдёт и сам...

[1] *Постыть* (устар., разг.) — стать постылым, надоесть.

Правообладатель Академия образования

Земфира

Он повернулся,
Привстал, зовёт меня... проснулся.
Иду к нему. — Прощай, усни.

Алеко

Где ты была?

Земфира

С отцом сидела.
Какой-то дух тебя томил;
Во сне душа твоя терпела
Мученья; ты меня страшил:
Ты, сонный, скрежетал зубами
И звал меня.

Алеко

Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами...
Я видел страшные мечты!..

Земфира

Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко

Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.

Старик

О чём, безумец молодой,
О чём вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жёны славятся красой,
Не плачь: тоска тебя погубит.

Алеко

Отец, она меня не любит.

Старик

Утешься, друг: она дитя.
Твоё унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: под отдалённым сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льёт она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит —
И вот — уж перешла в другое;
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься.

Алеко

Как она любила!
Как нежно, преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
Иль упоительным лобзаньем[1]
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!..
И что ж? Земфира неверна?
Моя Земфира охладела!..

Старик

Послушай: расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал ещё москаль —
(Вот видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль.) —

1. С какой целью старик рассказывает историю из своей жизни?

[1] *Лобза́нье* (устар.) — поцелуй.

Правообладатель Академия образования

Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана.
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела;
И ни одна в кудрях моих
Ещё сединка не белела.
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею,
Как солнцем, любовался я,
И наконец назвал моею...

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Ещё быстрее: только год
Меня любила Мариула.

Однажды близ кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь, —
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал — заря блеснула,
Проснулся я, подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след...
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал — с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

1. Достиг ли цели рассказ отца Земфиры?

Алеко

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной
И хищникам, и ей, коварной,
Кинжала в сердце не вонзил?

2. Как Алеко реагирует на историю старого цыгана? С какой интонацией нужно прочитать ответ Алеко?

Старик

К чему? Вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем даётся радость;
Что было, то не будет вновь.

Алеко

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! Когда б над бездной моря
Нашёл я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

1. О каких правах говорит Алеко? Действительно ли они у него есть?

2. Перечитайте последние слова Алеко. Какие чувства его переполняют?

Молодой цыган

Ещё одно... одно лобзанье...

Земфира

Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган

Одно... Но доле! На прощанье.

Земфира

Прощай, покамест[1] не пришёл.

Цыган

Скажи — когда ж опять свиданье?

[1] *Пока́мест* (разг.) — то же, что пока.

Правообладатель Академия образования

Земфира

Сегодня, как зайдёт луна,
Там, за курганом над могилой...

Цыган

Обманет! Не придёт она!

Земфира

Вот он! Беги!.. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он, с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и
внемлет...
Всё тихо — страх его объемлет,
По нём текут и жар, и хлад;
Встаёт он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звёзд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведёт за дальние курганы:
Нетерпеливо он идёт,
Куда зловещий след ведёт.

1. Как изменился пейзаж в этом эпизоде поэмы?

2. Есть ли в природе какие-то зловещие предзнаменования, предупреждающие о грядущей трагедии?

Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним...
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим,
Дрожат уста, дрожат колени,
Идёт... И вдруг... иль это сон?

Вдруг видит близкие две тени
И близкий шёпот слышит он
Над обесславленной могилой.

1-й голос

Пора...

2-й голос

Постой...

1-й голос

Пора, мой милый.

2-й голос

Нет, нет, постой, дождёмся дня.

1-й голос

Уж поздно.

2-й голос

Как ты робко любишь.
Минуту!

1-й голос

Ты меня погубишь.

2-й голос

Минуту!

1-й голос

Если без меня
Проснётся муж?..

Алеко

Проснулся я.
Куда вы! Не спешите оба;
Вам хорошо и здесь, у гроба.

Земфира

Мой друг, беги, беги...

Правообладатель Академия образования

Ил. К. А. Клементьевой

Алеко

Постой!
Куда, красавец молодой?
Лежи!

Вонзает в него нож.

Земфира

Алеко!

Цыган

Умираю...

Земфира

Алеко, ты убьёшь его!
Взгляни: ты весь обрызган кровью!
О, что ты сделал?

Алеко

Ничего.
Теперь дыши его любовью.

1. Имел ли право Алеко убивать человека? Имеет ли вообще право человек убивать?

Земфира

Нет, полно, не боюсь тебя!
Твои угрозы презираю,
Твоё убийство проклинаю...

Алеко

Умри ж и ты!

Поражает её.

2. Мог ли Алеко поступить иначе в этой трудной ситуации?

Земфира

Умру любя...

Восток, денницей[1] озарённый,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавлённый,
Сидел на камне гробовом.

[1] *Денни́ца* (устар.) — утренняя заря.

Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой.
Могилу в стороне копали.
Шли жёны скорбной чередой
И в очи мёртвых целовали.
Старик-отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На всё... когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.

Ил. К. А. Клементьевой

Тогда старик, приближась, рек[1]:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним —
Не нужно крови нам и стонов —
Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рождён для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел — оставь же нас,
Прости, да будет мир с тобою».

1. Найдите строки для подписи к иллюстрации К. А. Клементьевой.

2. Перечитайте слова отца Земфиры. Почему старик изгоняет Алеко из табора, а не выбирает иную форму наказания?

Сказал — и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега.
И скоро всё в дали степной
Сокрылось; лишь одна телега,

3. Каким образом Пушкину удалось передать, что наказание вынесено не одним цыганом, а всем табором?

[1] *Рек* (устар.) — говорил.

Правообладатель Академия образования

Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подъемлется с полей
Станица[1] поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несётся,
Пронзённый гибельным свинцом.
Один печально остаётся,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь; в телеге тёмной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъёмной
До утра сном не опочил.

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.

В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орёл двуглавый
Ещё шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

[1] *Стани́ца* (устар.) — стая.

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны.
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

1824 г.

1. Перечитайте последние 2 строчки поэмы. Почему именно этими словами заканчивается поэма, посвящённая теме свободы и воли?

1. Назовите героев поэмы. Объясните, кого из них и почему можно считать романтическим героем.
2. Чем привлекателен для Алеко образ жизни цыган? Подтвердите свою мысль цитатами из текста.
3. Опишите Алеко. Совпадает ли его отношение к обществу, цивилизации и власти с позицией Пушкина?
4. Почему старый цыган рассказывает Алеко историю из своей жизни? Перечитайте слова Алеко после этого рассказа. Что понял из него Алеко?
5. Перечитайте последний монолог старого цыгана «Оставь нас, гордый человек!». Уточните значения слов «эгоист» и «индивидуалист». Определите, как эти слова соотносятся с выражением цыгана «гордый человек».
6. Перечитайте эпилог. Для чего он нужен в поэме? Как понимают свободу герои произведения? Составьте схему (таблицу), отражающую отношение к свободе Алеко, старого цыгана, Земфиры, цыган как народа.
7. Выполните тест на знание текста поэмы А. С. Пушкина «Цыганы».

Лиро-эпическая поэма

Для большинства современников Пушкин стал известен благодаря «южным поэмам»: «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Цыганы». Этот жанр поэт осваивает под влиянием Байрона, невероятно популярного в то время в Европе. Герои его произведений отправляются в добровольное изгнание, бегут от светского общества, воспевают свободу.

Правообладатель Академия образования

Лиро-эпическая поэма — это значительное по объёму стихотворное произведение, в котором сочетаются событийность (есть сюжет) и исповедальность (лирическое начало, связанное с позицией автора, выраженной, например, в лирических отступлениях).

В жанре лиро-эпической поэмы написаны «Мцыри» М. Ю. Лермонтова, «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского.

«Цыганы» А. С. Пушкина тоже лиро-эпическая поэма. В ней соединены черты романтизма и реализма. Это короткое, динамичное, остросюжетное произведение. Его герой — свободолюбивый, разочарованный индивидуалист, для которого единственным и последним спасением становится любовь. Но она заканчивается трагически и не способна вернуть героя к жизни. Алеко сначала отрицает городскую культуру, цивилизацию, отказывается от них, убегая к цыганам. Однако Алеко не может принять ценности и образ жизни цыган и следовать им до конца, поскольку принадлежит другому сословию. Он легко превращается в ревнивца, отказывающего в свободе другим. Пушкин впервые в романтическом произведении показал, что на человека влияет социальная среда, в которой он сформировался. В этом проявляется реализм в поэме «Цыганы».

1. Докажите, что «Цыганы» — лиро-эпическая поэма.
2. Найдите черты романтизма и реализма в этой поэме. Составьте таблицу «Черты романтизма и реализма в поэме “Цыганы” А. С. Пушкина».
3. Определите, как в поэме выражена авторская позиция, какие свои взгляды и идеи отразил в «Цыганах» Пушкин.
4. Рассмотрите иллюстрации К. А. Клементьевой к поэме «Цыганы». Соответствуют ли они пониманию поэмы А. С. Пушкина как романтического произведения?
5. Сформулируйте ведущие темы в творчестве А. С. Пушкина в период южной ссылки. Составьте таблицу, отразив в ней год создания, название, тему и идею произведения. Подготовьте на основе таблицы устное сообщение на тему «Понимание Пушкиным любви и свободы в годы южной ссылки».
6. Выполните задание «А. С. Пушкин. Южная ссылка».

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

(1814—1841)

Этой жизни суждено было проблеснуть блестящим метеоритом, оставить после себя длинную струю света и благоухания и исчезнуть во всей красе своей...

В. Г. Белинский

«Юный могучий талант...» Ранняя смерть матери Лермонтова и ссора отца с бабушкой Е. А. Арсеньевой тяжело сказались на формировании личности поэта. Лермонтов воспитывался у бабушки в имении Тарханы Пензенской губернии; получил превосходное домашнее образование. Будущий поэт занимался живописью и музыкой, свободно владел немецким и французским языками. Значимыми для становления личности Лермонтова стали и предания о легендарном основателе его рода шотландском поэте Томасе Ле́рмонте. К сильным впечатлениям детства относятся поездки на Кавказ (1820, 1825). Писать стихи начинает под влиянием творчества Дж. Байрона и А. Пушкина. Вовсе не собираясь стать поэтом, Лермонтов ведёт тайный личный дневник, в котором даже среди ранних стихов встречались шедевры. Таково стихотворение «Ангел», написанное 17-летним юношей, которое, однако, было опубликовано только в 1839 году.

АНГЕЛ

По небу полу́ночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духо́в
Под кущами[1] райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

[1] *Ку́щи ра́йские* — о месте изобилия и всеобщего благополучия.

Правообладатель Академия образования

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831 г.

1. Определите, как меняется настроение в каждом четверостишии. Какие чувства испытывает лирический герой стихотворения? Каков его общий эмоциональный настрой?
2. Какой образ в стихотворении является центральным? Какие средства художественной выразительности (эпитеты, метафоры, повтор союзов) использованы автором для его создания?
3. М. Ю. Лермонтов вспоминал о создании стихотворения «Ангел»: «Когда я был трёх лет, то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услыхал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне моя покойная мать». Какие черты сближают стихотворение Лермонтова с лирической песней?
4. Это стихотворение положено на музыку. Найдите и прослушайте романс «Ангел» А. Г. Рубинштейна и С. В. Рахманинова. Сравните их. Определите, как музыкальность и нежная теплота стихотворения переданы в романсе.

«Да, такова была моя участь с самого детства». В начале 1841 года М. Ю. Лермонтов в последний раз приехал в Петербург. Он собирался уйти в отставку и посвятить себя литературе, но через несколько месяцев был во второй раз сослан в действующую армию на Кавказ. На прощание писатель В. Ф. Одо́евский подарил Лермонтову записную книжку с надписью: «Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам, и всю исписанную». Уже в дороге книжка была заполнена наполовину: поэтом «овладел демон поэзии». На последних страницах записаны стихи «Листок», «Пророк», «Утёс», «Выхожу один я на дорогу...», созданные Лермонтовым всего за несколько дней до гибели на дуэли.

* * *

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внéмлет[1] Богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чём?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.

1841 г.

1. Какое слово является ключевым для понимания стихотворения? Найдите другие слова с похожим значением. Какими ещё средствами выразительности передано состояние лирического героя?
2. При помощи каких частей речи в стихотворении передана особенность ночного пейзажа? Почему этот пейзаж называют космическим? Можно ли говорить об одушевлении природы?
3. Почему лирический герой оказался один ночью на дороге?
4. Объясните, как состояние «светлой печали» усиливается с помощью стихотворного размера и рифмы.

[1] *Внéмлить* (устар.) — внимательно прислушиваться, слушать.

Правообладатель Академия образования

5. Сопоставьте своё представление о лирическом герое стихотворения с тем, как увидел его художник Н. А. Устинов (см. форзац 2). Какой пейзаж выбрали бы вы для иллюстрации к стихотворению?

6. Установите, с какими более ранними произведениями Лермонтова перекликается стихотворение «Выхожу один я на дорогу...». Что изменилось в мировосприятии поэта по сравнению с его ранним творчеством?

7. Стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» легло в основу романса, музыку к которому написала Е. С. Шашина, актриса и композитор XIX века. Послушайте романс в исполнении Анны Герман. Удалось ли певице передать чувства и эмоции лирического героя стихотворения?

«Слова, сказанные им о влюблённости, не имеют себе равных...» Родственник и друг Лермонтова А. П. Шан-Гирей вспоминал: «Будучи студентом, он был страстно влюблён в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтичная и в высшей степени симпатичная... Чувство к ней Лермонтова было безотчётно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...».

Э. Мартен.
В. А. Лопухина

Оказывается, любовь зародилась, когда обоим было по 15 лет. Известно, что чувства были взаимными. Но в 1835 году появились слухи, что Лермонтов женился на Екатерине Сушковой, и Варвара Лопухина вышла замуж. Вскоре она раскаялась в этом, так как продолжала любить поэта. Молодые люди вели обширную переписку, и Варвара Лопухина первой читала все произведения поэта. Лишь с одним из них она ознакомилась только после смерти возлюбленного: Лермонтов хранил его в отдельной тетради и не публиковал, боясь скомпрометировать свою избранницу. Стихотворение «Она не гордой красотою...», написанное в 1832 году, стало достоянием общественности спустя 15 лет.

* * *

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан её — не стан богини,

И грудь волною не встаёт,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признаёт.
Однако все её движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос в душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

1832 г.

1. В чём автор видит достоинства своей возлюбленной? Почему не называет её по имени, а использует местоимение «она»?
2. Докажите, что поэт, рисуя свою возлюбленную, идёт от общего впечатления к частному (к отдельным деталям внешности).
3. Найдите устаревшие слова и грамматические формы. Как они влияют на создание образа возлюбленной? Можно ли говорить о её обожествлении?
4. Что можно сказать о лирическом герое стихотворения? Как его характеризует подобное отношение к женщине?

«...Это вечное, сильное искание истины...» Стихотворений с названием «Молитва» в творчестве поэта три. Только последнее из них посвящено светской красавице княгине Марии Алексеевне Щербатовой. Биограф поэта О. А. Смирнова так писала о создании стихотворения: «Машенька велела ему молиться, когда у него тоска. Он ей обещал и написал эти стихи». Вероятно, именно из-за М. А. Щербатовой возник конфликт у Лермонтова с сыном французского посланника Э. де Барантом. После этого поэт был предан военно-полевому суду и переведён в действующую армию на Кавказ. Эта ссылка стала для Лермонтова последней и закончилась дуэлью с Мартыновым и смертью поэта.

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Правообладатель Академия образования

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839 г.

1. Каково состояние лирического героя стихотворения? Понятно ли, какую молитву он читает? Почему поэт не дал прямого ответа на этот вопрос?
2. Объясните значение слова «благодать». Перечитайте строфу 3 стихотворения. Определите, в чём заключается «сила благодатная» молитвы, как она выражается.
3. Найдите звуки (согласные и гласные), которые повторяются в строфах 1 и 3. Предположите, почему поэт использовал в стихотворении такой звуковой строй.
4. Какой смысл придаёт стихотворению синтаксис последней строфы?

Понятие о лирическом мотиве

Лирический мотив — повторяющийся у конкретного автора комплекс чувств и идей, мыслей о чём-либо (неразделённая любовь, трагическое одиночество, светлая грусть и др.).

Для осмысления творчества любого писателя важно определить мотивы в его произведениях — смысловые элементы художественного текста, повторяющиеся в нескольких произведениях. Лирический мотив тесно связан с темой произведения. Например, для А. С. Пушкина ключевыми темами являлись любовь, дружба, свобода, природа; для М. Ю. Лермонтова — одиночество, разочарование, жажда деятельности и невозможность её осуществления, Родина, природа. Ведущими мотивами в поэзии Лермонтова считают свободу, память, изгнанничество, сон, мечту и др.

1. Сравните лирические мотивы произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Что объединяет творчество этих поэтов? В чём заключаются различия их мироощущений?

Литература второй половины XIX века

Вторая половина XIX в. началась «мрачным семилетием» — так называют последние годы царствования Николая I. Россия вела трудную Крымскую войну (1853—1856). Новый царь, Александр II, начал реформы в стране, однако ситуация в России продолжала осложняться. Отмена крепостного права в 1861 г. вызвала новый взрыв народных волнений.

Во второй половине XIX века в русской литературе наблюдается расцвет реализма. В России появился **особый тип писателя** — не только художника, но и проповедника[1], пророка[2]. К идеям Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова прислушивались и деятели искусства, и правители, и политики.

Литература приобрела ярко выраженную социальную направленность. Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Максим Горький отстаивали в своих произведениях общечеловеческие ценности, поднимали общественно-политические проблемы и критиковали недостатки общества того времени. Поэтому их творчество обычно относят к *критическому реализму*.

Главное место в литературе занимала *тема страданий народа*, его бедственного положения. Помещика в роли главного героя сменил *разночинец* — прогрессивно настроенный интеллигент недворянского происхождения. Благодаря Н. А. Некрасову и его последователям существенно изменился *литературный язык:* он приблизился

---

[1] *Проповéдник* — человек, который распространяет определённые философские и иные идеи, учения.

[2] *Прорóк* — тот, кто открывает истинный смысл происходящих событий и может предсказать будущее.

Правообладатель Академия образования

к народной разговорной речи. Всё это позволяет утверждать, что во второй половине XIX века русская литература приобрела ярко выраженный *демократизм* (отражение жизни всех социальных групп общества) и *народность* (оценка произведений и их героев с точки зрения моральных норм крестьянства).

В тот период появились шедевры во всех *жанрах*: лирических (поэма, стихотворение), эпических (роман, повесть, рассказ), драматических (комедия, драма).

1. Какие исторические события, произошедшие во второй половине XIX века, повлияли на развитие русской литературы?
2. Запишите особенности русской литературы второй половины XIX века.
3. Вспомните русских писателей второй половины XIX века, чьи произведения изучались ранее (были прочитаны самостоятельно). О чём эти произведения? В каких жанрах они написаны? Сделайте вывод о жанровом (тематическом) разнообразии русской литературы второй половины XIX века.

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

1821—1878

> Любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии.
>
> *Н. А. Добролюбов*

«На мне года гнетущих впечатлений оставили неизгладимый след». Некрасов вырос в живописных местах на берегу Волги. Детские годы омрачала жестокость отца, а угнетение народа, которое очень рано заметил будущий поэт, не давало ему покоя всю жизнь. В 16 лет он приехал в Петербург и был поражен бедствиями и страданиями городских низов. Некрасов сам несколько лет беспрерывно голодал, зарабатывая на хлеб написанием прошений и писем по просьбе неграмотных. Поэт испытал и творческие разочарования: первый сборник стихов был настолько неудачным, что Некрасов сам выкупил и уничтожил весь тираж. Но уже через пять лет он получил высокую оценку критика

В. Г. Белинского: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!» Некрасов не раз слышал: «Брось воспевать любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину. Это фальшь, которая режет ухо», но до конца своих дней он оставался верным избранному пути в творчестве. Успешный редактор и издатель авторитетнейших в то время журналов «Современник» и «Отечественные записки», Некрасов помог найти путь в литературу Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому.

1. Приведите биографические сведения, доказывающие справедливость слов Ф. М. Достоевского о Н. А. Некрасове: «Это было раненное в самом начале жизни сердце...».
2. Вспомните произведения Некрасова, которые изучались ранее (были прочитаны самостоятельно). Определите их темы. Сделайте вывод о том, почему Некрасова считают поэтом «бедствий народных», а сам он, оценивая своё творчество, написал: «Я лиру посвятил народу своему...».

«Вы зачем тут, несчастные дети?» Во многих произведениях у Н. А. Некрасова слышится боль не только за русского человека вообще, но и за ребёнка.

Трудную жизнь крестьянских детей поэт видел с детства. Уехав в Петербург, он прочувствовал трагическую судьбу городских детей. В городе с его шумом и суетой, смрадом и копотью фабрик и заводов поэту слышится «детей раздирающий плач». В стихотворении «Плач детей» Н. А. Некрасов показывает тяжкую долю маленьких фабричных рабочих.

1. Вспомните, какие стороны детской жизни отразил Н. А. Некрасов в поэме «Крестьянские дети». Какие чувства испытывает автор по отношению к детям?

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Всё живое — счастливо живёт,

Правообладатель Академия образования

В. Е. Маковский.
Свидание

Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берёт.
Только нам гулять не довелося
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колёса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдаёт,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьётся, всё кругом идёт:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!
Бесполезно плакать и молиться —
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!

В. Г. Перов.
Тройка

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться, —
Но зачем идём мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвём на части сердце ей...»

1860 г.

1. От чьего имени ведётся повествование о работе детей? Какое впечатление это производит на читателя?
2. Запишите в тетради выражения, создающие образ «проклятого» колеса. Укажите, какое средство художественной выразительности использовано в каждом примере. Можно ли говорить, что колесо является символом? Раскройте смысл этого символа.
3. Как Некрасов описывает состояние детей? Найдите строки, в которых говорится о том, каким должно быть детство (о чём дети мечтают). Какой приём здесь использовал автор?
4. Почему стихотворение насыщено восклицательными предложениями, а заканчивается многоточием?
5. Сопоставьте стихотворение Н. А. Некрасова «Плач детей» с картинами В. Г. Перова «Тройка» и В. Е. Маковского «Свидание». Какую сторону общественной жизни показывают эти произведения? Узнайте, насколько обычным было такое положение детей из социальных низов во второй половине XIX века.

«Всю жизнь за женщину страдаю...» Воспитанный жестоким отцом, Некрасов через всю свою жизнь пронёс светлый образ женщины, сформировавшийся под влиянием матери. «...Всё, что есть у меня хорошего, — от неё!» — говорил поэт. Чуткая, образованная, Елена Андреевна всегда поддерживала сына, даже когда он, ослушавшись отца, не поступил в военную академию, а решил стать поэтом. Судьба собственной матери тесно переплетена в творчестве Некрасова с образом русской женщины — крестьянки, труженицы.

В Крымской войне (1853—1856) русские солдаты проявляли чудеса героизма, но Россия проиграла войну и понесла огромные по тем временам потери. Об этом Л. Н. Толстой, сам участвовавший в обороне Севастополя, поведал всему миру в «Севастопольских рассказах». Некрасов опубликовал рассказы Толстого, а в своём стихотворении «Внимая ужасам войны...» показал войну с необычной точки зрения, описав горе матерей, которые потеряли сыновей.

Правообладатель Академия образования

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! Утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слёзы —
То слёзы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1855 г.

1. Перечитайте первую строку: почему используется устаревшая форма деепричастия?
2. Кому несёт горе гибель солдата? Одинаково ли горе жены и матери? С помощью каких приёмов показана разница чувств жены и матери? Как относится к ним лирический герой?
3. Какие эмоции передаёт междометие «увы»? Как они раскрываются дальше в стихотворении?
4. Какими словами Некрасов характеризует жизнь общества? Уточните их смысл. Почему так резко высказался поэт о современной ему жизни?
5. Найдите образный параллелизм[1] в стихотворении. Что он привносит в характеристику образа матери?
6. Почему в стихотворении нет деления на строфы?
7. Выучите стихотворение наизусть.
8. У стихотворения «Внимая ужасам войны...» нет заглавия. Придумайте свой заголовок, отразив в нём тему и (или) основную мысль произведения.

[1] См. Словарь литературоведческих терминов (с. 299).

14 декабря 1825 г. в Петербурге на Сенатскую площадь во главе нескольких тысяч солдат вышли 30 офицеров-дворян, требуя уничтожения в России самодержавия и отмены крепостного права. По приказу Николая I их окружили и обстреляли из пушек. Погибло около трети восставших солдат. Последовали аресты. После суда пять руководителей восстания были казнены, а 120 человек, лишённых состояния, чинов и наград, отправлены на пожизненную каторгу в Сибирь. В 1856 г. Александр II, взойдя на трон, подписал указ о помиловании участников восстания на Сенатской площади. К прежней жизни смогли вернуться только 19 осуждённых декабристов.

«Их имена забыться не должны». «Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга... Ни в чём не повинные, они <...> перенесли всё, что перенесли их осуждённые мужья», — писал Ф. М. Достоевский о жёнах декабристов. Презрев царские указания, бросив детей, отказавшись от прошлого, многие из них поехали в Сибирь. Мария Волконская, жена одного из руководителей восстания, писала дневник о своей «сибирской» жизни. Узнав, что у Михаила Сергеевича Волконского, сына декабриста, хранятся записки матери, Некрасов выпросил разрешение прочесть их. «Читали три вечера, — вспоминал М. С. Волконский, — <...> при этом Николай Алексеевич по нескольку раз в вечер вскакивал со словами “довольно, не могу”, бежал к камину, садился и, схватясь руками за голову, плакал, как ребёнок».

Здесь же, у Волконского, поэт набросал для себя краткое изложение записок. В 1871 году была окончена «Княгиня Трубецкая», в 1872 — «Княгиня Волконская», составившие поэму «Русские женщины».

Екатерина Ивановна Трубецкая, урождённая графиня Лаваль, — жена декабриста С. П. Трубецкого. Она выросла в роскоши, ни в чём не нуждалась. Но «...княгиня Трубецкая первая проложила путь, не только дальний, неизвестный, но и весьма трудный, потому что от правительства дано было повеление отклонять её всячески от намерения соединиться с мужем». Деятельная, сердечная Екатерина Ивановна в Чите и Иркутске заботилась об узниках, вела их переписку. К столичной жизни она так и не вернулась: умерла за 2 года до царского указа о помиловании.

Правообладатель Академия образования

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

ПОЭМА

(В сокращении)

(1826 год)

Часть первая

Покоен, прочен и легóк
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость[1] в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

1. Перечитайте начало поэмы. Почему у героев нет имён?

2. С помощью каких средств поэт передаёт напряжённость и драматизм ситуации расставания?

I

«Да, рвём мы сердце пополам
    Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
    Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
    Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
    И с миром отпусти!

[1] *Медвéжья пóлость* — здесь: покрывало, которым укутывали ноги, чтобы было теплее.

II

Бог весть, увидимся ли вновь.
    Увы! Надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
    Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
    В далёкой стороне.
Не плачу я, но не легко
    С тобой расстаться мне!

III

О, видит Бог!.. Но долг другой,
    И выше, и трудней,
Меня зовёт... Прости, родной!
    Напрасных слёз не лей!
    Далёк мой путь, тяжёл мой путь,
Страшна судьба моя,
    Но сталью я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!

IV

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим.

V

Счастливо молодость моя
Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
Катанья с гор крутых,
Любила плеск Невы твоей
В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней
С героем на коне...

Ил. В. Л. Гальдяева

1. Какие слова свидетельствуют о том, что решение княгини — не временный порыв, а результат твёрдого убеждения в своей правоте?

2. Какие личностные качества демонстрирует княгиня, отправляясь к мужу в Сибирь?

Правообладатель Академия образования

VI

Мне не забыть... Потом, потом
Расскажут нашу быль...
А ты будь проклят, мрачный дом,
Где первую кадриль
Я танцевала... Та рука
Досель[1] мне руку жжёт...» <...>

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.

Вся в чёрном, мертвенно бледна,
Княгиня едет в нём одна,

А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
Свища бичом, крича: «Пади!»

Ямщик столицу миновал...
Далёк княгине путь лежал,

Была суровая зима...
На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей,
Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы[2] челяди ямской[3].
Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Ещё скакали десять дней.
«Увидим скоро Енисей, —

1. Проведите небольшое исследование: с кем танцевала первую кадриль героиня? Почему она не называет имени своего партнёра по танцу?

Ил. В. Л. Гальдяева

[1] *Досе́ль* (устар.) — до сих пор.
[2] *Черво́нец* (устар.) — название крупных золотых монет.
[3] *Че́лядь ямска́я* (устар.) — слуги на станциях, где меняли лошадей.

Сказал княгине секретарь,
Не ездит так и государь!..»

Вперёд! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,
Но грёзы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал.
Огнями весь горит. <...>
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики <...>
<...> ...Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них сановники[1], послы,
Весь модный свет у них...

«О милый! Что ты так угрюм?
Что на́ сердце твоём?»
— Дитя! Мне скучен светский шум,
Уйдём скорей, уйдём!

И вот уехала она
С избранником своим.

1. Почему для рассказа о прошлой жизни княгини Некрасов использует форму сна, а не воспоминания, рассказ отца или какой-нибудь иной композиционный приём?

2. Какие образы приходят к героине во сне, когда она уезжает из столицы?

[1] *Сано́вник* — влиятельный чиновник, занимающий высокое положение.

Правообладатель Академия образования

Пред нею чудная страна,
Пред нею — вечный Рим...
Ах! Чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг. <...>

Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грёз,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..
Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ...

Ил. В. Л. Гальдяева

1. Подберите строки из поэмы к иллюстрации В. Л. Гальдяева.

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандальный звон!
«Эй, кучер, погоди!»
То ссыльных партия идёт,
Больней заныла грудь.
Княгиня деньги им даёт, —
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

1. Что разбудило героиню, прогнало грёзы о её прошлой жизни?

2. Найдите средства художественной выразительности, использованные автором, чтобы передать впечатления героини от встречи с каторжанами.

Мороз сильней, пустынней путь,
Чем дале на восток;
На триста вёрст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На тёмный ряд домов.
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаёк от скуки пьют.
Прошёл солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замёрзли окна... огонёк
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй, вы!» — и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево — тёмный лес...

3. С помощью каких художественных приёмов Некрасов показал, что путь княгини действительно был очень тяжёл?

Правообладатель Академия образования

Кипит больной, усталый ум,
    Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
    Мучительно быстра:
Княгиня видит то друзей,
    То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей —
    Бог знает почему, —
Что небо звёздное — песком
    Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
    Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
    Равнина без конца.
Ещё мертвей! Не встретит глаз
    Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
    Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
    И думает с тоской:
«Сюда-то жадный человек
    За золотом идёт!
Оно лежит по руслам рек,
    Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
    Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
    Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
    Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
    Нашёл тебя Ермак?..»

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжёлых дум полна...

Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шёлк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли ещё полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафёр[1]...

1. Почему восстание декабристов героиня видит во сне?

2. Почему автор показывает восстание в поэме глазами княгини, а не одного из участников?

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
Влетев в каре[2], грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!» —
Убили и того.
Явился сам митрополит
С хоругвями[3], с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царём!»

3. Откуда героиня наблюдает за происходящим?

[1] *Куафёр* (фр.) — парикмахер.
[2] *Каре́* — построение пехоты квадратом для отражения атак неприятеля.
[3] *Хору́гвь* — знамя.

Правообладатель Академия образования

Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
— Уйди, старик! Молись за нас!
Тебе здесь дела нет...

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «Па-ли!..»
Картечь свистит, ядро ревёт,
Рядами валится народ.
«...О милый! Жив ли ты?»
Княгиня, память потеряв,
Вперёд рванулась и стремглав
Упала с высоты!

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряца́нье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдалённый шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрёстный бой часов,
Да крики часовых...

1. Какие средства поэт использует, чтобы показать тюрьму? Что должны были вызвать эти детали у читателей и у самой героини?

С ключами старый и седой
Усатый инвалид.
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит. —
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

2. Перечитайте описание встречи с супругом в тюрьме. Как относится к героине тюремщик?

Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...

Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..» — «Не ходи,
Не тронешь палача!»
— «О милый! Что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
— «Наивен твой вопрос».

1. Как героиня пытается облегчить участь мужа? Почему он запрещает идти к царю с прошением?

«Пора! Пробил урочный час!» —
Тот «третий» произнёс...

Княгиня вздрогнула, — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей. <...>

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,

Правообладатель Академия образования

Передней тройки не слыхать.
«Эй! Жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? Не вздумай спать!»
— «Не бойтесь, я привык...»

Летят... Из мёрзлого окна
    Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
    Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
    Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
    Её переселил.
Тот край — он ей уже знаком —
    Как прежде, неги полн,
И тёплым солнечным лучом,
    И сладким пеньем волн
Её приветствовал, как друг...
    Куда ни поглядит:
«Да, это — юг! Да, это — юг!» —
    Всё взору говорит...
<...>
Ей солнце, море и цветы
    Поют: «Да, это — юг!»

В долине между цепью гор
    И морем голубым
Она летит во весь опор
    С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
    С деревьев льётся аромат,
На каждом дереве горит
    Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви тёмные сквозит
    Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
    Мелькают паруса,

А горы, видные вдали,
    Уходят в небеса. <...>
Вот вьючный мул идёт шажком,
    В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
    С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!» —
    И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
    Цветок... да! это — юг!
Страна античных, смуглых дев
    И вечных роз страна...
Чу! Мелодический напев,
    Чу! Музыка слышна!..

«Да, это — юг! Да, это — юг!
(Поёт ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

Ил. В. Л. Гальдяева

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далёк!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Её в Иркутске встретил сам
    Начальник городской...<...>

1. Сколько времени провела княгиня в пути до встречи с губернатором?

2. Что случилось со спутником княгини? Зачем Н. А. Некрасов ввёл эту деталь?

Правообладатель Академия образования

Княгиня

(входит в станционный дом)
В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришёл я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалёк мой путь...

1. Почему губернатор лично встретил княгиню?

Губернатор

Всё ж будет вёрст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдёт,
Опасная езда!.. <...>

Княгиня <...>

(отворяя дверь в сени)
Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

2. Решение не пропускать княгиню принадлежит самому губернатору или навязано ему?

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней. <...>

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я ещё не приказал...
Княгиня! Здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! Что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше, и святей,
Меня зовёт. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

1. О каком долге говорит княгиня?

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — ещё бедней,

2. Какими средствами художественной выразительности пользуется губернатор, чтобы обрисовать суровую природу Сибири и нравы людей, которые её населяют? Что должно было вызвать у героини подобное описание?

Правообладатель Академия образования

Короче нашей там весна,
Зима — ещё длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки[1];
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придётся с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалится никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьёт!

1. Какие картины будущей жизни нарисовал губернатор, чтобы отговорить княгиню от дальнейшего пути?

2. Перечитайте все ответы княгини. Каково состояние героини? Может ли что-нибудь поколебать её решимость? Найдите строки, которые ярче всего передают бесстрашие героини, её твёрдость и мужество.

[1] *Варна́к* — бежавший с каторги.

Я вас обязан убедить.
Не ездите вперёд!
Ах! Вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..

Правообладатель Академия образования

Я еду! Еду! Я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрёте, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с чёрствым сухарем
Заснуть... А добрый сон пришёл —
И узник стал царём!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснётся он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих.
А с вами?.. С вами не знавать
Ему счастливых грёз,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слёз.

1. Как губернатор описывает состояние мужа княгини в ссылке? Что, по мнению чиновника, испытывает осуждённый?

Княгиня

Ах!.. Эти речи поберечь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг. Я слёз не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нём спасу,
Я силы дам ему!

2. Перечитайте слова княгини, которыми она реагирует на доводы губернатора. Появляются ли у неё новые аргументы или новые эмоции в ответ на предостережения и угрозы губернатора?

Презренье к нашим палачам,
Сознанье правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь чёрствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнёт,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почёт.
Как знать? Быть может, Бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

1. Чего добивается губернатор, почему не отпускает княгиню к мужу, а рекомендует вернуться «в свет»?

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество[1],
Поруганную честь,

2. Как княгиня охарактеризовала «свет»? Как вы понимаете слова княгини «Нет, в этот вырубленный лес меня не заманят, где были дубы до небес, а нынче пни торчат!»?

[1] *Ха́нжество* — лицемерие, двойные стандарты по отношению к людям и их поступкам.

Правообладатель Академия образования

Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? Жить среди клевет,
Пустых и тёмных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? К кому любовь?

1. Оцените слова губернатора о пощаде. Как вы думаете, понимали ли декабристы, решившись на восстание, последствия для своих семей?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперёд,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасёт...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что́ станется с женой,
Увлёкся призраком пустым,
И — вот его судьба!..
И что ж?.. Бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

2. В чём смысл последнего аргумента губернатора? Перечитайте его слова. Что пытается вызвать в душе героини губернатор?

Княгиня

Нет! Я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

1. Какие чувства звучат в последнем ответе княгини губернатору?

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнёс:
— До завтра, — и ушёл...

2. Почему губернатор ушёл «в раздумье»?

Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: «Быть так!
Вас не спасёшь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!»

«Да что же мне ещё терять?»
— За мужем поскакав,

Правообладатель Академия образования

Вы отреченье подписать
    Должны от ваших прав!

Старик эффектно замолчал,
    От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
    Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
    А вы ещё дитя!
Вам наши кажутся права
    Правами — не шутя.
Нет! Ими я не дорожу,
    Возьмите их скорей!
Где отреченье? Подпишу!
    И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
    Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
    И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
    Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
    Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
    Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
    Зайду я к вам опять!..

Ушёл и не был целый день...
    Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
    Пошла к нему сама.
Её не принял генерал:
    Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
    Мучительных прошло,

А на шестой пришёл он сам
И круто молвил ей:
— Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придёте, если вас
Дорога не убьёт.
Навряд версты четыре в час
Закованный идёт;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят.
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненек путь! Да вот-с каков:

1. Как княгиня реагирует на то, что её отправят «по этапу»? Что её испугало? Как это характеризует героиню?

Ил. В. Л. Гальдяева

2. Какой последний аргумент привёл губернатор? Что ожидал чиновник от молодой женщины?

Правообладатель Академия образования

Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдёт!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! Я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Велите ж партию сбирать —
Иду! Мне всё равно!..

1. Перечитайте ответ княгини. Найдите строки, доказывающие, что героиня морально готова к жизни на каторге.

2. Оцените последние слова губернатора (когда он не смог уговорить княгиню) с позиции нравственности.

— Нет! Вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза. —
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилася слеза.)
Простите! Да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царём душа моя
Чиста, свидетель Бог!
Острожным жёстким сухарём
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.

Ил. В. Л. Гальдяева

3. Почему губернатор всё-таки дал лошадей?

Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
(Отворяя дверь, кричит.)
Эй! Запрягать, сейчас!..

1826 г.

1. Какие события, описанные в поэме, особенно поразили вас?
2. Составьте план поэмы. Определите, какие части содержат экспозицию, завязку, кульминацию и развязку.
3. Перечитайте эпизод о прощании княгини Трубецкой с отцом. Что говорит героиня отцу? Что заставляет её покинуть Петербург? Какие качества княгини проявились в этом поступке?
4. Используя текст, расскажите о прежней жизни героини поэмы. Почему читатель узнаёт о княгине через её сон? Легко ли ей было оставить такую жизнь?
5. Составьте таблицу «Сны княгини Трубецкой». Почему Некрасов так часто описывает сны в первой части поэмы?

Номер сна	Основное содержание	Ключевые образы	Символический смысл

6. Как ведёт себя губернатор при встрече с княгиней? Составьте логическую цепочку, отразив смену поведения и эмоционального состояния губернатора. Почему происходят эти перемены? Подготовьте чтение по ролям диалога губернатора и княгини.
7. Чем грозит губернатор молодой женщине, в чём он её упрекает? Как княгиня реагирует на оскорбления? Отразите свои наблюдения в таблице «Диалог с губернатором».

Реплика губернатора	Реакция княгини

8. В чём заключается особенность финала поэмы? Почему Некрасов не показал прибытие Трубецкой на Нерчинские рудники?
9. Можно ли назвать поступок княгини Трубецкой подвигом?

Правообладатель Академия образования

10. Первоначально поэма называлась «Декабристки». Почему Н. А. Некрасов изменил заглавие? Какими чертами обладала героиня поэмы? Что позволило её считать воплощением русского национального характера? Есть ли среди наших современниц женщины, соответствующие некрасовскому идеалу?
11. Узнайте, как сложилась судьба героини поэмы (других жён декабристов) в действительности. Пользуясь дополнительной литературой, создайте альбом-презентацию «Жена декабриста» («Жёны декабристов»). Для выполнения задания распределитесь по группам. Каждой группе необходимо подготовить «страницы», посвящённые одной из этих женщин (или осветить какой-нибудь фрагмент из жизни, например, Е. И. Трубецкой).

Поэма-путешествие

Поэма — крупное лирическое или лиро-эпическое произведение.

Чтобы придать масштабность повествованию, показать жизнь народа всей России, Н. А. Некрасов часто использовал особый жанр — поэму-путешествие.

Поэма-путешествие — особый вид лиро-эпического произведения, в котором главный герой, чтобы разрешить трудную жизненную ситуацию, вынужден перемещаться на значительные расстояния.

Дорога является одним из символов России, подчёркивает необъятность страны и свободолюбие населяющих её народов. Лирический герой в поэме-путешествии встречает разных людей, беседует с ними и находит способ решения главной проблемы. Это позволяет включать в произведение диалоги, пространные описания и лирические отступления.

1. Понаблюдайте за особенностями композиции поэмы «Русские женщины». Как построена часть «Княгиня Трубецкая»? Почему есть мнение, что это не просто путешествие по просторам России, но и передвижение во времени и в душе героини?
2. Докажите, что в поэме широко представлены быт и нравы русского народа первой половины XIX века.
3. Создайте карту путешествия княгини Е. И. Трубецкой «Из Петербурга в Сибирь». Узнайте, сколько длился этот путь в поэме и в реальной жизни. Совпадает ли реальное и поэтическое время?

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

1818—1883

Тургенев был человек высокоразвитый, убеждённый и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов.

М. Е. Салтыков-Щедрин

И. С. Тургенев — фигура уникальная в русской культуре. Он свободно говорил на нескольких европейских языках, однако все свои произведения писал исключительно на русском. Иван Сергеевич был истинным патриотом, откликавшимся на каждое значимое событие общественно-политической жизни России, хотя большую часть своей жизни он провёл во Франции. Тургенев — первый русский писатель, с которым познакомилась Европа. «...Гениальный романист, изъездивший весь свет, знавший всех великих людей своего века, прочитавший всё, что только в силах прочитать человек, и говоривший на всех языках Европы так же свободно, как на своём родном», — говорил о Тургеневе французский писатель Ги де Мопассан.

В начале 1857 г. в письме своему другу — литературному критику П. В. Áнненкову И. С. Тургенев писал: «Я переживаю — или, может быть, доживаю нравственный и физический кризис, из которого выйду либо разбитый вдребезги, либо... обновлённый!» В июне писатель приехал в Зинциг на Рейне (недалеко от Бонна в Германии) лечиться от невралгии и совершил большую прогулку по долине реки Аре. Во время поездки и зародился замысел повести «Ася». Тургенев так рассказывал об этом: «Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она и зачем она в этом домике, какие её отношения к старухе, — и так тут же в лодке и сложилась у меня вся фабула рассказа».

Над повестью писатель работал в июле 1857 г. сначала в Баден-Бадене, потом в Париже. Писал произведение «с особенным настроением, похожим на вдохновение».

Правообладатель Академия образования

Повесть была напечатана под заголовком «Ася. Рассказ Н. Н.» в 1858 году в январском номере журнала «Современник». Тургенев с волнением ждал отзывов. Критик Анненков дал произведению самую высокую оценку, прибавив: «И не я один буду тронут и потрясён». Некрасов писал, что «Ася» — «чистое золото поэзии», «что-то небывалое у нас по красоте и чистоте».

1. Что послужило поводом для создания повести «Ася»?
2. После прочтения повести сравните свои впечатления с мнением критиков. Возможны ли отрицательные отзывы об этом произведении И. С. Тургенева?

АСЯ

I

Мне было тогда лет двадцать пять, начал Н. Н., — дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «кончить моё воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир Божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы ещё не успели завестись — я жил без оглядки, делал что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники золочёные, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придёт время — и хлебца напросишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица — именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лонлакея[1] возбуждал во мне ощущение тоски и злобы; я чуть с ума не сошёл в дрезденском «Грюне Гевёлбе»[2]. Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых её красот, необыкновенных гор, утесов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала. Зато лица, живые, человеческие лица — речи людей, их движения, смех — вот без чего я обойтись не мог. В толпе мне было всегда особенно легко и отрадно;

[1] *Лонлакéй* — лакей, нанимаемый приехавшим куда-либо путешественником.

[2] *«Грю́не Гевёлбе»* (нем. — «Зелёный свод») — музей ювелирных изделий и драгоценных камней в Дрездене.

мне было весело идти, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их — я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону.

Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения: я только что был поражён в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми — и со мною, грешным, — сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощёкому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почёл долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству — чем молодость не тешится! — и поселился в З.

Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн, а главное — своим хорошим вином. По его узким улицам гуляли вечером, тотчас после захождения солнца (дело было в июне), прехорошенькие белокурые немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голоском: «Guten Abend!»[1] — а некоторые из них не уходили даже и тогда, когда луна поднималась из-за острых крыш стареньких домов и мелкие каменья мостовой четко рисовались в её неподвижных лучах. Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый её светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по чёрному глянцу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высовывали свои завитые усики из-за каменных оград; что-то пробегало в тени около старинного колодца на трёхугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала, и слово: «Гретхен»[2] — не то восклицание, не то вопрос — так и просилось на уста.

---

[1] *Добрый вечер* (нем.).

[2] *Гре́тхен* — героиня трагедии «Фауст» немецкого поэта и драматурга конца XVIII — начала XIX века И. В. Гёте.

Правообладатель Академия образования

Городок З. лежит в двух верстах от Рейна. Я часто ходил смотреть на величавую реку и, не без некоторого напряжения мечтая о коварной вдове, просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя Мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзённым мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок Л., немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером сидел я на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мною белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытащенной на берег и опрокинутой насмоленным брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

— Это, — отвечал он мне, предварительно передвинув мундштук своей трубки из одного угла губ в другой, — студенты приехали из Б. на коммерш.

«А посмотрю-ка я на этот коммерш, — подумал я, — кстати же, я в Л. не бывал». Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

II

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли, или братства (Landsmannschaft). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, — и пируют до утра, пьют, поют песни, Landesvater, Gaudeamus, курят, бранят филистёров[1]; иногда они нанимают оркестр.

Такой точно коммерш происходил в г. Л. перед небольшой гостиницей под вывескою Солнца, в саду, выходившем на улицу. Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели за стола-

[1] *Филистёр* — презрительное название обывателя, который не интересуется образованием и высокими ценностями.

ми под обстриженными липками; огромный бульдог лежал под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом. На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без причины — лучший смех на свете — всё это радостное, кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперёд — куда бы то ни было, лишь бы вперёд, — это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольно тебе? — вдруг произнёс за мною мужской голос по-русски.

— Подождём еще, — отвечал другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывающей всю верхнюю часть её лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка.

Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

— Я никак не ожидал... в таком захолустье, — начал было я.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? Тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновенье, — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же, как и я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нём. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! Не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновенье — и снова восстановлялось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоуменьем. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть

Правообладатель Академия образования

Ил. Н. А. Букановой

на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрою, с первого взгляда показалась мне очень миловидной. Было что-то своё, особенное, в складе её смугловатого, круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щёчками и чёрными светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне ещё развита. Она нисколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти к нам? — сказал мне Гагин, — кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Наши бы, правда, стёкла разбили и поломали стулья, но эти уж больно скромны. Как ты думаешь, Ася, пойти нам домой?

Девушка утвердительно качнула головой.

— Мы живём за городом, — продолжал Гагин, — в винограднике, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.

Мы отправились. Чрез низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы[1] не все ещё обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин отворил её и по-

[1] *Бойни́ца* — отверстие для стрельбы в оборонительном сооружении.

вёл нас в гору по крутой тропинке. С обеих сторон, на уступах, рос виноград; солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зелёных лозах, на высоких тычинках, на сухой земле, усеянной сплошь крупным и мелким плитняком, и на белой стене небольшого домика, с косыми чёрными перекладинами и четырьмя светлыми окошками, стоявшего на самом верху горы, по которой мы взбирались.

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несёт молоко. Guten Abend, Madame!..[1] Мы сейчас примемся за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... Каков вид?

Вид был точно чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху ещё лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и лёгкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася её нашла, — отвечал Гагин, — ну-ка, Ася, — продолжал он, — распоряжайся. Вели всё сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он, обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, чудо! Так и шевелит в вас все романтические струны.

Ася (собственное имя её было Анна, но Гагин называл её Асей, и уж вы позвольте мне её так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоём несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; её чёрные волосы, остриженные и причёсанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня, но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ёжиться! Он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновенье она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала

[1] *Добрый вечер, мадам* (нем.)

Правообладатель Академия образования

вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Её большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки её слегка щурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша всё продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна[1]; мы её распили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки её казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; я, однако, видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших граненых стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

— Пора, — повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

— Ты разве не спишь? — спросил её брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо.

Последние умиравшие плошки, зажжённые студентами в саду гостиницы, освещали снизу листья деревьев, что придавало им праздничный и фантастический вид. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и простился с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Перевозчик, бодрый старик, с напряжением погружал весла в тёмную воду.

— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, — закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

---

[1] *Рейнве́йн* — сорт виноградного вина.

— Прощайте! — раздался опять её голос.

— До завтра, — проговорил за нею Гагин.

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку.

Словно на прощание примчались звуки старинного ланнеровского[1] вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны сердца моего задрожали в ответ на те заискивающие напевы. Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришёл в свою комнатку весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чём не думал... Я был счастлив.

Чуть не смеясь от избытка приятных и игривых чувств, я нырнул в постель и уже закрыл было глаза, как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице... «Что же это значит? — спросил я самого себя. — Разве я не влюблён?» Но, задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно заснул, как дитя в колыбели.

III

На другое утро (я уже проснулся, но ещё не вставал) стук палки раздался у меня под окном, и голос, который я тотчас признал за голос Гагина, запел:

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу...

Я поспешил ему отворить дверь.

— Здравствуйте, — сказал Гагин, входя, — я вас раненько потревожил, но посмотрите, какое утро. Свежесть, роса, жаворонки поют...

С своими курчавыми блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками он сам был свеж, как утро.

Я оделся; мы вышли в садик, сели на лавочку, велели подать себе кофе и принялись беседовать. Гагин сообщил мне свои планы на будущее: владея порядочным состоянием и ни от кого не завися, он хотел посвятить себя живописи и только сожалел о том, что поздно хватился за ум и много времени потратил по-пустому; я также упомянул о моих предположениях, да, кстати, поверил ему тайну моей несчастной

[1] *Ла́ннер Й.* (1801—1843) — австрийский композитор.

Правообладатель Академия образования

любви. Он выслушал меня с снисхождением, но, сколько я мог заметить, сильного сочувствия к моей страсти я в нём не возбудил. Вздохнувши вслед за мной раза два из вежливости, Гагин предложил мне пойти к нему посмотреть его этюды. Я тотчас согласился.

Мы не застали Асю. Она, по словам хозяйки, отправилась на «развалину». Верстах в двух от города Л. находились остатки феодального замка. Гагин раскрыл мне все свои картоны[1]. В его этюдах было много жизни и правды, что-то свободное и широкое; но ни один из них не был окончен, и рисунок показался мне небрежен и неверен. Я откровенно высказал ему моё мнение.

— Да, да, — подхватил он со вздохом, — вы правы; всё это очень плохо и незрело, что делать! Не учился я как следует, да и проклятая славянская распущенность берёт своё. Пока мечтаешь о работе, так и паришь орлом: землю, кажется, сдвинул бы с места — а в исполнении тотчас слабеешь и устаёшь.

Я начал было ободрять его, но он махнул рукой и, собравши картоны в охапку, бросил их на диван.

— Коли хватит терпенья, из меня выйдет что-нибудь, — промолвил он сквозь зубы, — не хватит, останусь недорослем из дворян. Пойдемте-ка лучше Асю отыскивать.

Мы пошли.

IV

Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне её бежал ручей и шумно прядал через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за тёмной гранью круто рассечённых горных гребней. Гагин обратил моё внимание на некоторые счастливо освещённые места; в словах его слышался если не живописец, то уж наверное художник. Скоро показалась развалина. На самой вершине голой скалы возвышалась четырехугольная башня, вся чёрная, ещё крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистые стены примыкали к башне; кой-где лепился плющ; искривлённые деревца свешивались с седых бойниц и рухнувших сводов. Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и поместилась на уступе стены, прямо над пропастью.

— А ведь это Ася! — воскликнул Гагин, — экая сумасшедшая!

---

[1] *Карто́н* — первоначальный набросок картины, этюд.

Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. На уступе сидела, точно, Ася. Она повернулась к нам лицом и засмеялась, но не тронулась с места. Гагин погрозил ей пальцем, а я громко упрекнул её в неосторожности.

— Полноте, — сказал мне шёпотом Гагин, — не дразните её; вы её не знаете: она, пожалуй, ещё на башню взберётся. А вот вы лучше подивитесь смышлёности здешних жителей.

Я оглянулся. В уголке, приютившись в крошечном деревянном балаганчике, старушка вязала чулок и косилась на нас чрез очки. Она продавала туристам пиво, пряники и зельтерскую воду[1]. Мы уместились на лавочке и принялись пить из тяжёлых оловянных кружек довольно холодное пиво. Ася продолжала сидеть неподвижно, подобрав под себя ноги и закутав голову кисейным шарфом; стройный облик её отчётливо и красиво рисовался на ясном небе; но я с неприязненным чувством посматривал на неё. Уже накануне заметил я в ней что-то напряжённое, не совсем естественное... «Она хочет удивить нас, — думал я, — к чему это? Что за детская выходка?» Словно угадавши мои мысли, она вдруг бросила на меня быстрый и пронзительный взгляд, засмеялась опять, в два прыжка соскочила со стены и, подойдя к старушке, попросила у ней стакан воды.

— Ты думаешь, я хочу пить? — промолвила она, обратившись к брату, — нет; тут есть цветы на стенах, которые непременно полить надо.

Гагин ничего не отвечал ей; а она, со стаканом в руке, пустилась карабкаться по развалинам, изредка останавливаясь, наклоняясь и с забавной важностью роняя несколько капель воды, ярко блестевших на солнце. Её движенья были очень милы, но мне по-прежнему было досадно на неё, хотя я невольно любовался её лёгкостью и ловкостью. На одном опасном месте она нарочно вскрикнула и потом захохотала... Мне стало ещё досаднее.

Ил. Д. Л. Боровского

[1] *Зе́льтерская вода* — минеральная газированная вода, популярный в XIX веке напиток.

Правообладатель Академия образования

— Да она, как коза, лазит, — пробормотала себе под нос старушка, оторвавшись на мгновенье от своего чулка.

Наконец Ася опорожнила весь свой стакан и, шаловливо покачиваясь, возвратилась к нам. Странная усмешка слегка подёргивала её брови, ноздри и губы; полудерзко, полувесело щурились тёмные глаза. «Вы находите моё поведение неприличным, — казалось, говорило её лицо, — всё равно: я знаю, вы мной любуетесь».

— Искусно, Ася, искусно, — промолвил Гагин вполголоса. Она вдруг как будто застыдилась, опустила свои длинные ресницы и скромно подсела к нам, как виноватая. Я тут в первый раз хорошенько рассмотрел её лицо, самое изменчивое лицо, какое я только видел. Несколько мгновений спустя оно уж всё побледнело и приняло сосредоточенное, почти печальное выражение; самые черты её мне показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругом (Ася шла за нами следом) и полюбовались видами. Между тем час обеда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагин спросил ещё кружку пива и, обернувшись ко мне, воскликнул с лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А разве у него, — разве у вас есть такая дама? — спросила вдруг Ася.

— Да у кого же её нет? — возразил Гагин.

Ася задумалась на мгновенье; её лицо опять изменилось, опять появилась на нём вызывающая, почти дерзкая усмешка.

На возвратном пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную ветку, положила её к себе на плечо, как ружьё, повязала себе голову шарфом. Помнится, нам встретилась многочисленная семья белокурых и чопорных англичан; все они, словно по команде, с холодным изумлением проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, как бы им назло, громко запела. Воротясь домой, она тотчас ушла к себе в комнату и появилась только к самому обеду, одетая в лучшее своё платье, тщательно причёсанная, перетянутая и в перчатках. За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила воду из рюмки. Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагин не мешал ей: заметно было, что он привык потакать ей во всём. Он только по временам добродушно взглядывал на меня и слегка пожимал плечом, как бы желая сказать: «Она ребёнок; будьте снисходительны». Как только кончился обед, Ася встала, сделала нам книксен[1] и, надевая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти к фрау Луизе?

---

[1] *Кни́ксен* (нем.) — поклон с приседанием.

— Давно ли ты стала спрашиваться? — отвечал он со своей неизменной, на этот раз несколько смущённой улыбкой, — разве тебе скучно с нами?

— Нет, но я вчера ещё обещала фрау Луизе побывать у ней; притом же я думала, вам будет лучше вдвоём: г. Н. (она указала на меня) что-нибудь ещё тебе расскажет.

Она ушла.

— Фрау Луизе, — начал Гагин, стараясь избегать моего взора, — вдова бывшего здешнего бургомистра, добрая, впрочем, пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться с людьми круга низшего; я заметил: причиною этому всегда бывает гордость. Она у меня порядком избалована, как видите, — прибавил он, помолчав немного, — да что прикажете делать? Взыскивать я ни с кого не умею, а с неё и подавно. Я *обязан* быть снисходительным с нею.

Я промолчал. Гагин переменил разговор. Чем больше я узнавал его, тем сильнее я к нему привязывался. Я скоро его понял. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, к сожалению, немного вялая, без цепкости и внутреннего жара. Молодость не кипела в нём ключом; она светилась тихим светом. Он был очень мил и умён, но я не мог себе представить, что с ним станется, как только он возмужает. Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь, — нет! Трудиться ты не будешь, сжаться ты не сумеешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце так и влеклось к нему. Часа четыре провели мы вдвоём, то сидя на диване, то медленно расхаживая перед домом; и в эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце село, и мне уже пора было идти домой. Ася всё ещё не возвращалась.

— Экая она у меня вольница! — промолвил Гагин. — Хотите, я пойду провожать вас? Мы по пути завернём к фрау Луизе; я спрошу, там ли она. Крюк невелик.

Мы спустились в город и, свернувши в узкий, кривой переулочек, остановились перед домом в два окна шириною и вышиною в четыре этажа. Второй этаж выступал на улицу больше первого, третий и четвёртый ещё больше второго: весь дом со своей ветхой резьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутым в виде клюва воротом на чердаке казался огромной, сгорбленной птицей.

— Ася! — крикнул Гагин, — ты здесь?

Правообладатель Академия образования

Освещённое окошко в третьем этаже стукнуло и отворилось, и мы увидели тёмную головку Аси. Из-за неё выглядывало беззубое и подслеповатое лицо старой немки.

— Я здесь, — проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу, — мне здесь хорошо. На тебе, возьми, — прибавила она, бросая Гагину ветку геранИума, — вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмеялась.

— Н. уходит, — возразил Гагин, — он хочет с тобой проститься.

— Будто? — промолвила Ася. — В таком случае дай ему мою ветку, а я сейчас вернусь.

Она захлопнула окно и, кажется, поцеловала фрау Луизе. Гагин протянул мне молча ветку. Я молча положил её в карман, дошёл до перевоза и перебрался на другую сторону.

Помнится, я шёл домой, ни о чём не размышляя, но со странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидал возле дороги небольшую грядку конопли. Её степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле. «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь я в чужой стороне, между чужими?» — воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение. Я пришёл домой совсем в другом настроении духа, чем накануне. Я чувствовал себя почти рассерженным и долго не мог успокоиться. Непонятная мне самому досада меня разбирала. Наконец я сел и, вспомнив о своей коварной вдове (официальным воспоминанием об этой даме заключался каждый мой день), достал одну из её записок. Но я даже не раскрыл её; мысли мои тотчас приняли иное направление. Я начал думать... думать об Асе. Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... «Полно, сестра ли она его?» — произнёс я громко.

Я разделся, лёг и старался заснуть; но час спустя я опять сидел в постели, облокотившись локтем на подушку, и снова думал об этой «капризной девочке с натянутым смехом...». «Она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине[1], — шептал я, — да; и она ему не сестра...»

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, белея в лучах луны.

---

[1] Фреска Рафаэля (1483—1520) «Триумф Галатеи» на вилле Фарнезина в Риме.

V

На следующее утро я опять пошёл в Л. Я уверял себя, что мне хочется повидаться с Гагиным, но втайне меня тянуло посмотреть, что станет делать Ася, так же ли она будет «чудить», как накануне. Я застал обоих в гостиной, и, странное дело! — оттого ли, что я ночью и утром много размышлял о России, — Ася показалась мне совершенно русской девушкой, да, простою девушкой, чуть не горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пяльцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты её приняли такое незначительное, будничное выражение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши. Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку»[1]. Я глядел на её желтоватое, угасшее личико, вспоминал о вчерашних мечтаниях, и жаль мне было чего-то. Погода была чудесная. Гагин объявил нам, что пойдёт сегодня рисовать этюд с натуры; я спросил его, позволит ли он мне провожать его, не помешаю ли я ему.

— Напротив, — возразил он, — вы мне можете хороший совет дать.

Он надел круглую шляпу à la Van Dyck[2], блузу, взял картон под мышку и отправился; я поплёлся вслед за ним. Ася осталась дома. Гагин, уходя, просил её позаботиться о том, чтобы суп был не слишком жидок: Ася обещалась побывать на кухне. Гагин добрался до знакомой уже мне долины, присел на камень и начал срисовывать старый дуплистый дуб с раскидистыми сучьями. Я лёг на траву и достал книжку; но я и двух страниц не прочёл, а он только бумагу измарал; мы всё больше рассуждали и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко рассуждали о том, как именно должно работать, чего следует избегать, чего придерживаться и какое, собственно, значение художника в наш век. Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лёг рядом со мною, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек. Наболтавшись досыта и наполнившись чувством удовлетворения, словно мы что-то сделали, успели в чём-то, вернулись мы домой. Я нашёл Асю точно такою же,

---

[1] Песня А. Гурилёва на слова С. Ниркомского; Тургенев воспринимал её как народную.

[2] В стиле Ван Дейка, фламандского живописца (1599—1641).

Правообладатель Академия образования

какою я её оставил; как я ни старался наблюдать за нею — ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил; на этот раз не было возможности упрекнуть её в неестественности.

— А-га! — говорил Гагин. — Пост и покаяние на себя наложила.

К вечеру она несколько раз непритворно зевнула и рано ушла к себе. Я сам скоро простился с Гагиным и, возвратившись домой, не мечтал уже ни о чём: этот день прошёл в трезвых ощущениях. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвил вслух:

— Что за хамелеон эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А всё-таки она ему не сестра.

VI

Прошли целые две недели. Я каждый день посещал Гагиных. Ася словно избегала меня, но уже не позволяла себе ни одной из тех шалостей, которые так удивили меня в первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорчённой или смущённой; она и смеялась меньше. Я с любопытством наблюдал за ней.

Она довольно хорошо говорила по-французски и по-немецки; но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и воспитание получила странное, необычное, не имевшее ничего общего с воспитанием самого Гагина. От него, несмотря на его шляпу à la Van Dyck и блузу, так и веяло мягким, полуизнеженным, великорусским дворянином, а она не походила на барышню; во всех её движениях было что-то неспокойное: этот дичок недавно был привит, это вино ещё бродило. По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады насильственно старалась быть развязной и смелой, что ей не всегда удавалось. Я несколько раз заговаривал с ней о её жизни в России, о её прошедшем: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне. Я застал её раз за книгой, одну. Опершись головой на обе руки и запустив пальцы глубоко в волосы, она пожирала глазами строки.

— Браво! — сказал я, подойдя к ней, — как вы прилежны!

Она приподняла голову, важно и строго посмотрела на меня.

— Вы думаете, я только смеяться умею, — промолвила она и хотела удалиться...

Я взглянул на заглавие книги: это был какой-то французский роман.

— Однако я ваш выбор похвалить не могу, — заметил я.

— Что же читать! — воскликнула она и, бросив книгу на стол, прибавила: — Так лучше пойду дурачиться, — и побежала в сад.

В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею»[1]. Ася сперва всё только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, приникла ухом, тихонько подсела ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал её, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея. Словом, она являлась мне полузагадочным существом. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на неё. В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина. Он обходился с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принуждённо.

Странный случай, по-видимому, подтвердил мои подозрения.

Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Гагины, я нашёл калитку запертой. Недолго думавши, добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже прежде замеченного мною, и перескочил через неё. Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошёл было мимо... Вдруг меня поразил голос Аси, с жаром и сквозь слёзы произносивший следующие слова:

— Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говорил Гагин, — ты знаешь, я тебе верю.

Голоса их раздавались в беседке. Я увидал их обоих сквозь негустой переплёт ветвей. Они меня не заметили.

— Тебя, тебя одного, — повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься к его груди.

— Полно, полно, — твердил он, слегка проводя руками по её волосам.

Несколько мгновений остался я неподвижным... Вдруг я встрепенулся. «Подойти к ним?.. Ни за что!» — сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к ограде, перескочил через неё на дорогу и чуть не бегом пустился домой. Я улыбался, потирал руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновенье не усомнился в их справедливости), а между тем на сердце

[1] Поэма Гёте, проникнутая симпатией к трудовой жизни простых людей, уважением к их мужеству и доблести.

Правообладатель Академия образования

у меня было очень горько. «Однако, — думал я, — умеют же они притворяться! Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?»

VII

Я спал дурно и на другое утро встал рано, привязал походную котомочку за спину и, объявив своей хозяйке, чтобы она не ждала меня к ночи, отправился пешком в горы, вверх по течению реки, на которой лежит городок З. Эти горы, отрасли хребта, называемого Собачьей спиной (Hundsrück), очень любопытны в геологическом отношении; в особенности замечательны они правильностью и чистотой базальтовых слоев; но мне было не до геологических наблюдений. Я не отдавал себе отчёта в том, что во мне происходило; одно чувство было мне ясно: нежелание видеться с Гагиными. Я уверял себя, что единственной причиной моего внезапного нерасположения к ним была досада на их лукавство. Кто их принуждал выдавать себя за родственников? Впрочем, я старался о них не думать; бродил не спеша по горам и долинам, засиживался в деревенских харчевнях, мирно беседуя с хозяевами и гостями, или ложился на плоский согретый камень и смотрел, как плыли облака, благо погода стояла удивительная. В таких занятиях я провёл три дня, и не без удовольствия, — хотя на сердце у меня щемило по временам. Настроение моих мыслей приходилось как раз под стать спокойной природе того края.

Я отдал себя всего тихой игре случайности, набегавшим впечатлениям: неторопливо сменяясь, протекали они по душе и оставили в ней, наконец, одно общее чувство, в котором слилось всё, что я видел, ощутил, слышал в эти три дня, — всё: тонкий запах смолы по лесам, крик и стук дятлов, немолчная болтовня светлых ручейков с пёстрыми форелями на песчаном дне, не слишком смелые очертания гор, хмурые скалы, чистенькие деревеньки с почтенными старыми церквами и деревьями, аисты в лугах, уютные мельницы с проворно вертящимися колёсами, радушные лица поселян, их синие камзолы и серые чулки, скрипучие, медлительные возы, запряжённые жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые длинноволосые странники по чистым дорогам, обсаженным яблонями и грушами...

Я пришёл домой к самому концу третьего дня. Я забыл сказать, что с досады на Гагиных я попытался воскресить в себе образ жестокосердой вдовы; но мои усилия остались тщетны. Помнится, когда я принялся мечтать о ней, я увидел перед собою крестьянскую девоч-

ку лет пяти, с круглым любопытным личиком, с невинно выпученными глазёнками. Она так детски-простодушно смотрела на меня... Мне стало стыдно её чистого взора, я не хотел лгать в её присутствии и тотчас же окончательно и навсегда раскланялся с моим прежним предметом.

Дома я нашёл записку от Гагина. Он удивлялся неожиданности моего решения, пенял мне, зачем я не взял его с собою, и просил прийти к ним, как только я вернусь. Я с неудовольствием прочёл эту записку, но на другой же день отправился в Л.

VIII

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упрёками; но Ася, точно нарочно, как только увидала меня, расхохоталась без всякого повода и, по своей привычке, тотчас убежала. Гагин смутился, пробормотал ей вслед, что она сумасшедшая, попросил меня извинить её. Признаюсь, мне стало очень досадно на Асю; уж и без того мне было не по себе, а тут опять этот неестественный смех, эти странные ужимки. Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия. Он рассказал мне, что делал в моё отсутствие. Но речи наши не клеились; Ася входила в комнатку и убегала снова; я объявил наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой. Гагин сперва меня удерживал, потом, посмотрев на меня пристально, вызвался провожать меня. В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слегка пожал её пальцы и едва поклонился ей. Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясеня с статуйкой мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом. Замечательный разговор произошёл тут между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потом замолкли, глядя на светлую реку.

— Скажите, — начал вдруг Гагин со своей обычной улыбкой, — какого вы мнения об Асе? Не правда ли, она должна казаться вам немного странной?

— Да, — ответил я не без некоторого недоумения. Я не ожидал, что он заговорит о ней.

— Её надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, — промолвил он, — у ней сердце очень доброе, но голова бедовая. Трудно с нею ладить. Впрочем, её нельзя винить, и если б вы знали её историю...

— Её историю?.. — перебил я. — Разве она не ваша...

Правообладатель Академия образования

Гагин взглянул на меня.

— Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?.. Нет, — продолжал он, не обращая внимания на моё замешательство, — она точно мне сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую к вам доверие и расскажу вам всё.

Отец мой был человек весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Судьба обошлась с ним не хуже, чем со многими другими; но он и первого удара её не вынес. Он женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался после неё шести месяцев. Отец увёз меня в деревню и целые двенадцать лет не выезжал никуда. Он сам занимался моим воспитанием и никогда бы со мной не расстался, если б брат его, мой родной дядя, не заехал к нам в деревню. Дядя этот жил постоянно в Петербурге и занимал довольно важное место. Он уговорил отца отдать меня к нему на руки, так как отец ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении, что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я непременно отстану от моих сверстников, да и самый нрав мой легко может испортиться. Отец долго противился увещаниям своего брата, однако уступил наконец. Я плакал, расставаясь с отцом; я любил его, хотя никогда не видал улыбки на лице его... но, попавши в Петербург, скоро позабыл наше тёмное и невесёлое гнездо. Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешёл в гвардейский полк. Каждый год приезжал я в деревню на несколько недель и с каждым годом находил отца моего всё более и более грустным, в себя углублённым, задумчивым до робости. Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. В одно из моих посещений (мне уже было лет двадцать с лишком) я в первый раз увидал у нас в доме худенькую черноглазую девочку лет десяти — Асю. Отец сказал, что она сирота и взята им на прокормление — он именно так выразился. Я не обратил особенного внимания на неё; она была дика, проворна и молчалива, как зверёк, и как только я входил в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, где скончалась моя мать и где даже днём зажигались свечки, она тотчас пряталась за вольтеровское кресло[1] его или за шкаф с книгами. Случилось так, что в последовавшие за тем три, четыре года обязанности службы помешали мне побывать в деревне. Я получал от

[1] *Вольте́ровское кресло* — глубокое кресло с высокой спинкой (по имени французского писателя Вольтера).

отца ежемесячно по короткому письму; об Асе он упоминал редко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесят лет, но он казался ещё молодым человеком. Представьте мой ужас: вдруг я, ничего не подозревавший, получаю от приказчика письмо, в котором он извещает меня о смертельной болезни моего отца и умоляет приехать как можно скорее, если хочу проститься с ним. Я поскакал сломя голову и застал отца в живых, но уже при последнем издыхании. Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взором и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю. Старик привел её: она едва держалась на ногах и дрожала всем телом.

— Вот, — сказал мне с усилием отец, — завещаю тебе мою дочь — твою сестру. Ты всё узнаешь от Якова, — прибавил он, указав на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицом на кровать... Полчаса спустя мой отец скончался.

Вот что я узнал. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, помню высокую стройную фигуру, её благообразное, строгое, умное лицо, с большими тёмными глазами. Она слыла девушкой гордой и неприступной.

Сколько я мог понять из почтительных недомолвок Якова, отец мой сошёлся с нею несколько лет спустя после смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда в господском доме, а в избе у замужней сестры своей, скотницы. Отец мой сильно к ней привязался и после моего отъезда из деревни хотел даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

— Покойница Татьяна Васильевна, — так докладывал мне Яков, стоя у двери с закинутыми назад руками, — во всём были рассудительны и не захотели батюшку вашего обидеть. Что, мол, я вам за жена? Какая я барыня? Так они говорить изволили, при мне говорили-с.

Татьяна даже не хотела переселиться к нам в дом и продолжала жить у своей сестры, вместе с Асей. В детстве я видывал Татьяну только по праздникам, в церкви. Повязанная тёмным платком, с жёлтой шалью на плечах, она становилась в толпе, возле окна, — её строгий профиль чётко вырезывался на прозрачном стекле, — и смиренно, и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. Когда дядя увёз меня, Асе было всего два года, а на девятом году она лишилась матери.

Правообладатель Академия образования

Как только Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом. Он и прежде изъявлял желание иметь её при себе, но Татьяна ему и в этом отказала. Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда её взяли к барину. Она до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шёлковое платье и поцеловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала её очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был её учителем; кроме него, она никого не видала. Он не баловал её, то есть не нянчился с нею; но он любил её страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин её отец; но она также скоро поняла и своё ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренились, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) *заставить целый мир* забыть её происхождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в её годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы её направила. Полная независимость во всём! Да разве легко её вынести? Она хотела быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.

И вот я, двадцатилетний малый, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца при одном звуке моего голоса её била лихорадка, ласки мои повергали её в тоску, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю её за сестру и полюбил её, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает вполовину.

Я привез её в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней вместе я никак не мог; я поместил её в один из лучших пансионов[1]. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на неё. «И наказать её нельзя, — говаривала она мне, — и на ласку она не поддаётся». Ася была чрезвычайно понятлива, училась пре-

[1] *Пансио́н* — закрытое учебное заведение с постоянным проживанием.

красно, лучше всех, но никак не хотела подойти под общий уровень, упрямилась, глядела букой... Я не мог слишком винить её: в её положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Из всех своих подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большею частью из хороших фамилий, не любили её, язвили её и кололи, как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из Закона Божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры её стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец ей минуло семнадцать лет; оставаться ей далее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собою. Задумано — сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что вы не станете судить её слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей все нипочём, — мнением каждого дорожит, вашим же в особенности.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

— Всё так, — заговорил опять Гагин, — но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась...

— Так вот что... — промолвил было я и прикусил язык.

— А скажите-ка мне, — спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, — неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видала же она молодых людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье. А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, — прибавил он, вставая.

— Послушайте, — начал я, — пойдёмте к вам, мне домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвечал; Гагин добродушно усмехнулся, и мы вернулись в Л. Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы,

Правообладатель Академия образования

я почувствовал какую-то сладость — именно сладость на сердце: точно мне втихомолку мёду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа.

IX

Ася встретила нас на самом пороге дома; я снова ожидал смеха; но она вышла к нам вся бледная, молчаливая, с потупленными глазами.

— Вот он опять, — заговорил Гагин, — и, заметь, сам захотел вернуться.

Ася вопросительно посмотрела на меня. Я в свою очередь протянул ей руку и на этот раз крепко пожал её холодные пальчики. Мне стало очень жаль её; теперь я многое понимал в ней, что прежде сбивало меня с толку: её внутреннее беспокойство, неуменье держать себя, желание порисоваться — всё мне стало ясно. Я заглянул в эту душу: тайный гнёт давил её постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбие, но всё существо её стремилось к правде. Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему её тонкому телу, привлекала она меня: её душа мне нравилась.

Гагин начал копаться в своих рисунках; я предложил Асе погулять со мною по винограднику. Она тотчас согласилась, с весёлой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присели на широкую плиту.

— И вам не скучно было без нас? — начала Ася.

— А вам без меня было скучно? — спросил я.

Ася взглянула на меня сбоку.

— Да, — отвечала она. — Хорошо в горах? — продолжала она тотчас, — они высоки? Выше облаков? Расскажите мне, что вы видели. Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно ж вам было уходить, — заметил я.

— Я уходила... потому что... Я теперь вот не уйду, — прибавила она с доверчивой лаской в голосе, — вы были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте...

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мне было очень досадно, что вы так ушли, и я рада, что вы вернулись.

— И я рад, что вернулся, — промолвил я.

Ася повела плечами, как это часто делают дети, когда им хорошо.

— О, я умею отгадывать! — продолжала она. — Бывало, я по одному папашиному кашлю из другой комнаты узнавала, доволен ли он мной или нет.

До того дня Ася ни разу не говорила мне о своём отце. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? — проговорил я и вдруг, к великой моей досаде, почувствовал, что краснею.

Она ничего не отвечала и покраснела тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бежал и дымился пароход. Мы принялись глядеть на него.

— Что же вы не рассказываете? — прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня рассмеялись, как только увидели меня? — спросил я.

— Сама не знаю. Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что я делаю. Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее?[1] Ведь это *её* скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка. Фрау Луизе мне всякие сказки сказывает. У фрау Луизе есть чёрный кот с жёлтыми глазами...

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ах, мне хорошо, — проговорила она.

В это мгновенье долетели до нас отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосов разом и с мерными расстановками повторяли молитвенный напев: толпа богомольцев тянулась внизу по дороге с крестами и хоругвями...

— Вот бы пойти с ними, — сказала Ася, прислушиваясь к постепенно ослабевавшим взрывам голосов.

— Разве вы так набожны?

— Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, — продолжала она. — А то дни уходят, жизнь уйдёт, а что мы сделали?

— Вы честолюбивы, — заметил я, — вы хотите прожить не даром, след за собой оставить...

— А разве это невозможно?

«Невозможно», — чуть было не повторил я... Но я взглянул в её светлые глаза и только промолвил:

— Попытайтесь.

— Скажите, — заговорила Ася после небольшого молчания, в течение которого какие-то тени пробежали у ней по лицу, уже успевшему

---

[1] Народная легенда о Лорелее.

Правообладатель Академия образования

побледнеть, — вам очень нравилась та дама... Вы помните, брат пил за её здоровье в развалине, на второй день нашего знакомства?

Я засмеялся.

— Ваш брат шутил; мне ни одна дама не нравилась; по крайней мере теперь ни одна не нравится.

— А что вам нравится в женщинах? — спросила Ася, закинув голову с невинным любопытством.

— Какой странный вопрос! — воскликнул я.

Ася слегка смутилась.

— Я не должна была сделать вам такой вопрос, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать всё, что мне в голову входит. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите ради бога, не бойтесь, — подхватил я, — я так рад, что вы наконец перестаёте дичиться.

Ася потупилась и засмеялась тихим и лёгким смехом; я не знал за ней такого смеха.

— Ну, рассказывайте же, — продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая их себе на ноги, точно она усаживалась надолго, — рассказывайте или прочтите что-нибудь, как, помните, вы нам читали «Онегина».

Она вдруг задумалась...

Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной матерью моей![1] —

проговорила она вполголоса.

— У Пушкина не так, — заметил я.

— А я хотела бы быть Татьяной, — продолжала она всё так же задумчиво. — Рассказывайте, — подхватила она с живостью.

Но мне было не до рассказов. Я глядел на неё, всю облитую ясным солнечным лучом, всю успокоенную и кроткую. Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами — небо, земля и воды; сам воздух, казалось, был насыщен блеском.

— Посмотрите, как хорошо! — сказал я, невольно понизив голос.

— Да, хорошо! — так же тихо отвечала она, не смотря на меня. — Если б мы с вами были птицы, — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

---

[1] Строки из «Евгения Онегина». У А. С. Пушкина: «...Над бедной нянею моей!».

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как так?

— Поживёте — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

— А у вас были?

— Как вам сказать... Кажется, до сих пор я ещё не летал.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился к ней.

— Умеете вы вальсировать? — спросила она вдруг.

— Умею, — отвечал я, несколько озадаченный.

— Так пойдёмте, пойдёмте... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

Она побежала к дому. Я побежал вслед за нею — и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, с увлечением. Что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь её девически строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение её нежного стана, долго слышалось мне её ускоренное, близкое дыхание, долго мерещились мне тёмные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживлённом лице, резво обвеянном кудрями.

X

Весь этот день прошёл как нельзя лучше. Мы веселились, как дети. Ася была очень мила и проста. Гагин радовался, глядя на неё. Я ушёл поздно. Въехавши на середину Рейна, я попросил перевозчика пустить лодку вниз по течению. Старик поднял вёсла — и царственная река понесла нас. Глядя кругом, слушая, вспоминая, я вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце... поднял глаза к небу — но и в небе не было покоя: испещрённое звёздами, оно всё шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился к реке... но и там, и в той тёмной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звёзды; тревожное оживление мне чудилось повсюду — и тревога росла во мне самом. Я облокотился на край лодки... Шёпот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свежее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков. Слёзы закипали у меня на глазах, но то не были слёзы беспредметного восторга. Что я чувствовал, было не то смутное, ещё недавно испытанное ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится, звучит, когда ей кажется, что она всё понимает и всё любит... Нет! Во мне зажглась жажда счастья. Я ещё не смел назвать его по имени, — но

Правообладатель Академия образования

счастья, счастья до пресыщения — вот чего хотел я, вот о чём томился... А лодка всё неслась, и старик перевозчик сидел и дремал, наклонясь над вёслами.

XI

Отправляясь на следующий день к Гагиным, я не спрашивал себя, влюблён ли я в Асю, но я много размышлял о ней, её судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближению. Я чувствовал, что только с вчерашнего дня я узнал её; до тех пор она отворачивалась от меня. И вот, когда она раскрылась наконец передо мною, каким пленительным светом озарился её образ, как он был нов для меня, какие тайные обаяния стыдливо в нём сквозили...

Бодро шёл я по знакомой дороге, беспрестанно посматривая на издали белевший домик; я не только о будущем — я о завтрашнем дне не думал; мне было очень хорошо.

Ася покраснела, когда я вошёл в комнату; я заметил, что она опять принарядилась, но выражение её лица не шло к её наряду: оно было печально. А я пришёл таким весёлым! Мне показалось даже, что она, по обыкновению своему, собралась было бежать, но сделала усилие над собою — и осталась. Гагин находился в том особенном состоянии художнического жара и ярости, которое, в виде припадка, внезапно овладевает дилетантами, когда они вообразят, что им удалось, как они выражаются, «поймать природу за хвост». Он стоял, весь взъерошенный и выпачканный красками, перед натянутым холстом и, широко размахивая по нём кистью, почти свирепо кивнул мне головой, отодвинулся, прищурил глаза и снова накинулся на свою картину. Я не стал мешать ему и подсел к Асе. Медленно обратились ко мне её тёмные глаза.

— Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на её губы.

— Нет, не такая, — возразила она неторопливым и глухим голосом. — Но это ничего. Я нехорошо спала, всю ночь думала.

— О чём?

— Ах, я о многом думала. Это у меня привычка с детства: ещё с того времени, когда я жила с матушкой...

Она с усилием выговорила это слово и потом ещё раз повторила:

— Когда я жила с матушкой... я думала, отчего это никто не может знать, что с ним будет; а иногда и видишь беду — да спастись нельзя;

и отчего никогда нельзя сказать всей правды?.. Потом я думала, что я ничего не знаю, что мне надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умею играть на фортепьяно, не умею рисовать, я даже шью плохо. У меня нет никаких способностей, со мной, должно быть, очень скучно.

— Вы несправедливы к себе, — возразил я. — Вы много читали, вы образованны, и с вашим умом...

— А я умна? — спросила она с такой наивной любознательностью, что я невольно засмеялся; но она даже не улыбнулась. — Брат, я умна? — спросила она Гагина.

Он ничего не отвечал ей и продолжал трудиться, беспрестанно меняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что у меня в голове, — продолжала Ася с тем же задумчивым видом. — Я иногда самой себя боюсь, ей-богу. Ах, я хотела бы... Правда ли, что женщинам не следует читать много?

— Много не нужно, но...

— Скажите мне, что я должна читать? Скажите, что я должна делать? Я всё буду делать, что вы мне скажете, — прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне.

Я не тотчас нашёлся, что сказать ей.

— Ведь вам не будет скучно со мной?

— Помилуйте, — начал я.

— Ну спасибо! — возразила Ася. — А я думала, что вам скучно будет.

И её маленькая горячая ручка крепко стиснула мою.

— Н.! — вскрикнул в это мгновенье Гагин, — не тёмен этот фон?

Я подошёл к нему. Ася встала и удалилась.

XII

Она вернулась через час, остановилась в дверях и подозвала меня рукою.

— Послушайте,— сказала она,— если б я умерла, вам было бы жаль меня?

— Что у вас за мысли сегодня! — воскликнул я.

— Я воображаю, что я скоро умру; мне иногда кажется, что всё вокруг меня со мною прощается. Умереть лучше, чем жить так... Ах! Не глядите так на меня; я, право, не притворяюсь. А то я вас опять бояться буду.

— Разве вы меня боялись?

Правообладатель Академия образования

— Если я такая странная, я, право, не виновата, — возразила она. — Видите, я уж и смеяться не могу...

Она осталась печальной и озабоченной до самого вечера. Что-то происходило в ней, чего я не понимал. Её взор часто останавливался на мне; сердце моё тихо сжималось под этим загадочным взором. Она казалась спокойною — а мне, глядя на неё, всё хотелось сказать ей, чтобы она не волновалась. Я любовался ею, я находил трогательную прелесть в её побледневших чертах, в её нерешительных, замедленных движениях — а ей почему-то воображалось, что я не в духе.

— Послушайте, — сказала она мне незадолго до прощанья, — меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы вперёд всегда верьте тому, что я вам говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны; а я вам всегда буду говорить правду, даю вам честное слово...

Это «честное слово» опять заставило меня засмеяться.

— Ах, не смейтесь, — проговорила она с живостью, — а то я вам скажу сегодня то, что вы мне сказали вчера: «Зачем вы смеётесь?» — и, помолчав немного, она прибавила: — Помните, вы вчера говорили о крыльях?.. Крылья у меня выросли — да лететь некуда.

— Помилуйте, — промолвил я, — перед вами все пути открыты...

Ася посмотрела мне прямо и пристально в глаза.

— Вы сегодня дурного мнения обо мне, — сказала она, нахмурив брови.

— Я? Дурного мнения? О вас!..

— Что это вы точно в воду опущенные, — перебил меня Гагин, — хотите, я по-вчерашнему, сыграю вам вальс?

— Нет, нет, — возразила Ася и стиснула руки, — сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся...

— Ни за что, — повторила она, бледнея.

. . . . . .

«Неужели она меня любит?» — думал я, подходя к Рейну, быстро катившему тёмные волны.

XIII

«Неужели она меня любит?» — спрашивал я себя на другой день, только что проснувшись. Я не хотел заглядывать в самого себя. Я чувствовал, что её образ, образ «девушки с натянутым смехом», втеснил-

ся мне в душу и что мне от него не скоро отделаться. Я пошёл в Л. и остался там целый день, но Асю видел только мельком. Ей нездоровилось: у ней голова болела. Она сошла вниз, на минутку, с повязанным лбом, бледная, худенькая, с почти закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: «Это пройдёт, это ничего, всё пройдёт, не правда ли?» — и ушла. Мне стало скучно и как-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотел уходить и вернулся поздно, не увидав её более.

Следующее утро прошло в каком-то полусне сознания. Я хотел приняться за работу — не мог; хотел ничего не делать и не думать... и это не удалось. Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова.

— Вы ли господин Н.? — раздался вдруг за мною детский голос. Я оглянулся; передо мною стоял мальчик. — Это вам от фрейлейн Annette, — прибавил он, подавая мне записку.

Я развернул её — и узнал неправильный и быстрый почерк Аси. «Я непременно должна вас видеть, — писала мне она, — приходите сегодня в четыре часа к каменной часовне на дороге возле развалины. Я сделала сегодня большую неосторожность... Придите ради бога, вы всё узнаете... Скажите посланному: да».

— Будет ответ? — спросил меня мальчик.

— Скажи, что да, — отвечал я.

Мальчик убежал.

XIV

Я пришёл к себе в комнату, сел и задумался. Сердце во мне сильно билось. Несколько раз перечёл я записку Аси. Я посмотрел на часы: и двенадцати ещё не было.

Дверь отворилась — вошёл Гагин.

Лицо его было пасмурно. Он схватил меня за руку и крепко пожал её. Он казался очень взволнованным.

— Что с вами? — спросил я. Гагин взял стул и сел против меня.

— Четвёртого дня, — начал он с принуждённой улыбкой и запинаясь, — я удивил вас своим рассказом; сегодня удивлю ещё более. С другим я, вероятно, не решился бы... так прямо... Но вы благородный человек, вы мне друг, не так ли? Послушайте: моя сестра, Ася, в вас влюблена.

Я весь вздрогнул и приподнялся...

— Ваша сестра, говорите вы...

Правообладатель Академия образования

— Да, да, — перебил меня Гагин. — Я вам говорю, она сумасшедшая и меня с ума сведёт. Но, к счастью, она не умеет лгать — и доверяет мне. Ах, что за душа у этой девочки... но она себя погубит, непременно.

— Да вы ошибаетесь, — начал я.

— Нет, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти целый день пролежала, ничего не ела, впрочем, не жаловалась... Она никогда не жалуется. Я не беспокоился, хотя к вечеру у ней сделался небольшой жар. Сегодня, в два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: «Ступайте, говорит, к вашей сестре: с ней что-то худо». Я побежал к Асе и нашёл её нераздетою, в лихорадке, в слезах: голова у ней горела, зубы стучали. «Что с тобой? — спросил я, — ты больна?» Она бросилась мне на шею и начала умолять меня увезти её как можно скорее, если я хочу, чтобы она осталась в живых... Я ничего не понимаю, стараюсь её успокоить... Рыдания её усиливаются... и вдруг сквозь эти рыдания услышал я... Ну, словом, я услышал, что она вас любит. Уверяю вас, мы с вами, благоразумные люди, и представить себе не можем, как она глубоко чувствует и с какой невероятной силой высказываются в ней эти чувства; это находит на неё так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза. Вы очень милый человек, — продолжал Гагин, — но почему она вас так полюбила — этого я, признаюсь, не понимаю. Она говорит, что привязалась к вам с первого взгляда. Оттого она и плакала на днях, когда уверяла меня, что, кроме меня, никого любить не хочет. Она воображает, что вы её презираете, что вы, вероятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не рассказал ли я вам её историю, — я, разумеется, сказал, что нет; но чуткость её — просто страшна. Она желает одного: уехать, уехать тотчас. Я просидел с ней до утра; она взяла с меня слово, что нас завтра же здесь не будет, — и тогда только она заснула. Я подумал, подумал и решился — поговорить с вами. По-моему, Ася права: самое лучшее — уехать нам обоим отсюда. И я сегодня же бы увез её, если б не пришла мне в голову мысль, которая меня остановила. Может быть... Как знать? Вам сестра моя нравится? Если так, с какой стати я увезу её? Я вот и решился, отбросив в сторону всякий стыд... Притом же я сам кое-что заметил... Я решился... узнать от вас... — Бедный Гагин смутился. — Извините меня, пожалуйста, — прибавил он, — я не привык к таким передрягам.

Я взял его за руку.

— Вы хотите знать, — произнёс я твёрдым голосом, — нравится ли мне ваша сестра? Да, она мне нравится...

Гагин взглянул на меня.

— Но, — проговорил он, запинаясь, — ведь вы не женитесь на ней?

— Как вы хотите, чтобы я отвечал на такой вопрос? Посудите сами, могу ли я теперь...

— Знаю, знаю, — перебил меня Гагин. — Я не имею никакого права требовать от вас ответа, и вопрос мой — верх неприличия... Но что прикажете делать? С огнём шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она в состоянии занемочь, убежать, свиданье вам назначить... Другая умела бы всё скрыть и выждать — но не она. С нею это в первый раз, — вот что беда! Если б вы видели, как она сегодня рыдала у ног моих, вы бы поняли мои опасения.

Я задумался. Слова Гагина «свиданье вам назначить» кольнули меня в сердце. Мне показалось постыдным не отвечать откровенностью на его честную откровенность.

— Да, — сказал я наконец, — вы правы. Час тому назад я получил от вашей сестры записку. Вот она.

Гагин взял записку, быстро пробежал её и уронил руки на колени. Выражение изумления на его лице было очень забавно, но мне было не до смеху.

— Вы, повторяю, благородный человек, — проговорил он, — но что же теперь делать? Как? Она сама хочет уехать, и пишет к вам, и упрекает себя в неосторожности... И когда это она успела написать? Что ж она хочет от вас?

Я успокоил его, и мы принялись толковать хладнокровно по мере возможности о том, что нам следовало предпринять.

Вот на чём мы остановились наконец: во избежание беды я должен был идти на свиданье и честно объясниться с Асей; Гагин обязался сидеть дома и не подать вида, что ему известна её записка; а вечером мы положили сойтись опять.

— Я твёрдо надеюсь на вас, — сказал Гагин и стиснул мне руку, — пощадите и её, и меня. А уезжаем мы всё-таки завтра, — прибавил он, вставая, — потому что ведь вы на Асе не женитесь.

— Дайте мне сроку до вечера, — возразил я.

— Пожалуйста, но вы не женитесь.

Он ушёл, а я бросился на диван и закрыл глаза. Голова у меня ходила кругом: слишком много впечатлений в неё нахлынуло разом. Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю, её любовь меня и радовала, и смущала. Я не мог понять, что заставило её всё

Правообладатель Академия образования

высказать брату; неизбежность скорого, почти мгновенного решения терзала меня...

«Жениться на семнадцатилетней девочке, с её нравом, как это можно!» — сказал я, вставая.

XV

В условленный час переправился я через Рейн, и первое лицо, встретившее меня на противоположном берегу, был тот самый мальчик, который приходил ко мне поутру.

Он, по-видимому, ждал меня.

— От фрейлейн Annette, — сказал он шёпотом и подал мне другую записку.

Ася извещала меня о перемене места нашего свидания. Я должен был прийти через полтора часа не к часовне, а в дом фрау Луизе, постучаться внизу и войти в третий этаж.

— Опять: да? — спросил меня мальчик.

— Да, — повторил я и пошёл по берегу Рейна. Вернуться домой было некогда, я не хотел бродить по улицам.

За городскою стеною находился маленький сад с навесом для кеглей и столами для любителей пива. Я вошёл туда. Несколько уже пожилых немцев играли в кегли; со стуком катились деревянные шары, изредка раздавались одобрительные восклицания. Хорошенькая служанка с заплаканными глазами принесла мне кружку пива; я взглянул в её лицо. Она быстро отворотилась и отошла прочь.

— Да, да, — промолвил тут же сидевший толстый и краснощёкий гражданин, — Ганхен наша сегодня очень огорчена: жених её пошёл в солдаты.

Я посмотрел на неё: она прижалась в уголок и подпёрла рукою щеку; слёзы капали одна за другой по её пальцам. Кто-то спросил пива; она принесла ему кружку и опять вернулась на своё место. Её горе подействовало на меня; я начал думать об ожидавшем меня свидании, но мои думы были заботливые, невесёлые думы. Не с лёгким сердцем шёл я на это свидание, не предаваться радостям взаимной любви предстояло мне; мне предстояло сдержать данное слово, исполнить трудную обязанность. «С ней шутить нельзя» — эти слова Гагина, как стрелы, впились в мою душу. А ещё четвёртого дня в этой лодке, уносимой волнами, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможным — и я колебался, я отталкивал, я должен был оттолкнуть его прочь... Его

внезапность меня смущала. Сама Ася, с её огненной головой, с её прошедшим, с её воспитанием, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. Долго боролись во мне чувства. Назначенный срок приближался. «Я не могу на ней жениться, — решил я наконец, — она не узнает, что и я полюбил её».

Я встал и, положив талер в руку бедной Ганхен (она даже не поблагодарила меня), направился к дому фрау Луизе. Вечерние тени уже разливались в воздухе, и узкая полоса неба над тёмной улицей алела отблеском зари. Я слабо стукнул в дверь; она тотчас отворилась. Я переступил порог и очутился в совершенной темноте.

— Сюда! — послышался старушечий голос. — Вас ждут.

Я шагнул раза два ощупью, чья-то костлявая рука взяла мою руку.

— Вы это, фрау Луизе? — спросил я.

— Я, — отвечал мне тот же голос, — я, мой прекрасный молодой человек.

Старуха повела меня опять вверх по крутой лестнице и остановилась на площадке третьего этажа. При слабом свете, падавшем из крошечного окошка, я увидал морщинистое лицо вдовы бургомистра. Приторно-лукавая улыбка растягивала её ввалившиеся губы, ёжила тусклые глазки. Она указала мне на маленькую дверь. Судорожным движением руки отворил я её и захлопнул за собою.

XVI

В небольшой комнатке, куда я вошёл, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко её.

Я подошёл к ней. Она ещё больше отвернула голову...

— Анна Николаевна, — сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил её руку, она была холодна и лежала, как мёртвая, на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но её бледные губы не слушались её, — я хотела... Нет, не могу, — проговорила она и умолкла. Действительно, голос её прерывался на каждом слове.

Я сел подле неё.

— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Правообладатель Академия образования

Настало молчание. Я продолжал держать её руку и глядел на неё. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипавшие слёзы... Я глядел на неё: было что-то трогательно-беспомощное в её робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

— Ася, — сказал я едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к её руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист, дрожавшей руки. Я поднял голову и увидал её лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушёл куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел, как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл всё, я потянул её к себе — покорно повиновалась её рука, все её тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова её тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

— Ваша... — прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокруг её стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

— Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. — Ваш брат... ведь он всё знает... Он знает, что я вижусь с вами.

Ася опустилась на стул.

— Да, — продолжал я, вставая и отходя на другой угол комнаты. — Ваш брат всё знает... Я должен был ему всё сказать.

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла ещё прийти в себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторил я с каким-то ожесточением, — и в этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас всё высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним. — Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате. — Теперь всё пропало, всё, всё.

Ася поднялась было со стула.

— Останьтесь, — воскликнул я, — останьтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком — да, с честным человеком. Но, ради

бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришёл сегодня ко мне.

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что всё искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — послышался испуганный шёпот Аси, — он пришёл сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Да, я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если б вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она простодушно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в её устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь всё кончено! — начал я снова. — Всё. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... Лицо её быстро краснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось, и страшно. Я сам ходил и говорил, как в лихорадке. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорил, Ася всё больше и больше наклонялась вперед — и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять её, но она мне не давалась. Я не выношу женских слез: при виде их я теряюсь тотчас.

— Анна Николаевна, Ася, — твердил я, — пожалуйста, умоляю вас, ради бога, перестаньте... — Я снова взял её за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила — с быстротою молнии бросилась к двери и исчезла...

Когда несколько минут спустя фрау Луизе вошла в комнату, я все ещё стоял на самой середине её, уж точно как громом поражённый. Я не понимал, как могло это свидание так быстро, так глупо кончиться — кончиться, когда я и сотой доли не сказал того, что хотел, что

Правообладатель Академия образования

должен был сказать, когда я ещё сам не знал, чем оно могло разрешиться...

— Фрейлейн ушла? — спросила меня фрау Луизе, приподняв свои жёлтые брови до самой накладки.

Я посмотрел на неё как дурак — и вышел вон.

XVII

Я выбрался из города и пустился прямо в поле. Досада, досада бешеная меня грызла. Я осыпал себя укоризнами. Как я мог не понять причину, заставившую Асю переменить место нашего свидания, как не оценить, чего ей стоило прийти к этой старухе, как я не удержал её! Наедине с ней в той глухой, едва освещённой комнате у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть её от себя, даже упрекать её... А теперь её образ меня преследовал, я просил у ней прощения; воспоминания об этом бледном лице, об этих влажных и робких глазах, о развитых волосах на наклонённой шее, о лёгком прикосновении её головы к моей груди — жгли меня. «Ваша...» — слышался мне её шёпот. «Я поступил по совести», — уверял я себя... Неправда! Разве я точно хотел такой развязки? Разве я в состоянии с ней расстаться? Разве я могу лишиться её? «Безумец! Безумец!» — повторял я с озлоблением...

Между тем ночь наступала. Большими шагами направился я к дому, где жила Ася.

XVIII

Гагин вышел ко мне навстречу.

— Видели вы сестру? — закричал он мне ещё издали.

— Разве её нет дома? — спросил я.

— Нет.

— Она не возвращалась?

— Нет. Я виноват, — продолжал Гагин, — не мог утерпеть: против нашего уговора, ходил к часовне; там её не было; стало быть, она не приходила?

— Она не была у часовни.

— И вы её не видели?

Я должен был сознаться, что я её видел.

— Где?

— У фрау Луизе. Я расстался с ней час тому назад, — прибавил я, — я был уверен, что она домой вернулась.

— Подождём, — сказал Гагин.

Мы вошли в дом и сели друг подле друга. Мы молчали. Нам очень неловко было обоим. Мы беспрестанно оглядывались, посматривали на дверь, прислушивались. Наконец Гагин встал.

— Это ни на что не похоже! — воскликнул он. — У меня сердце не на месте. Она меня уморит, ей-богу... Пойдёмте искать её.

Мы вышли. На дворе уже совсем стемнело.

— О чём же вы с ней говорили? — спросил меня Гагин, надвигая шляпу на глаза.

— Я виделся с ней всего минут пять, — отвечал я, — и говорил с ней, как было условлено.

— Знаете ли что? — возразил он. — Лучше нам разойтись; так мы скорее на неё наткнуться можем. Во всяком случае, приходите сюда через час.

XIX

Я проворно спустился с виноградника и бросился в город. Быстро обошёл я все улицы, заглянул всюду, даже в окно фрау Луизе, вернулся к Рейну и побежал по берегу... Изредка попадались мне женские фигуры, но Аси нигде не было видно. Уже не досада меня грызла, — тайный страх терзал меня, и не один страх я чувствовал... Нет, я чувствовал раскаяние, сожаление самое жгучее, любовь — да! Самую нежную любовь. Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом всё громче и громче; я повторял сто раз, что я её люблю, я клялся никогда с ней не расставаться; я бы дал всё на свете, чтобы опять держать её холодную руку, опять слышать её тихий голос, опять видеть её перед собою... Она была так близка, она пришла ко мне с полной решимостью, в полной невинности сердца и чувств, она принесла мне свою нетронутую молодость... и я не прижал её к своей груди, я лишил себя блаженства увидать, как её милое лицо расцвело бы радостью и тишиною восторга... Эта мысль меня с ума сводила.

«Куда могла она пойти, что она с собою сделала?» — восклицал я в тоске бессильного отчаяния... Что-то белое мелькнуло вдруг на самом берегу реки. Я знал это место; там, над могилой человека, утонувшего лет семьдесят тому назад, стоял до половины вросший в землю каменный крест со старинной надписью. Сердце во мне замерло... Я подбежал к кресту: белая фигура исчезла. Я крикнул: «Ася!» Дикий голос мой испугал меня самого — но никто не отозвался...

Я решился пойти узнать, не нашёл ли её Гагин.

Правообладатель Академия образования

XX

Быстро взбираясь по тропинке виноградника, я увидел свет в комнате Аси... Это меня несколько успокоило.

Я подошёл к дому; дверь внизу была заперта, я постучался. Неосвещённое окошко в нижнем этаже осторожно отворилось, и показалась голова Гагина.

— Нашли? — спросил я его.

— Она вернулась, — отвечал он мне шёпотом. — Она в своей комнате и раздевается. Всё в порядке.

— Слава богу! — воскликнул я с несказанным порывом радости. — Слава богу! Теперь всё прекрасно. Но вы знаете, мы должны ещё переговорить.

— В другое время, — возразил он, тихо потянув к себе раму, — в другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, — промолвил я, — завтра всё будет решено.

— Прощайте, — повторил Гагин.

Окно затворилось.

Я чуть было не постучал в окно. Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье в такую пору... «До завтра, — подумал я, — завтра я буду счастлив...»

Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день — а мгновенье.

Я не помню, как дошел я до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья. Я прошёл мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и моё счастье.

XXI

Когда, на другой день утром, я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нём были растворены, и дверь тоже была раскрыта; какие-то бумажки валялись перед порогом; служанка с метлой показалась за дверью.

Я приблизился к ней...

— Уехали! — брякнула она, прежде чем я успел спросить её: дома ли Гагин?

— Уехали?.. — повторил я. — Как уехали? Куда?

— Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Постойте, ведь вы, кажется, господин Н.?

— Я господин Н.

— К вам есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. — Вот-с, извольте.

— Да не может быть... Как же это так?.. — начал было я.

Служанка тупо посмотрела на меня и принялась мести.

Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин; от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, — писал он, — пока мы оба молча ожидали Асю, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне всё сказала; для её спокойствия я должен был уступить её повторённым, усиленным просьбам». В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

«Какие предрассудки? — вскричал я, как будто он мог меня слышать, — что за вздор! Кто дал право похитить её у меня...» Я схватил себя за голову...

Служанка начала громко кликать хозяйку: её испуг заставил меня прийти в себя. Одна мысль во мне загорелась: сыскать их, сыскать во что бы то ни стало. Принять этот удар, примириться с такою развязкой было невозможно. Я узнал от хозяйки, что они в шесть часов утра сели на пароход и поплыли вниз по Рейну. Я отправился в контору: там мне сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошёл домой с тем, чтобы тотчас уложиться и поплыть вслед за ними. Мне пришлось идти мимо дома фрау Луизе...

Вдруг я слышу: меня кличет кто-то. Я поднял голову и увидал в окне той самой комнаты, где я накануне виделся с Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошёл было мимо; но она мне крикнула вслед, что у ней есть что-то для меня.

Эти слова меня остановили, и я вошёл в её дом. Как передать мои чувства, когда я увидел опять эту комнатку...

— По-настоящему, — начала старуха, показывая маленькую записку, — я бы должна была дать вам это только в случае, если б вы зашли ко мне сами, но вы такой прекрасный молодой человек. Возьмите.

Правообладатель Академия образования

Я взял записку.

На крошечном клочке бумаги стояли следующие слова, торопливо начерченные карандашом: «Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!»

Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал ей, что я люблю её... Да я и не мог произнести тогда это слово. Когда я встретился с ней в той роковой комнате, во мне ещё не было ясного сознания моей любви; оно не проснулось даже тогда, когда я сидел с её братом в бессмысленном и тягостном молчании... оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я стал искать и звать её... но уж тогда было поздно. «Да это невозможно!» — скажут мне; не знаю, возможно ли это, — знаю, что это правда. Ася бы не уехала, если б в ней была хоть тень кокетства и если б её положение не было ложно. Она не могла вынести того, что всякая другая снесла бы: я этого не понял. Недобрый мой гений остановил признание на устах моих при последнем свидании с Гагиным перед потемневшим окном, и последняя нить, за которую я ещё мог ухватиться, выскользнула из рук моих.

В тот же день вернулся я с уложенным чемоданом в город Л. и поплыл в Кёльн. Помню, пароход уже отчаливал, и я мысленно прощался с этими улицами, со всеми этими местами, которые я уже никогда не должен был позабыть, — я увидел Ганхен. Она сидела возле берега на скамье. Лицо её было бледно, но не грустно; молодой красивый парень стоял с ней рядом и, смеясь, рассказывал ей что-то; а на другой стороне Рейна маленькая моя мадонна всё так же печально выглядывала из тёмной зелени старого ясеня.

XXII

В Кёльне я напал на след Гагиных; я узнал, что они поехали в Лондон; я пустился вслед за ними; но в Лондоне все мои розыски остались тщетными. Я долго не хотел смириться, долго упорствовал, но я должен был отказаться наконец от надежды настигнуть их.

И я не увидел их более — я не увидел Аси. Тёмные слухи доходили до меня о ней, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю,

жива ли она. Однажды, несколько лет спустя, я мельком увидал за границей, в вагоне железной дороги, женщину, лицо которой живо напомнило мне незабвенные черты... но я, вероятно, был обманут случайным сходством. Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какою я знавал её в лучшую пору моей жизни, какою я её видел в последний раз, наклонённой на спинку низкого деревянного стула.

Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней; я даже нашёл, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслию, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой. Я был тогда молод — и будущее, то короткое, быстрое будущее, казалось мне беспредельным. «Разве не может повториться то, что было», — думал я, и ещё лучше, ещё прекраснее?.. Я знавал других женщин, — но чувство, возбуждённое во мне Асей, то жгучее, неясное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нет! Ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чьё сердце, припавшее к моей груди, не отвечало моё сердце таким радостным и сладким замиранием! Осуждённый на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, её записочки и высохший цветок герониума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издаёт слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, быть может, давно уже тлеет в могиле... И я сам — что сталось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так лёгкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека — переживает самого человека.

1858 г.

1. Составьте план повести. Найдите экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку. Укажите место отдельных глав в композиции произведения, составив таблицу «Сюжет и композиция повести “Ася”»:

Номер главы (глав)	Развитие сюжета (событие)	Элемент композиции

2. Сравните начало и конец произведения. Какой тип композиции и почему избран Тургеневым?

Правообладатель Академия образования

3. Где происходит действие повести? В чём главное отличие городов З. и Л.? Перечислите события, которые произошли в каждом из этих городов. Почему в городе Л. появляется Ася?
4. Сравните пейзажи в произведении. Как и почему изменилась природа и её восприятие героем в начале главы I и в конце главы II? Определите символические детали в этих пейзажах. Как описания природы «предсказывают» тему и сюжет произведения?
5. Какая музыка звучит в повести? Почему и как меняется «музыкальное сопровождение» действия в произведении?
6. От чьего лица ведётся повествование? Что придаёт произведению форма монолога-исповеди героя?
7. Почему у главного героя есть только инициалы, а не имя? Сколько ему лет? Соберите «досье» на господина Н. Н., заполнив таблицу:

Критерий для сравнения	В начале повести	В эпилоге
Возраст		
Семейное положение		
Отношение к жизни и т. д.		

8. Перечитайте описание портрета Гагина. Какое слово здесь является ключевым? Чем внутренне схожи Гагин и господин Н. Н.? Почему Гагин доверил историю сестры господину Н. Н.?
9. Найдите в повести сведения об Асе: настоящее имя, возраст, происхождение, особенности воспитания, отношение к людям и миру, литературные вкусы, странности поведения и их причины. Почему Н. Н. называет Асю «совершенно русской девушкой»?
10. Проследите, как меняется состояние Н. Н. в разных эпизодах повести, заполнив таблицу:

№ главы	Эпизод	Состояние Н. Н.	Цитата-подтверждение
II	Первое свидание с Асей		
II	В домике Гагиных		
IV	Сцена у развалин		
VIII	Рассказ Гагина об Асе		
XI	Разговор с Асей о ней самой		
Эпилог			

Проанализируйте таблицу. Изменились ли внутренний мир и жизненные цели Н. Н. под влиянием чувства к Асе? Меняется ли Ася в этих же эпизодах?

11. В какой момент повествования вы догадались, что герои не будут вместе? Перечитайте главы XI—XII, сравните поведение Аси и Н. Н. Найдите объяснение Гагина тому, почему свадьбы не будет (глава XII), и описание реакции Н. Н. на Асино объяснение в любви (главы XIII—XIV). Как постепенно Тургенев разъясняет, почему любовь закончилась ничем? Какие особенности характера Н. Н. повлияли на его выбор? Сыграл ли роль в этом выборе социальный статус Н. Н. и Аси?

12. Сравните две встречи Н. Н. и Аси, заполнив таблицу «Две встречи — два разговора»:

Свидание (глава IX)	Критерий для сравнения	Разрыв (глава XVI)
	Цветовая гамма	
	Особенности света и тени	
	Как говорят герои	
	Ключевой образ	
	Интонация, общее настроение	

13. Как Тургенев выражает своё отношение к поступку Н. Н. в главе XX? Ответьте на последний вопрос рассказчика — «Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений?» (глава XXII).

14. В литературоведении есть понятие «тургеневская девушка» — особый тип героини, возвышенной, утончённой, образованной, талантливой, способной тонко чувствовать мир и других людей, внешне слабой, но наделённой огромной внутренней силой. Подумайте, можно ли отнести Асю к этому литературному типу. Оформите своё мнение в виде сочинения-рассуждения.

15. По материалам, подготовленным для ответов на вопросы 7, 9, 10, 11, 12, докажите, что Н. Н. и Ася — совершенно разные люди. Напишите сочинение «Сравнительная характеристика главных героев повести “Ася” И. С. Тургенева».

16. Выполните задание «Тест на знание текста повести И. С. Тургенева “Ася”».

Правообладатель Академия образования

«Тайный психологизм» И. С. Тургенева

Психологизм — отражение в произведении внутреннего мира литературного героя, т. е. его мыслей, чувств, переживаний.

Для описания душевного состояния своих героев И. С. Тургенев использует целый ряд приёмов и средств:

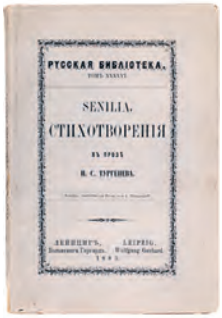
- *портрет* может представлять собой полное описание облика человека, а может быть «свёрнутым», когда писатель выделяет только некоторые черты, детали внешности (глаза, улыбку, особенности походки и т. п.);
- *имя, фамилия, прозвище* могут многое сказать о характере человека;
- *предметы*, которые окружают героя; его род занятий, профессия или хобби;
- *поступки* героя, их причины и последствия;
- *размышления* героя, передающие его внутреннее состояние;
- *речь* позволяет понять особенности героя (важно, где, когда и как (темп, интонация, грамотность) говорит человек);
- *оценка поступка*, даваемая другими персонажами, позволяет лучше понять героя;
- *предыстория* показывает, в каких условиях формировался характер героя.

Все эти приёмы позволяют указывать на состояние героя не прямо, а косвенно. О том, что происходит у героя в душе, читатель должен догадаться по интонациям, паузам, изменениям во внешности, поэтому психологизм И. С. Тургенева принято называть тайным.

1. Вспомните и запишите символические детали, встречающиеся в повести «Ася». Какую смысловую нагрузку несёт в себе каждая из них? С кем из героев произведения они связаны?
2. Проанализируйте имена героев повести И. С. Тургенева. У кого из них настоящее имя? Почему нет имени у Гагина? Почему свою сестру Анну Гагин зовёт Асей (сокращённое от Анастасия)? Почему писатель так и не раскрыл, как зовут господина Н. Н.?
3. Распределитесь по трём группам и установите, какие из перечисленных на с. 136 приёмов И. С. Тургенев использовал для характеристики Аси (1-я группа), господина Н. Н. (2-я группа), Гагина (3-я группа). Подберите примеры для каждого из приёмов.

Стихотворения в прозе

> ...читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, — и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу.
>
> *И. С. Тургенев*



Последние четыре года своей жизни И. С. Тургенев посвятил созданию особой книги — «Стихотворения в прозе» (1878—1882). Он писал её для себя и небольшого круга своих единомышленников. В книге собрано 50 стихотворений в прозе, большинство из них автобиографичны и написаны от первого лица.

Стихотворение в прозе — это жанр, в котором сочетаются черты прозы и поэзии. Его отличительные особенности:

- небольшой размер (поэтому его часто называют миниатюрой);
- ослабленный сюжет;
- высокая эмоциональная насыщенность;
- повышенная метафоричность, иносказательность (это приближает произведение к притче);
- наличие ритма и элементов звукописи.

«Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева напоминают личный дневник, в котором собраны радостные и грустные воспоминания о прошлом, размышления о жизни и смерти, любви и вере, правде и совести.

Писатель долго искал точное название сборнику. Ему предлагали назвать стихотворения в прозе «зигзагами», потому что они «коротки, как молнии, и, как молния, внезапно освещают пред вами громадные перспективы». Однако писатель назвал свой цикл по-латыни *senilia* — «Старческое»: «...это не что иное, как последние вздохи (вежливо выражаясь) старика», — писал он.

1. Какое название сборнику стихотворений в прозе предложили бы вы? Обоснуйте свой вариант, опираясь на жанровые особенности и тематику произведений Тургенева.

Правообладатель Академия образования

МЫ ЕЩЁ ПОВОЮЕМ

Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека!

Полный раздумья, шёл я однажды по большой дороге.

Тяжкие предчувствия стесняли мою грудь; унылость овладевала мною.

Я поднял голову... Передо мною, между двух рядов высоких тополей, стрелою уходила вдаль дорога.

И через неё, через эту самую дорогу, в десяти шагах от меня, вся раззолоченная ярким летним солнцем, прыгала гуськом целая семейка воробьёв, прыгала бойко, забавно, самонадеянно!

Особенно один из них так и надсаживал бочком, бочком, выпуча зоб и дерзко чирикая, словно и чёрт ему не брат! Завоеватель — и полно!

А между тем высоко на небе кружил ястреб, которому, быть может, суждено сожрать именно этого самого завоевателя.

Я поглядел, рассмеялся, встряхнулся — и грустные думы тотчас отлетели прочь: отвагу, удаль, охоту к жизни почувствовал я.

И пускай надо мной кружит мой ястреб...

— Мы ещё повоюем, чёрт возьми!

1879 г.

?

1. Перескажите сюжет стихотворения. Почему это было трудно сделать? Что выступает на первый план в повествовании?
2. В стихотворении часто одна строфа является одним предложением. Соблюдается ли это правило в данном произведении? Почему Тургенев так часто прибегает к красной строке?
3. Какие образы-символы присутствуют в стихотворении? Как они передают состояние героя произведения? Как и почему оно изменяется?
4. Поясните финал стихотворения. Что может быть сильнее страха смерти?

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидал молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно ка-

чал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса — и удалился, благоговея.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

1878 г.

1. Найдите слова, характеризующие собаку. К какой части речи относится большинство из них? Что эта деталь придаёт пониманию образа собаки?
2. На каких деталях внешности воробышка и старого воробья фиксирует внимание автор? Почему?
3. Что (кто) противопоставляется в стихотворении «Воробей»? Можно ли говорить об использовании антитезы?
4. Почему действия старого воробья вызвали у автора восхищение? Какие чувства эта история вызвала у вас — современных читателей?
5. Чем это произведение напоминает притчу?

«Стихотворения в прозе» завершает патриотическое произведение «Русский язык».

Большую часть жизни Тургенев провел за границей, говорил на многих иностранных языках, но всегда восхищался своим родным. Совершенство и богатство русского языка было для него доказательством духовного здоровья и величия народа.

Правообладатель Академия образования

1880-е гг. в России называют периодом общественной пассивности. В марте 1881 г. был убит царь Александр II. Через месяц были казнены организаторы и участники покушения на него. За этим последовало усиление цензуры, ужесточение надзора за университетами, ограничение возможностей для получения образования людьми из социальных низов. Стали сворачиваться реформы 1860—1870-х гг.

Изменения в общественной жизни страны очень беспокоили писателя. Он искал тот стержень, который поможет любому человеку пережить трудные времена, и нашел его — это, по мнению И. С. Тургенева, родной язык.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

1882 г.

1. Сформулируйте тему и основную мысль словами из текста.
2. Понаблюдайте за звуковым строем стихотворения: какие гласные и согласные употребляются чаще всего? Определите их роль в создании настроения произведения.
3. Выпишите эпитеты, характеризующие русский язык. Какой из них и почему Тургенев использовал в стихотворении дважды? Как этот повтор расширяет тему произведения?
4. Найдите другие высказывания И. С. Тургенева о русском языке. Проследите, менялось ли отношение писателя к русскому языку на разных этапах жизни и творчества?
5. Найдите высказывания о русском языке других писателей. Какие особенности русской речи они (большинство из них) отмечают? В чём каждый видит уникальность русского языка?
6. Какими эпитетами вы охарактеризовали бы белорусский язык? Как определили бы его роль в жизни нашего народа сегодня и с точки зрения исторического процесса? Напишите небольшой текст о белорусском языке в жанре стихотворения в прозе.

Антон Павлович ЧЕХОВ

1860—1904

...это был человек редкого душевного благородства, воспитанности и изящества в самом лучшем значении этого слова, мягкости и деликатности при необыкновенной искренности и простоте, чуткости и нежности при редкой правдивости.

И. А. Бунин

Чехова считают образцом интеллигентности, но для того, чтобы им стать, писатель прошёл долгий путь, «по каплям выдавливая из себя раба». В своём письме к брату Николаю он замечал: «Чтобы воспитываться и не стоять ниже уровня среды, в которую ты попал, недостаточно прочесть только Пиквика[1] и вызубрить монолог из “Фауста”[2]... Тут нужны беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля». В другом письме 26-летний Антон Чехов объяснял, какими должны быть воспитанные люди:

1. «Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы...

2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, что не увидишь простым глазом...

3. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет его в глазах говорящего.

5. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии.

6. Они не уничижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие...».

Сохранилось документальное подтверждение того, что лучшие черты своего характера писатель сформировал у себя сам. К. И. Чуковский в очерке «Чехов» писал следующее: «“Дрессировать”, воспитывать себя, предъявлять к себе почти непосильные моральные требования

---

[1] Имеется в виду роман «Посмертные записки Пиквикского клуба» английского писателя Чарльза Диккенса (1812—1870).

[2] «Фауст» — трагедия немецкого писателя Гёте (1749— 1832).

Правообладатель Академия образования

и строго следить за тем, чтобы они были выполнены, — здесь основное содержание его жизни, и эту роль он любил больше всего — роль собственного своего воспитателя. Только этим путём он и добыл нравственную свою красоту — путём упорного труда над собою. До нас случайно дошло его собственное признание в том, что одну из лучших черт своей личности он воспитал в себе сам. Когда его жена написала ему, что у него уступчивый, мягкий характер, он ответил ей (в письме 1903 года): “Должен сказать тебе, что от природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч., и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает”». Было бы странно, если бы, воспитывая себя, писатель не подсказал и другим путь к улучшению своей личности. Этому Чехов посвятил значительную часть своего творчества.

В литературу Чехов вошёл как мастер короткого рассказа и блестящий драматург.

Ключ к пониманию творчества А. П. Чехова в словах М. Горького: «Мимо всей этой скучной, серой толпы бессильных людей прошёл большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрёка, с безнадёжной тоской на лице и в груди, красивым искренним голосом сказал: “Скверно вы живёте, господа!”»

1. Можно ли назвать Чехова интеллигентным[1] человеком? Какими чертами характера он обладал? Как они повлияли на его творчество?
2. Обобщите представления писателя о воспитанном человеке (можно использовать дополнительный материал — другие высказывания Чехова о воспитании). Актуальны ли мысли классика сегодня?
3. Вспомните рассказы Чехова «Хамелеон», «Толстый и тонкий», «Мальчики». Почему их легко инсценировать? Какими особенностями они обладают: в чем специфика их композиции, какую роль играют диалоги, как разворачивается сюжет, каковы имена и фамилии героев и т. д.?
4. В одном из интервью французский драматург Эжен Ионеско на вопрос о том, кто должен стать «главой идеального правительства, которое вершило бы судьбы человечества», ответил: «Чехов». Как вы думаете, почему такое доверие было оказано русскому писателю и драматургу? Найдите в других высказываниях о личности Чехова подтверждение выбора Э. Ионеско. Кого из белорусских писателей вы поставили бы рядом с А. П. Чеховым в «идеальном правительстве»?

---

[1] *Интеллиге́нтный* — хорошо воспитанный, тактичный, внимательный, образованный человек, обладающий высокими духовными качествами.

ПЕРЕПОЛОХ

Машенька Павлецкая, молоденькая, едва только кончившая курс институтка, вернувшись с прогулки в дом Кушкиных, где она жила в гувернантках, застала необыкновенный переполох. Отворявший ей швейцар Михайло был взволнован и красен, как рак.

Сверху доносился шум.

«Вероятно, с хозяйкой припадок... — подумала Машенька, — или с мужем поссорилась...»

В передней и в коридоре встретила она горничных. Одна горничная плакала. Затем Машенька видела, как из дверей её комнаты выбежал сам хозяин Николай Сергеич, маленький, ещё не старый человек с обрюзгшим лицом и с большой плешью. Он был красен. Его передёргивало... Не замечая гувернантки, он прошёл мимо неё и, поднимая вверх руки, воскликнул:

— О, как это ужасно! Как бестактно! Как глупо, дико! Мерзко!

Машенька вошла в свою комнату, и тут ей в первый раз в жизни пришлось испытать во всей остроте чувство, которое так знакомо людям зависимым, безответным, живущим на хлебах у богатых и знатных. В её комнате делали обыск. Хозяйка Федосья Васильевна, полная, плечистая дама с густыми чёрными бровями, простоволосая[1] и угловатая, с едва заметными усиками и с красными руками, лицом и манерами похожая на простую бабу-кухарку, стояла у её стола и вкладывала обратно в рабочую сумку клубки шерсти, лоскутки, бумажки... Очевидно, появление гувернантки было для неё неожиданно, так как, оглянувшись и увидев её бледное, удивлённое лицо, она слегка смутилась и пробормотала:

— Pardon[2], я... я нечаянно рассыпала... зацепила рукавом...

И, сказав ещё что-то, мадам Кушкина зашуршала шлейфом и вышла. Машенька обвела удивлёнными глазами свою комнату и, ничего не понимая, не зная, что думать, пожала плечами, похолодела от страха... Что Федосья Васильевна искала в её сумке? Если действительно, как она говорит, она нечаянно зацепила рукавом и рассыпала, то зачем же выскочил из комнаты такой красный и взволнованный Николай Сергеич? Зачем у стола слегка выдвинут один ящик? Копилка, в которую гувернантка прятала гривенники[3] и старые марки, была отперта.

---

[1] *Простоволо́сый* (разг.) — без головного убора, с неприкрытой головой, здесь: с распущенными волосами.

[2] *Извините* (франц.).

[3] *Гри́венник* — монета в 10 копеек.

Правообладатель Академия образования

Её отперли, но запереть не сумели, хотя и исцарапали весь замок. Этажерка с книгами, поверхность стола, постель — всё носило на себе свежие следы обыска. И в корзине с бельём тоже. Бельё было сложено аккуратно, но не в том порядке, в каком оставила его Машенька, уходя из дому. Обыск, значит, был настоящий, самый настоящий, но к чему он, зачем? Что случилось? Машенька вспомнила волнение швейцара, переполох, который всё еще продолжался, заплаканную горничную; не имело ли всё это связи с только что бывшим у неё обыском? Не замешана ли она в каком-нибудь страшном деле? Машенька побледнела и вся холодная опустилась на корзину с бельём.

В комнату вошла горничная.

— Лиза, вы не знаете, зачем это меня... обыскивали? — спросила у неё гувернантка.

— У барыни пропала брошка в две тысячи... — сказала Лиза.

— Да, но зачем же меня обыскивать?

— Всех, барышня, обыскивали. И меня всю обыскали... Нас раздевали всех догола и обыскивали... А я, барышня, вот как перед богом... Не то чтоб ихнюю брошку, но даже к туалету[1] близко не подходила. Я и в полиции то же скажу.

— Но... зачем же меня обыскивать? — продолжала недоумевать гувернантка.

— Брошку, говорю, украли... Барыня сама своими руками всё обшарила. Даже швейцара Михайлу сами обыскивали. Чистый срам! Николай Сергеич только глядит да кудахчет, как курица. А вы, барышня, напрасно это дрожите. У вас ничего не нашли! Ежели не вы брошку взяли, так вам и бояться нечего.

— Но ведь это, Лиза, низко... оскорбительно! — сказала Машенька, задыхаясь от негодования. — Ведь это подлость, низость! Какое она имела право подозревать меня и рыться в моих вещах?

— В чужих людях живёте, барышня, — вздохнула Лиза. — Хоть вы и барышня, а всё же... как бы прислуга... Это не то, что у папаши с мамашей жить...

Машенька повалилась в постель и горько зарыдала. Никогда ещё над нею не совершали такого насилия, никогда еще её так глубоко не оскорбляли, как теперь... Её, благовоспитанную, чувствительную девицу, дочь учителя, заподозрили в воровстве, обыскали, как уличную женщину! Выше такого оскорбления, кажется, и придумать нельзя.

---

[1] Здесь: столик с зеркалом, за которым одеваются, причёсываются и т. п.

И к этому чувству обиды присоединился ещё тяжёлый страх: что теперь будет!? В голову её полезли всякие несообразности. Если её могли заподозрить в воровстве, то, значит, могут теперь арестовать, раздеть догола и обыскать, потом вести под конвоем по улице, засадить в тёмную, холодную камеру с мышами и мокрицами, точь-в-точь в такую, в какой сидела княжна Тараканова. Кто вступится за неё? Родители её живут далеко в провинции; чтобы приехать к ней, у них нет денег. В столице она одна, как в пустынном поле, без родных и знакомых. Что хотят, то и могут с ней сделать.

«Побегу ко всем судьям и защитникам... — думала Машенька, дрожа. — Я объясню им, присягну... Они поверят, что я не могу быть воровкой!»

Машенька вспомнила, что у неё в корзине под простынями лежат сладости, которые она, по старой институтской привычке, прятала за обедом в карман и уносила к себе в комнату. От мысли, что эта её маленькая тайна уже известна хозяевам, её бросило в жар, стало стыдно, и от всего этого — от страха, стыда, от обиды началось сильное сердцебиение, которое отдавало в виски, в руки, глубоко в живот.

— Пожалуйте кушать! — позвали Машеньку.

«Идти или нет?»

Машенька поправила причёску, утёрлась мокрым полотенцем и пошла в столовую. Там уже начали обедать... За одним концом стола сидела Федосья Васильевна, важная, с тупым, серьёзным лицом, за другим — Николай Сергеич. По сторонам сидели гости и дети. Обедать подавали два лакея во фраках и белых перчатках. Все знали, что в доме переполох, что хозяйка в горе, и молчали. Слышны были только жеванье и стук ложек о тарелки.

Ил. Кукрыниксов

Разговор начала сама хозяйка.

— Что у нас к третьему блюду? — спросила она у лакея томным, страдальческим голосом.

— Эстуржон аля рюсс! — ответил лакей.

— Это, Феня, я заказал... — поторопился сказать Николай Сергеич. — Рыбы захотелось. Если тебе не нравится, ma chère[1], то пусть не подают. Я ведь это так... между прочим...

[1] *Моя дорогая* (франц.).

Правообладатель Академия образования

Федосья Васильевна не любила кушаний, которые заказывала не она сама, и теперь глаза у неё наполнились слезами.

— Ну, перестанем волноваться, — сказал сладким голосом Мамиков, её домашний доктор, слегка касаясь её руки и улыбаясь так же сладко. — Мы и без того достаточно нервны. Забудем о броши! Здоровье дороже двух тысяч!

— Мне не жалко двух тысяч! — ответила хозяйка, и крупная слеза потекла по её щеке. — Меня возмущает самый факт! Я не потерплю в своём доме воров. Мне не жаль, мне ничего не жаль, но красть у меня — это такая неблагодарность! Так платят мне за мою доброту...

Все глядели в свои тарелки, но Машеньке показалось, что после слов хозяйки на неё все взглянули. Комок вдруг подступил к горлу, она заплакала и прижала платок к лицу.

— Pardon, — пробормотала она. — Я не могу. Голова болит. Уйду.

И она встала из-за стола, неловко гремя стулом и ещё больше смущаясь, и быстро вышла.

— Бог знает что! — проговорил Николай Сергеич, морщась. — Нужно было делать у неё обыск! Как это, право... некстати.

— Я не говорю, что она взяла брошку, — сказала Федосья Васильевна, — но разве ты можешь поручиться за неё? Я, признаюсь, плохо верю этим учёным беднячкам.

— Право, Феня, некстати... Извини, Феня, но по закону ты не имеешь никакого права делать обыски.

— Я не знаю ваших законов. Я только знаю, что у меня пропала брошка, вот и всё. И я найду эту брошку! — она ударила по тарелке вилкой, и глаза у неё гневно сверкнули. — А вы ешьте и не вмешивайтесь в мои дела!

Николай Сергеич кротко опустил глаза и вздохнул. Машенька между тем, придя к себе в комнату, повалилась в постель. Ей уже не было ни страшно, ни стыдно, а мучило её сильное желание пойти и отхлопать по щекам эту чёрствую, эту надменную, тупую, счастливую женщину.

Лёжа, она дышала в подушку и мечтала о том, как бы хорошо было пойти теперь купить самую дорогую брошь и бросить ею в лицо этой самодурке. Если бы, бог дал, Федосья Васильевна разорилась, пошла бы по миру и поняла бы весь ужас нищеты и подневольного состояния и если бы оскорблённая Машенька подала ей милостыню! О, если бы получить большое наследство, купить коляску и прокатить с шумом мимо её окон, чтобы она позавидовала!

Но всё это мечты, в действительности же оставалось только одно — поскорее уйти, не оставаться здесь ни одного часа. Правда, страшно потерять место, опять ехать к родителям, у которых ничего нет, но что же делать? Машенька не могла видеть уже ни хозяйки, ни своей маленькой комнаты, ей было здесь душно, жутко. Федосья Васильевна, помешанная на болезнях и на своём мнимом аристократизме[1], опротивела ей до того, что кажется, всё на свете стало грубо и неприглядно оттого, что живёт эта женщина. Машенька прыгнула с кровати и стала укладываться.

— Можно войти? — спросил за дверью Николай Сергеич; он подошёл к двери неслышно и говорил тихим, мягким голосом. — Можно?

— Войдите.

Он вошёл и остановился у двери. Глаза его глядели тускло, и красный носик его лоснился. После обеда он пил пиво, и это было заметно по его походке, по слабым, вялым рукам.

— Это что же? — спросил он, указывая на корзину.

— Укладываюсь. Простите, Николай Сергеич, но я не могу долее оставаться в вашем доме. Меня глубоко оскорбил этот обыск!

— Я понимаю... Только вы это напрасно... Зачем? Обыскали, а вы того... что вам от этого? Вас не убудет от этого.

Машенька молчала и продолжала укладываться. Николай Сергеич пощипал свои усы, как бы придумывая, что сказать ещё, и продолжал заискивающим голосом:

— Я, конечно, понимаю, но надо быть снисходительной. Знаете, моя жена нервная, взбалмошная, нельзя судить строго...

Машенька молчала.

— Если уж вы так оскорблены, — продолжал Николай Сергеич, — то извольте, я готов извиниться перед вами. Извините.

Машенька ничего не ответила, а только ниже нагнулась к своему чемодану. Этот испитой[2], нерешительный человек ровно ничего не значил в доме. Он играл жалкую роль приживала[3] и лишнего человека даже у прислуги; и извинение его тоже ничего не значило.

— Гм... Молчите? Вам мало этого? В таком случае я за жену извиняюсь. От имени жены... Она поступила нетактично, я признаю как дворянин...

---

[1] *Аристократи́зм* — изысканные манеры.

[2] *Испито́й* — изнурённый, измождённый.

[3] *Прижива́ла* (устар.) — обнищавший дворянин, интеллигент, купец, живший из милости в чужом богатом доме и не имевший никаких определённых занятий.

Правообладатель Академия образования

Николай Сергеич прошёлся, вздохнул и продолжал:

— Вам надо ещё, значит, чтоб у меня ковыряло вот тут, под сердцем... Вам надо, чтобы меня совесть мучила...

— Я знаю, Николай Сергеич, вы не виноваты, — сказала Машенька, глядя ему прямо в лицо своими большими заплаканными глазами. — Зачем же вам мучиться?

— Конечно... Но вы всё-таки того... не уезжайте... Прошу вас.

Машенька отрицательно покачала головой. Николай Сергеич остановился у окна и забарабанил по стеклу.

— Для меня подобные недоразумения — это чистая пытка, — проговорил он. — Что же мне, на колени перед вами становиться, что ли? Вашу гордость оскорбили, и вот вы плакали, собираетесь уехать, но ведь и у меня тоже есть гордость, а вы её не щадите. Или хотите, чтоб я сказал вам то, чего и на исповеди не скажу? Хотите? Послушайте, вы хотите, чтобы я признался в том, в чём даже перед смертью на духу не признаюсь?

Машенька молчала.

— Я взял у жены брошку! — быстро сказал Николай Сергеич. — Довольны теперь? Удовлетворены? Да, я... взял... Только, конечно, я надеюсь на вашу скромность... Ради бога, никому ни слова, ни полнамёка!

Машенька, удивлённая и испуганная, продолжала укладываться; она хватала свои вещи, мяла их и беспорядочно совала в чемодан и корзину. Теперь, после откровенного признания, сделанного Николаем Сергеичем, она не могла оставаться ни одной минуты и уже не понимала, как она могла жить раньше в этом доме.

— И удивляться нечего... — продолжал Николай Сергеич, помолчав немного. — Обыкновенная история! Мне деньги нужны, а она... не даёт. Ведь этот дом и всё это мой отец наживал, Марья Андреевна! Всё ведь это моё, и брошка принадлежала моей матери, и... всё моё! А она забрала, завладела всем... Не судиться же мне с ней, согласитесь... Прошу вас, убедительно, извините и... и останьтесь. Tout comprendre, tout pardonner[1]. Остаетесь?

— Нет! — сказала Машенька решительно, начиная дрожать. — Оставьте меня, умоляю вас.

— Ну, бог с вами, — вздохнул Николай Сергеич, садясь на скамеечку около чемодана. — Я, признаться, люблю тех, кто ещё умеет

[1] *Всё понять, всё простить* (франц.).

оскорбляться, презирать и прочее. Век бы сидел и на ваше негодующее лицо глядел... Так, стало быть, не остаётесь? Я понимаю... Иначе и быть не может... Да, конечно... Вам-то хорошо, а вот мне так — тпррр!.. Ни на шаг из этого погреба. Поехать бы в какое-нибудь наше имение, да там везде сидят эти же́нины прохвосты... управляющие, агрономы, чёрт бы их взял. Закладывают, перезакладывают... Рыбы не ловить, травы не топтать, деревьев не ломать.

— Николай Сергеич! — послышался из залы голос Федосьи Васильевны. — Агния, позови барина!

— Так не остаётесь? — спросил Николай Сергеич, быстро поднимаясь и идя к двери. — А то бы остались, ей-богу. Вечерком я заходил бы к вам... толковали бы. А? Останьтесь! Уйдёте вы, и во всём доме не останется ни одного человеческого лица. Ведь это ужасно!

Бледное, испитое лицо Николая Сергеича умоляло, но Машенька отрицательно покачала головой, и он, махнув рукой, вышел.

Через полчаса она была уже в дороге.

1. Составьте план рассказа. Определите, какая из смысловых частей содержит экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку.
2. Какие детали создают картину переполоха в доме? Обратите внимание на цветовые детали, интонации, поведение героев.
3. Покажите, как меняются чувства Машеньки в ситуации обыска, составив схему.
4. Перечитайте сцену в столовой (с. 145—146). Как раскрываются в ней семейные отношения? По каким деталям читатель догадывается, кто в доме главный?
5. Кто и почему пришёл к Маше с извинениями? Почему Маша их не приняла и не осталась?
6. Обобщите свои впечатления о героях рассказа, заполнив таблицу:

	Машенька	Николай Сергеевич	Федосья Васильевна
Черты характера			
Жизненные принципы			
Социальное положение			

7. Используя материалы таблицы из задания 6, докажите, что конфликт в рассказе «Переполох» не только нравственный, но и социальный.

Правообладатель Академия образования

Понятие о подтексте

По словам Л. Н. Толстого, А. П. Чехов открыл «новые, совершенно новые для всего мира формы писания». Одно из чеховских открытий — подтекст.

Подтекст — это способ построения текста, позволяющий читателю уловить неявный, скрытый смысл произведения, который вытекает из речевой ситуации, тона, намерений говорящего.

Современные исследователи утверждают, что подтекст есть практически в любом произведении искусства. Американский писатель XX века Э. Хемингуэй сравнивал настоящую прозу с айсбергом, где на поверхности видна только 1/8 её общего объёма, а всё остальное — скрытая часть повествования (собственно подтекст), содержащая основные смыслы произведения. Подтекст создаётся с помощью ряда средств: художественных деталей, повторов, многозначных слов, которые приобретают в произведении дополнительный смысл и особую важность.

Художественная деталь — средство создания художественного образа; выразительная подробность в произведении (часть внешнего мира, портрета и т. п.), которая помогает читателю представить и глубже понять не только характер, обстановку, но и в целом произведение, авторское отношение к изображаемому.

Тема рассказа «Переполох» — человеческое достоинство, право личности на его защиту. Наиболее остро эта тема звучит в ситуации *конфликта* — столкновения жизненных идеалов разных людей. Это нравственный конфликт между Федосьей Васильевной и её мужем. Однако своевольная хозяйка дома приказывает устроить обыск у гувернантки. Они не равны по общественному положению — конфликт становится социальным. В такой ситуации важно показать внутреннее превосходство Машеньки над её более «статусным» окружением. С этой целью писатель использует *портретные характеристики*: изящный облик гувернантки ещё резче выделяется на фоне плечистой, похожей на кухарку мадам Кушкиной и её супруга. Показательны *речевые характеристики*. Герои говорят по-разному: громко и требовательно — Федосья Васильевна, постоянно извиняясь и запинаясь — Николай Сергеевич, вежливо и с достоинством — Машенька. Даже *имена*

автор делает «говорящими», например, для гувернантки использует вариант с уменьшительным суффиксом. Все перечисленные детали подчёркивают следующее: унижать человека, оскорблять его человеческое достоинство не должен никто, а личность определяется вовсе не социальным статусом.

1. Что такое подтекст?
2. Какие художественные детали использованы в создании подтекста в рассказе «Переполох»? Приведите примеры.

Владимир Галактионович КОРОЛЕНКО

1853—1921

> Жизнь вообще, в самых мелких и самых крупных своих явлениях, кажется мне проявлением общего великого закона, главные основные черты которого — добро и счастье.
>
> *В. Г. Короленко*

Будущий писатель родился и долго жил в Украине. Он рано стал разделять революционные взгляды, поэтому много лет провёл под арестом и в ссылках. Но его популярность как общественного деятеля была велика. В. Г. Короленко считал, что литература должна показывать читателям жизненную правду и помогать становиться лучше. В своих произведениях писатель защищал слабых и обездоленных, как, например, в повести «Дети подземелья». В. Г. Короленко не оставил равнодушным никого из своих современников. Л. Н. Толстой говорил о нём как об истинно прекрасном человеке, А. П. Чехов называл его благородным, а для Максима Горького он был просто учителем.

Очерк «Парадокс» Короленко написал всего за один день в апреле 1894 г. Это был трудный период в жизни писателя: недавно умерла его маленькая дочь. Черновик очерка практически не содержит исправлений. После первой публикации было изменено лишь окончание произведения.

1. Как вы думаете, почему в очень трудный момент своей жизни В. Г. Короленко написал очерк о человеческом счастье?

Правообладатель Академия образования

ПАРАДОКС[1]

Очерк

I

Для чего собственно создан человек, об этом мы с братом получили некоторое понятие довольно рано. Мне, если не ошибаюсь, было лет десять, брату — около восьми. Сведение это было преподано нам в виде краткого афоризма, или, по обстоятельствам, его сопровождавшим, скорее парадокса. Итак, кроме назначения жизни, мы одновременно обогатили свой лексикон этими двумя греческими словами.

Было это приблизительно около полудня знойного и тихого июньского дня. В глубоком молчании сидели мы с братом на заборе под тенью густого серебристого тополя и держали в руках удочки, крючки которых были опущены в огромную бадью с загнившей водой. О назначении жизни в то время мы не имели ещё даже отдалённого понятия, и, вероятно, по этой причине вот уже около недели любимым нашим занятием было — сидеть на заборе, над бадьёй с опущенными в неё крючками из простых медных булавок, и ждать, что вот-вот, по особой к нам милости судьбы, в этой бадье и на эти удочки клюнет у нас «настоящая», живая рыба.

Правда, уголок двора, где помещалась эта волшебная бадья, и сам по себе, даже и без живой рыбы, представлял много привлекательного и заманчивого. Среди садов, огородов, сараев, двориков, домов и флигелей, составлявших совокупность близко известного нам места, этот уголок вырезался как-то так удобно, что никому и ни на что не был нужен; поэтому мы чувствовали себя полными его обладателями, и никто не нарушал здесь нашего одиночества.

Середину этого пространства, ограниченного с двух сторон палисадником и деревьями сада, а с двух других пустыми стенами сараев, оставлявшими узкий проход, занимала большая мусорная куча. Стоптанный лапоть, кем-то перекинутый через крышу сарая, изломанное топорище, побелевший кожаный башмак с отогнувшимся кверху каб-

---

[1] *Парадо́кс* — странное высказывание, которое расходится с общепринятым мнением, научными положениями или противоречит здравому смыслу.

луком и безличная масса каких-то истлевших предметов, потерявших уже всякую индивидуальность, — нашли в тихом углу вечный покой после более или менее бурной жизни за его пределами... На вершине мусорной кучи валялся старый-престарый кузов какого-то фантастического экипажа, каких давно уже не бывало в действительности, то есть в каретниках[1], на дворах и на улицах. Это был какой-то призрачный обломок минувших времён, попавший сюда, быть может, ещё до постройки окружающих зданий и теперь лежавший на боку с приподнятой кверху осью, точно рука без кисти, которую калека показывает на паперти, чтобы разжалобить добрых людей. На единственной половинке единственной дверки сохранились ещё остатки красок какого-то герба, и единственная рука, закованная в стальные нарамники и державшая меч, высовывалась непонятным образом из тусклого пятна, в котором чуть рисовалось подобие короны. Остальное всё распалось, растрескалось, облупилось и облезло в такой степени, что уже не ставило воображению никаких прочных преград; вероятно, поэтому старый скелет легко принимал в наших глазах все формы, всю роскошь и всё великолепие настоящей золотой кареты.

Когда нам приедались впечатления реальной жизни на больших дворах и в переулке, то мы с братом удалялись в этот уединённый уголок, садились в кузов, — и тогда начинались здесь чудеснейшие приключения, какие только могут постигнуть людей, безрассудно пускающихся в неведомый путь, далёкий и опасный, в такой чудесной и такой фантастической карете. Мой брат, по большей части, предпочитал более деятельную роль кучера. Он брал в руки кнут из ременного обрезка, найденного в мусорной куче, затем серьёзно и молча вынимал из кузова два деревянных пистолета, перекидывал через плечо деревянное ружьё и втыкал за пояс огромную саблю, изготовленную моими руками из кровельного тёсу. Вид его, вооружённого таким образом с головы до ног, настраивал тотчас же и меня на соответствующий лад, и затем, усевшись каждый на своё место, мы отдавались течению нашей судьбы, не обмениваясь ни словом. Это не мешало нам с той же минуты испытывать общие опасности, приключения и победы. Очень может быть, конечно, что события не всегда совпадали с точки зрения кузова и козел, и я предавался упоению победы в то самое время, как кучер чувствовал себя на краю гибели... Но это ничему, в сущности, не мешало. Разве изредка я принимался неистово палить из окон, когда

[1] *Каре́тник* — сарай для карет и других экипажей.

Правообладатель Академия образования

кучер внезапно натягивал вожжи, привязанные к обломку дышла, — и тогда брат говорил с досадой:

— Что ты это, ей-богу!.. Ведь это гостиница...

Тогда я приостанавливал пальбу, выходил из кузова и извинялся перед гостеприимным трактирщиком в причинённом беспокойстве, между тем как кучер распрягал лошадей, поил их у бадьи, и мы предавались мирному, хотя и короткому отдыху в одинокой гостинице. Однако случаи подобных разногласий бывали тем реже, что я скоро отдавался полёту чистой фантазии, не требовавшей от меня внешних проявлений. Должно быть, в щелях старого кузова засели с незапамятных времён, — выражаясь по-нынешнему, — какие-то флюиды[1] старинных происшествий, которые и захватывали нас сразу в такой степени, что мы могли молча, почти не двигаясь и сохраняя созерцательный вид, просидеть на своих местах от утреннего чая до самого обеда. И в этот промежуток от завтрака и до обеда вмещались для нас целые недели путешествий, с остановками в одиноких гостиницах, с ночлегами в поле, с длинными просеками[2] в чёрном лесу, с дальними огоньками, с угасающим закатом, с ночными грозами в горах, с утренней зарёй в открытой степи, с нападениями свирепых бандитов и, наконец, с туманными женскими фигурами, ещё ни разу не открывавшими лица из-под густого покрывала, которых мы, с неопределённым замиранием души, спасали из рук мучителей на радость или на горе в будущем...

И всё это вмещалось в тихом уголке, между садом н сараями, где, кроме бадьи, кузова и мусорной кучи, не было ничего... Впрочем, были ещё лучи солнца, пригревавшие зелень сада и расцвечивавшие палисадник яркими, золотистыми пятнами; были ещё две доски около бадьи и широкая лужа под ними. Затем, чуткая тишина, невнятный шёпот листьев, сонное чирикание какой-то птицы в кустах и... странные фантазии, которые, вероятно, росли здесь сами по себе, как грибы в тенистом месте, — потому что нигде больше мы не находили их с такой лёгкостью, в такой полноте и изобилии... Когда через узкий переулок и через крыши сараев долетал до нас досадный призыв к обеду или к вечернему чаю, мы оставляли здесь вместе с пистолетами и саблями наше фантастическое настроение, точно скинутое с плеч верхнее платье, в которое наряжались опять тотчас по возвращении.

Однако с тех пор как брату пришла оригинальная мысль вырезать кривые и узловатые ветки тополя, навязать на них белые нитки, навесить медные крючки и попробовать запустить удочки в таинственную

---

[1] *Флюи́д* — здесь: внешне неощутимое течение, излучение.

[2] *Про́сека* — полоса в лесу, очищенная от деревьев.

глубину огромной бадьи, стоявшей в углу дворика, для нас на целую неделю померкли все прелести золотой кареты. Во-первых, мы садились оба, в самых удивительных позах, на верхней перекладине палисадника, углом охватывавшего бадью и у которого мы предварительно обломали верхушки балясин[1]. Во-вторых, над нами качался серебристо-зелёный шатёр тополя, переполнявший окружающий воздух зеленоватыми тенями и бродячими солнечными пятнами. В-третьих, от бадьи отделялся какой-то особенный запах, свойственный загнившей воде, в которой уже завелась своя особенная жизнь в виде множества каких-то странных существ вроде головастиков, только гораздо меньше... Как ни покажется это странно, но запах этот казался нам, в сущности, приятным и прибавлял, со своей стороны, нечто к прелестям этого угла над бадьёй...

В то время как мы сидели по целым часам на заборе, вглядываясь в зеленоватую воду, из глубины бадьи то и дело подымались стайками эти странные существа, напоминавшие собой гибкие медные булавки, головки которых так тихо шевелили поверхность воды, между тем как хвостики извивались под ними, точно крошечные змейки. Это был целый особый мирок, под этою зелёною тенью, и, если сказать правду, в нас не было полной уверенности в том, что в один прекрасный миг поплавок нашей удочки не вздрогнет, не пойдёт ко дну и что после этого который-нибудь из нас не вытащит на крючке серебристую, трепещущую живую рыбку. Разумеется, рассуждая трезво, мы не могли бы не прийти к заключению, что событие это выходит за пределы возможного. Но мы вовсе не рассуждали трезво в те минуты, а просто сидели на заборе, над бадьёй, под колыхавшимся и шептавшим зелёным шатром, в соседстве с чудесной каретой, среди зеленоватых теней, в атмосфере полусна и полусказки...

Вдобавок мы не имели тогда ни малейшего понятия о назначении жизни...

?

1. Какие эмоции возникают у читателя при чтении главы I? Какие средства художественной выразительности помогают автору создавать эти эмоции?
2. Опишите время и место действия очерка. Как они влияют на настроение и род занятий детей?
3. От имени мальчиков расскажите, как выглядит их мир.
4. Какое место в композиции очерка отводится главе I?

---

[1] *Баля́сина* — невысокий фигурный столбик, поддерживающий перила лестниц, балконов.

Правообладатель Академия образования

II

Однажды, когда мы сидели таким образом, погружённые в созерцание неподвижных поплавков, с глазами, прикованными к зелёной глубине бадьи, — из действительного мира, то есть со стороны нашего дома, проник в наш фантастический уголок неприятный и резкий голос лакея Павла. Он, очевидно, приближался к нам и кричал:

— Панычи, панычи, э-эй! Идить бо до покою!

«Идти до покою» значило идти в комнаты, что нас на этот раз несколько озадачило. Во-первых, почему это просто «до покою», а не к обеду, который в этот день действительно должен был происходить ранее обыкновенного, так как отец не уезжал на службу. Во-вторых, почему зовёт именно Павел, которого посылал только отец в экстренных случаях, — тогда как обыкновенно от имени матери звала нас служанка Килимка. В-третьих, всё это было нам очень неприятно, как будто именно этот несвоевременный призыв должен вспугнуть волшебную рыбу, которая как раз в эту минуту, казалось, уже плывёт в невидимой глубине к нашим удочкам. Наконец, Павел и вообще был человек слишком трезвый, отчасти даже насмешливый, и его излишне серьёзные замечания разрушили не одну нашу иллюзию.

Через полминуты этот Павел стоял, несколько даже удивлённый, на нашем дворике и смотрел на нас, сильно сконфуженных, своими серьёзно выпученными и слегка глуповатыми глазами. Мы оставались в прежних позах, но это только потому, что нам было слишком совестно, да и некогда уже скрывать от него свой образ действий. В сущности же, с первой минуты появления этой фигуры в нашем мире, мы оба почувствовали с особенной ясностью, что наше занятие кажется Павлу очень глупым, что рыбу в бадьях никто не ловит, что в руках у нас даже и не удочки, а простые ветки тополя, с медными булавками, и что перед нами только старая бадья с загнившей водой.

— Э? — протянул Павел, приходя в себя от первоначального удивления. — А що се вы робите?

— Так... — ответил брат угрюмо.

Павел взял из моих рук удочку, осмотрел её и сказал:

— Разве ж это удилище? Удилища надо делать из орешника.

Потом пощупал нитку и сообщил, что нужен тут конский волос, да его ещё нужно заплести умеючи; потом обратил внимание на булавочные крючки и объяснил, что над таким крючком, без зазубрины, даже и в пруду рыба только смеётся. Стащит червяка и уйдёт.

Наконец, подойдя к бадье, он тряхнул её слегка своей сильной рукой. Неизмеримая глубина нашего зелёного омута колыхнулась, помутнела, фантастические существа жалобно заметались и исчезли, как бы сознавая, что их мир колеблется в самых устоях. Обнажилась часть дна, — простые доски, облипшие какой-то зелёной мутью, — а снизу поднялись пузыри и сильный запах, который на этот раз и нам показался уже не особенно приятным.

— Воняет, — сказал Павел презрительно. — От, идить до покою, пан кличе.

— Зачем?

— Идить, то и побачите.

Я и до сих пор очень ясно помню эту минуту столкновения наших иллюзий с трезвою действительностью в лице Павла. Мы чувствовали себя совершенными дураками, нам было совестно оставаться на верхушке забора, в позах рыбаков, но совестно также и слезать под серьёзным взглядом Павла. Однако делать было нечего. Мы спустились с забора, бросив удочки как попало, и тихо побрели к дому. <...>

Таковы были обстоятельства, предшествовавшие той минуте, когда нашему юному вниманию предложен был афоризм о назначении жизни и о том, для чего, в сущности, создан человек...

1. Кто из героев появляется во второй части очерка? Как он воздействует на детей и их мирок?
2. Найдите в конце главы II слово, противопоставленное слову «иллюзии». В каком значении употребил его автор?
3. Выпишите из главы II выражения, характеризующие поведение Павла. Как относится к нему рассказчик? Поясните свою точку зрения.
4. Какие чувства испытали дети при появлении Павла? Почему среди этих чувств был страх?
5. Перечитайте последний абзац главы II. Какую роль он играет в развитии сюжета очерка?

III

У крыльца нашей квартиры, на мощёном дворе, толпилась куча народа. На нашем дворе было целых три дома, один большой и два флигеля[1]. В каждом жила особая семья, с соответствующим количеством дворни и прислуги, не считая ещё одиноких жильцов, вроде

[1] *Фли́гель* — пристройка или вспомогательное строение, расположенное сбоку от главного здания.

Правообладатель Академия образования

старого холостяка пана Уляницкого, нанимавшего две комнаты в подвальном этаже большого дома. Теперь почти всё это население высыпало на двор и стояло на солнцепёке, у нашего крыльца. Мы испуганно переглянулись с братом, разыскивая в своём прошлом какой-нибудь проступок, который подлежал бы такому громкому и публичному разбирательству. Однако отец, сидевший на верхних ступеньках, среди привилегированной публики, по-видимому, находился в самом благодушном настроении. Рядом с отцом вилась струйка синего дыма, что означало, что тут же находится полковник Дударев, военный доктор. Немолодой, расположенный к полноте, очень молчаливый, он пользовался во дворе репутацией человека необыкновенно учёного, а его молчаливость и бескорыстие снискали ему общее уважение, к которому примешивалась доля страха, как к явлению, для среднего обывателя не вполне понятному... Иногда, среди других фантазий, мы любили воображать себя доктором Дударевым, и если я замечал, что брат сидит на крыльце или на скамейке, с вишнёвой палочкой в зубах, медленно раздувает щёки и тихо выпускает воображаемый дым, — я знал, что его не следует тревожить. Кроме вишнёвой палочки, требовалось ещё особенным образом наморщить лоб, отчего глаза сами собой немного тускнели, становились задумчивы и как будто печальны. А затем уже можно было сидеть на солнце, затягиваться воображаемым дымом из вишнёвой ветки и думать что-то такое особенное, что, вероятно, думал про себя добрый и умный доктор, молча подававший помощь больным и молча сидевший с трубкой в свободное время. Какие это собственно были мысли, сказать трудно; прежде всего они были важны и печальны, а затем, вероятно, всё-таки довольно приятны, судя по тому, что им можно было предаваться подолгу...

Кроме отца и доктора, среди других лиц, мне бросилось в глаза красивое и выразительное лицо моей матери. Она стояла в белом переднике, с навёрнутыми рукавами, очевидно, только что оторванная от вечных забот по хозяйству. Нас у неё было шестеро, и на её лице ясно виднелось сомнение: стоило ли выходить сюда в самый разгар хлопотливого дня. Однако скептическая улыбка видимо сплывала с её красивого лица, и в синих глазах уже мелькало какое-то испуганное сожаление, обращённое к предмету, стоявшему среди толпы, у крыльца...

Это была небольшая, почти игрушечная телега, в которой как-то странно, странно почти до болезненного ощущения от этого зрелища, помещался человек. Голова его была большая, лицо бледно, с подвиж-

ными, острыми чертами и большими, проницательными бегающими глазами. Туловище было совсем маленькое, плечи узкие, груди и живота не было видно из-под широкой, с сильной проседью бороды, а руки я напрасно разыскивал испуганными глазами, которые, вероятно, были открыты так же широко, как и у моего брата. Ноги странного существа, длинные и тонкие, как будто не умещались в тележке и стояли на земле, точно длинные лапки паука. Казалось, они принадлежали одинаково этому человеку, как и тележке, и всё вместе каким-то беспокойным, раздражающим пятном рисовалось под ярким солнцем, точно в самом деле какое-то паукообразное чудовище, готовое внезапно кинуться на окружившую его толпу.

— Идите, идите, молодые люди, скорее. Вы имеете случай увидеть интересную игру природы, — фальшиво-ласкающим голосом сказал нам пан Уляницкий, проталкиваясь за нами через толпу.

Пан Уляницкий был старый холостяк, появившийся на нашем дворе бог весть откуда. Каждое утро, в известный час и даже в известную минуту, его окно открывалось, и из него появлялась сначала красная ермолка[1] с кисточкой, потом вся фигура в халате... Кинув беспокойный взгляд на соседние окна (нет ли где барышень), он быстро выходил из окна, прикрывая что-то полой халата, и исчезал за углом. В это время мы стремглав кидались к окну, чтобы заглянуть в его таинственную квартирку. Но это почти никогда не удавалось, так как Уляницкий быстро, как-то крадучись, появлялся из-за угла, мы кидались врассыпную, а он швырял в нас камнем, палкой, что попадало под руку. В полдень он появлялся одетым с иголочки и очень любезно, как ни в чём не бывало, заговаривал с нами, стараясь навести разговор на живших во дворе невест. В это время в голосе его звучала фальшивая ласковость, которая всегда как-то резала нам уши...

— Уважаемые господа, обыватели и добрые люди! — заговорил вдруг каким-то носовым голосом высокий субъект с длинными усами и беспокойными, впалыми глазами, стоявший рядом с тележкой. — Так как, по-видимому, с прибытием этих двух молодых людей, дай им бог здоровья на радость почтенным родителям... все теперь в сборе, то я могу объяснить уважаемой публике, что перед нею находится феномен[2], или, другими словами, чудо натуры, шляхтич из Заславского

---

[1] *Ермо́лка* — маленькая мужская круглая шапочка из мягкой ткани без ободка, плотно прилегающая к голове.

[2] *Фено́мен* — необычное явление, редкий факт, то, что трудно постичь.

Правообладатель Академия образования

повета, Ян Криштоф Залуский. Как видите, у него совершенно нет рук и не было от рождения.

Он скинул с феномена курточку, в которую легко было бы одеть ребёнка, потом расстегнул ворот рубахи. Я зажмурился, — так резко и болезненно ударило мне в глаза обнажённое уродство этих узких плеч, совершенно лишённых даже признаков рук.

— Видели? — повернулся долгоусый к толпе, отступая от тележки, с курткой в руках. — Без обману... — добавил он, — без всякого ощуканьства[1]... — И его беспокойные глаза обежали публику с таким видом, как будто он не особенно привык к доверию со стороны своих ближних.

— И, однако, уважаемые господа, сказанный феномен, родственник мой, Ян Залуский — человек очень просвещённый. Голова у него лучше, чем у многих людей с руками. Кроме того, он может исполнять всё, что обыкновенные люди делают с помощью рук. Ян, прошу тебя покорно: поклонись уважаемым господам.

Ноги феномена пришли в движение, причём толпа шарахнулась от неожиданности. Не прошло и нескольких секунд, как с правой ноги, при помощи левой, был снят сапог. Затем нога поднялась, захватила с головы феномена большой порыжелый картуз, и он с насмешливой галантностью приподнял картуз над головой. Два чёрных внимательных глаза остро и насмешливо впились в уважаемую публику.

— Господи боже!.. Иисус-Мария... Да будет похвалено имя господне, — пронеслось на разных языках в толпе, охваченной брезгливым испугом, и только один лакей Павел загоготал в заднем ряду так нелепо и громко, что кто-то из дворни счёл нужным толкнуть его локтем в бок. После этого всё стихло. Чёрные глаза опять внимательно и медленно прошли по нашим лицам, и феномен произнёс среди тишины ясным, хотя слегка дребезжавшим голосом:

— Обойди!

Долгоусый субъект как-то замялся, точно считал приказ преждевременным. Он кинул на феномена нерешительный взгляд, но тот, уже раздражённо, повторил:

— Ты глуп... Обойди!..

Полковник Дударев пустил клуб дыма и сказал:

— Однако, почтенный феномен, вы, кажется, начинаете с того, чем надо кончать.

---

[1] *Ощука́ньство* — обман, надувательство.

Феномен быстро взглянул на него, как будто с удивлением, и затем ещё настойчивее повторил долгоусому:

— Обойди, обойди!

Мне казалось, что феномен посылает долгоусого на какие-то враждебные действия. Но тот только снял с себя шляпу и подошёл к лестнице, низко кланяясь и глядя как-то вопросительно, как бы сомневаясь. На лестнице более всего подавали женщины; на лице матери я увидел при этом такое выражение, как будто она всё ещё испытывает нервную дрожь; доктор тоже бросил монету. Уляницкий смерил долгоусого негодующим взглядом и затем стал беспечно смотреть по сторонам. Среди дворни и прислуги не подал почти никто. Феномен внимательно следил за сбором, потом тщательно пересчитал ногами монеты и поднял одну из них кверху, иронически поклонившись Дудареву.

— Пан доктор... Очень хорошо... Благодарю вас.

Дударев равнодушно выпустил очень длинную струйку дыма, которая распустилась султаном на некотором расстоянии, но мне почему-то показалось, что ему досадно или он чего-то слегка застыдился.

— А! То есть удивительное дело, — сказал своим фальшивым голосом пан Уляницкий, — удивительно, как он узнал, что вы — доктор (Дударев был в штатском пиджаке и белом жилете с медными пуговицами).

— О! Он знает прошедшее, настоящее и будущее, а человека видит насквозь, — сказал с убеждением долгоусый, почерпнувший, по-видимому, значительную долю этой уверенности в удачном первом сборе.

— Да, я знаю прошедшее, настоящее и будущее, — сказал феномен, поглядев на Уляницкого, и затем сказал долгоусому: — Подойди к этому пану... Он хочет положить монету бедному феномену, который знает прошедшее каждого человека лучше, чем пять пальцев своей правой руки...

И все мы с удивлением увидели, как пан Уляницкий с замешательством стал шарить у себя в боковом кармане. Он вынул медную монету, подержал её в тонких, слегка дрожавших пальцах с огромными ногтями и... всё-таки опустил её в шляпу.

— Теперь продолжай, — сказал феномен своему провожатому.

Долгоусый занял своё место и продолжал:

— Я вожу моего бедного родственника в тележке потому, что ходить ему очень трудно. Бедный Ян, дай я тебя подыму...

Правообладатель Академия образования

Он помог феномену подняться. Калека стоял с трудом, — огромная голова подавляла это тело карлика. На лице виднелось страдание, тонкие ноги дрожали. Он быстро опустился опять в свою тележку.

— Однако он может передвигаться и сам.

Колёса тележки вдруг пришли в движение, дворня с криком расступилась; странное существо, перебирая по земле ногами и ещё более походя на паука, сделало большой круг и опять остановилось против крыльца. Феномен побледнел от усилия, и я видел теперь только два огромных глаза, глядевших на меня с тележки...

— Ногами он чешет у себя за спиной и даже совершает свой туалет.

Он подал феномену гребёнку. Тот взял её ногой, проворно расчесал широкую бороду и, опять поискавши глазами в толпе, послал ногой воздушный поцелуй экономке домовладелицы, сидевшей у окна большого дома с несколькими «комнатными барышнями». Из окна послышался визг, Павел фыркнул и опять получил тумака.

— Наконец, господа, ногою он крестится.

Он сам скинул с феномена фуражку. Толпа затихла. Калека поднял глаза к небу, на мгновение лицо его застыло в странном выражении. Напряжённая тишина ещё усилилась, пока феномен с видимым трудом поднимал ногу ко лбу, потом к плечам и груди. В задних рядах послышался почти истерический женский плач. Между тем феномен кончил, глаза его ещё злее прежнего обежали по лицам публики, и в тишине резко прозвучал усталый голос:

— Обойди!

На этот раз долгоусый обратился прямо к рядам простой публики. Вздыхая, порой крестясь, кой-где со слезами, простые люди подавали свои крохи, кучера заворачивали полы кафтанов, кухарки наскоро сбегали по кухням и, проталкиваясь к тележке, совали туда свои подаяния. На лестнице преобладало тяжёлое, не совсем одобрительное молчание. Впоследствии я замечал много раз, что простые сердца менее чутки к кощунству, хотя бы только слегка прикрытому обрядом.

— Пан доктор?.. — вопросительно протянул феномен, но, видя, что Дударев только насупился, он направил долгоусого к Уляницкому и напряжённо, с какой-то злостью следил за тем, как Уляницкий, видимо, против воли, положил ещё монету.

— Извините, — повернулся вдруг феномен к моей матери... — Человек кормится, как может.

В его голосе была какая-то особенная, жалкая нота. Доктор вдруг выпустил бесконечную струйку синего дыма и, вынув серебряную монету, кинул её на мостовую. Феномен поднял её, поднёс ко рту и сказал:

— Пан доктор, я отдам это первому бедняку, которого встречу... Поверьте слову Яна Залуского. Ну, что же ты стал, продолжай, — накинулся он вдруг на своего долгоусого провожатого.

Впечатление этой сцены ещё некоторое время держалось в толпе, пока феномен принимал ногами пищу, снимал с себя куртку и вдевал нитку в иглу.

— Наконец, уважаемые господа, — провозгласил долгоусый торжественно, — ногами он подписывает своё имя и фамилию.

— И пишу поучительные афоризмы, — живо подхватил феномен. — Пишу поучительные афоризмы всем вообще или каждому желающему порознь, ногами, за особую плату, для душевной пользы и утешения. Если угодно, уважаемые господа. Ну, Матвей, доставай канцелярию.

Долгоусый достал из сумки небольшую папку, феномен взял ногой перо и легко написал на бумаге свою фамилию:

«Ян Криштоф Залуский, шляхтич-феномен из Заславского повета».

— А теперь, — сказал он, насмешливо поворачивая голову, — кому угодно получить афоризм?!.. Поучительный афоризм, уважаемые господа, от человека, знающего настоящее, прошедшее и будущее.

Острый взгляд феномена пробежал по всем лицам, останавливаясь то на одном, то на другом, точно гвоздь, который он собирался забить глубоко в того, на ком остановится его выбор. Я никогда не забуду этой немой сцены. Урод сидел в своей тележке, держа гусиное перо в приподнятой правой ноге, как человек, ожидающий вдохновения. Было что-то цинически карикатурное во всей его фигуре и позе, в саркастическом взгляде, как будто искавшем в толпе свою жертву. Среди простой публики взгляд этот вызывал тупое смятение, женщины прятались друг за друга, то смеясь, то как будто плача. Пан Уляницкий, когда очередь дошла до него, растерянно улыбнулся и выразил готовность достать из кармана ещё монету. Долгоусый проворно подставил шляпу... Феномен обменялся взглядом с моим отцом, скользнул мимо Дударева, почтительно поклонился матери, и внезапно я почувствовал этот взгляд на себе...

— Подойди сюда, малец, — сказал он, — и ты тоже, — позвал он также брата.

Правообладатель Академия образования

Все взгляды обратились на нас с любопытством или сожалением. Мы рады были бы провалиться сквозь землю, но уйти было некуда; феномен пронизывал нас чёрными глазами, а отец смеялся.

— Ну, что ж, ступайте, — сказал он таким тоном, каким порой приказывал идти в тёмную комнату, чтобы отучить от суеверного страха.

И мы оба вышли с тем же чувством содрогания, с каким, исполняя приказ, входили в тёмную комнату... Маленькие и смущённые, мы остановились против тележки, под взглядом странного существа, смеявшегося нам навстречу. Мне казалось, что он сделает над нами что-то такое, от чего нам будет после стыдно всю жизнь, стыдно в гораздо большей степени, чем в ту минуту, когда мы слезали с забора под насмешливым взглядом Павла... Может быть, он расскажет... Но что же? Что-нибудь такое, что я сделаю в будущем, и все будут смотреть на меня с таким же содроганием, как несколько минут назад при виде его уродливой наготы... Глаза мои застилались слезами, и, точно сквозь туман, мне казалось, что лицо странного человека в тележке меняется, что он смотрит на меня умным, задумчивым и смягчённым взглядом, который становится всё мягче и всё страннее. Потом он быстро заскрипел пером, и его нога протянулась ко мне с белым листком, на котором чернела ровная, красивая строчка. Я взял листок и беспомощно оглянулся кругом.

— Прочитай, — сказал, улыбаясь, отец.

Я взглянул на отца, потом на мать, на лице которой виднелось несколько тревожное участие, и механически произнёс следующую фразу:

— Человек создан для счастья, как птица для полёта...

Я не сразу понял значение афоризма и только по благодарному взгляду, который мать кинула на феномена, понял, что всё кончилось для нас благополучно. И тотчас же опять раздался ещё более прежнего резкий голос феномена:

— Обойди!

Долгоусый грациозно кланялся и подставлял шляпу. На этот раз, я уверен, больше всех дала моя мать. Уляницкий эмансипировался[1] и только величественно повёл рукой, показывая, что он и без того был слишком великодушен. Последним кинул монету в шляпу мой отец.

— Хорошо сказано, — засмеялся он при этом, — только, кажется, это скорее парадокс, чем поучительный афоризм, который вы нам обещали.

---

[1] *Эмансипи́ровался* — здесь: признал равными права женщин и мужчин, т. е. отказался дать ещё денег.

— Счастливая мысль, — насмешливо подхватил феномен. — Это афоризм, но и парадокс вместе. Афоризм сам по себе, парадокс в устах феномена... Ха-ха! Это правда... Феномен тоже человек, и он менее всего создан для полёта...

Он остановился, в глазах его мелькнуло что-то странное, — они как будто затуманились...

— И для счастья тоже... — прибавил он тише, как будто про себя. Но тотчас же взгляд его сверкнул опять холодным открытым цинизмом. — Га! — сказал он громко, обращаясь к долгоусому. — Делать нечего, Матвей, обойди почтенную публику ещё раз.

Долгоусый, успевший надеть свою шляпу и считавший, по-видимому, представление законченным, опять замялся. По-видимому, несмотря на сильно помятую фигуру и физиономию, не внушавшую ни симпатии, ни уважения, в этом человеке сохранялась доля застенчивости. Он нерешительно смотрел на феномена.

— Ты глуп! — сказал тот жёстко. — Мы получили с уважаемых господ за афоризм, а тут оказался ещё парадокс... Надо получить и за парадокс... За парадокс, почтенные господа!.. За парадокс бедному шляхтичу-феномену, который кормит ногами многочисленное семейство...

Шляпа обошла ещё раз по крыльцу и по двору, который к тому времени наполнился публикой чуть не со всего переулка.

1. Кто вышел посмотреть на феномена? Что в характере каждого из этих людей отмечает автор? Кого из них выделяют дети?
2. Соберите «досье» на феномена: ФИО, социальный статус, возраст, особенности физического состояния, речь, способности.
3. Почему описание пана Уляницкого дано сразу после знакомства читателя с феноменом? Сравните пана Уляницкого и Яна Залуского. Докажите, что они оба феномены.
4. Выберите цитаты, характеризующие взгляд и глаза феномена, его голос; заполните таблицу. Как они меняются по ходу представления? Что в характере феномена они показывают?

Момент представления	Глаза (взгляд)	Голос

5. Почему для своего последнего фокуса феномен выбрал детей, а перед тем, как вручить им афоризм, обменялся взглядом с их отцом?
6. Как вы понимаете афоризм феномена? В чём заключается его парадокс? Докажите, что феномен писал свой афоризм не для щедрого вознаграждения.

Правообладатель Академия образования

IV

После обеда я стоял на крыльце, когда ко мне подошёл брат.

— Знаешь что, — сказал он, — этот... феномен... ещё здесь.

— Где?

— В людской. Мама позвала их обоих обедать... И долгоусый тоже. Он его кормит с ложки...

В эту самую минуту из-за угла нашего дома показалась худощавая и длинная фигура долгоусого. Он шёл, наклонясь, с руками назади, и тащил за собою тележку, в которой сидел феномен, подобравши ноги. Проезжая мимо флигелька, где жил военный доктор, он серьёзно поклонился по направлению к окну, из которого попыхивал по временам синий дымок докторской трубки, и сказал долгоусому: «Ну, ну, скорее!» Около низких окон Уляницкого, занавешенных и уставленных геранью, он вдруг зашевелился и крикнул:

— До свиданья, благодетель... Я знаю прошедшее, настоящее и будущее, как пять пальцев моей правой руки... которой у меня, впрочем, нет... ха-ха! Которой у меня нет, милостивый мой благодетель... Но это не мешает мне знать прошедшее, настоящее и будущее!

Затем тележка выкатилась за ворота...

Как будто сговорившись, мы с братом бегом обогнули флигель и вышли на небольшой задний дворик за домами. Переулок, обогнув большой дом, подходил к этому месту, и мы могли здесь ещё раз увидеть феномена. Действительно, через полминуты в переулке показалась долговязая фигура, тащившая тележку. Феномен сидел опустившись. Лицо у него казалось усталым, но было теперь проще, будничнее и приятнее.

С другой стороны, навстречу, в переулок вошёл старый нищий с девочкой лет восьми. Долгоусый кинул на нищего взгляд, в котором на мгновение отразилось беспокойство, но тотчас же он принял беззаботный вид, стал беспечно глядеть по верхам и даже как-то некстати и фальшиво затянул вполголоса песню. Феномен наблюдал все эти наивные эволюции товарища, и глаза его искрились саркастической усмешкой.

— Матвей! — окликнул он, но так тихо, что долгоусый только прибавил шагу.

— Матвей!

Долгоусый остановился, посмотрел на феномена и как-то просительно произнёс:

— А! Ей-богу, глупство!..

— Доставай, — кратко сказал феномен.

— Ну!

— Доставай.

— Ну-у? — совсем жалобно протянул долгоусый, однако полез в карман.

— Не там, — сказал холодно феномен. — Сороковец доктора у тебя в правом кармане... Дедушка, постой на минуту.

Нищий остановился, снял шляпу и уставился в него своими выцветшими глазами. Долгоусый, с видом человека, смертельно оскорблённого, достал серебряную монету и кинул в шляпу старика.

— Дьявол вас тут носит, дармоедов, — пробормотал он, принимаясь опять за дышло. Нищий кланялся, держа шляпу в обеих руках. Феномен захохотал, откинув голову назад... Тележка двинулась по переулку, приближаясь к нам.

— А ты сегодня в добром гуморе[1], — угрюмо и язвительно сказал долгоусый.

— А что? — с любопытством сказал феномен.

— Так... пишешь приятные афоризмы и раздаёшь голодранцам по сороковцу... Какой, подумают люди, счастливец!

Феномен захохотал своим резким смехом, от которого у меня что-то прошло по спине, и потом сказал:

— Ха! Надо себе позволить иногда... притом же ничего не потеряли... Ты видишь, и приятные афоризмы иногда делают сбор. У тебя две руки, но твоя голова ничего не стоит, бедный Матвей!.. Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него. Понял? У людей бывают и головы, и руки. Только мне забыли приклеить руки,

[1] *Гумо́р* — настроение.

Правообладатель Академия образования

а тебе по ошибке поставили на плечи пустую тыкву... Ха! Это неприятно для нас, однако не изменяет общего правила...

Под конец этой речи неприятные ноты в голосе феномена исчезли, и в лице появилось то самое выражение, с каким он писал для меня афоризм. Но в эту минуту тележка поравнялась с тем местом, где мы стояли с братом, держась руками за балясины палисадника и уткнув лица в просветы. Заметив нас, феномен опять захохотал неприятным смехом.

— А! Лоботрясы! Пришли ещё раз взглянуть на феномена бесплатно? Вот я вас тут! У меня есть такие же племянники, я кормлю и секу их ногами... Не хотите ли попробовать?.. Это очень интересно. Ха-ха-ха! Ну, бог с вами, не трону... Человек создан для счастья. Афоризм и парадокс вместе, за двойную плату... Кланяйтесь доктору от феномена и скажите, что человеку надо кормиться не тем, так другим, а это трудно, когда природа забыла приклеить руки к плечам... А у меня есть племянники, настоящие, с руками... Ну, прощайте и помните: человек создан для счастья...

Тележка покатилась, но уже в конце переулка феномен ещё раз повернулся к нам, кивнул головой кверху, на птицу, кружившуюся высоко в небе, и крикнул ещё раз:

— Создан для счастья. Да, создан для счастья, как птица для полёта.

Затем он исчез за углом, а мы с братом долго ещё стояли, с лицами между балясин, и смотрели то на пустой переулок, то на небо, где, широко раскинув крылья, в высокой синеве, в небесном просторе, вся залитая солнцем, продолжала кружиться и парить большая птица...

А потом мы пошли опять в свой угол, добыли удочки и принялись было в молчании поджидать серебристую рыбу в загнившей бадье...

Но теперь это почему-то не доставляло нам прежнего удовольствия. От бадьи несло вонью, её глубина потеряла свою заманчивую таинственность, куча мусора, как-то скучно освещённая солнцем, как бы распалась на свои составные части, а кузов казался дрянной старой рухлядью. Ночью оба мы спали плохо, вскрикивали и плакали без причины. Впрочем, причина была: в дремоте обоим нам являлось лицо феномена и его глаза, то холодные и циничные, то подёрнутые внутренней болью...

Мать вставала и крестила нас, стараясь этим защитить своих детей от первого противоречия жизни, острой занозой вонзившегося в детские сердца и умы...

1894 г.

1. Почему Ян Залуский устраивает подобные представления? Почему он отдал монету нищему? Почему именно ту монету, которую получил от доктора Дударева?
2. Какой ещё афоризм произносит феномен? Как вы его понимаете? Сравните оба афоризма. Как они помогают понять смысл жизни Яна Залуского?
3. Как изменилась жизнь мальчиков после представления? Почему встреча с человеком, имеющим особенности физического развития, разрушила их фантастический мирок?
4. Какая роль в истории с феноменом отводится матери мальчиков?
5. Вспомните, что такое очерк и в чём его отличие от такого жанра, как рассказ. Почему своей истории Короленко придал форму очерка?
6. Выпишите из текста слова, которые оставили след в душах главных героев. Дайте им толкование. Как эти слова связаны с героями очерка и проблемами, которые автор поднял в произведении?
7. Какой урок преподал феномен всем, в первую очередь — детям?
8. В чём видит смысл человеческой жизни Короленко?

Особенности композиции очерка

Композиция — построение произведения, последовательность и соотношение отдельных частей в нём.

Композиционно очерк «Парадокс» разделён на 4 части. Действие в каждой из них разворачивается последовательно, время течёт линейно. Вторая и третья части повествуют об одном эпизоде из жизни мальчиков, а четвёртая — о том, как он повлиял на мироощущение детей. Нетрудно заметить, что очерк начинается и заканчивается описанием «уголка» детей и их занятий. Однако ощущения, которые они вызывают у мальчиков до и после встречи с феноменом, прямо противоположные. Очарование детских игр было разрушено столкновением с «суровой реальностью» — встречей с инвалидом Яном Залуским, который «кормит» своих здоровых племянников, показывая «представления» на улице. Он, как и многие другие герои произведений В. Г. Короленко, борец. Но его подвиг не в том, чтобы спасать кого-то или сражаться на баррикадах. Его героизм в том, что он ежедневно борется со своим физическим недугом и не теряет веры в людей и будущее. Возвращая мальчиков в финале очерка к прежним играм, В. Г. Короленко словно подтверждает, что человек должен меняться, расти не только физически, но и духовно. Только так он сможет стать *личностью*.

1. Почему исследователи говорят о сходстве очерка «Парадокс» с притчей?

Правообладатель Академия образования

Максим ГОРЬКИЙ

1868—1936

> Человек — это звучит гордо!
> *М. Горький*

Максим Горький говорил о себе: «Телом я родился в Нижнем Новгороде, духовно — в Казани, а как писатель — в Самаре». Первый рассказ «Макар Чудра» был напечатан еще в сентябре 1892 г. в Тифлисе, тогда же Алексей Максимович Пешкóв взял литературный псевдоним — Максим Горький. Но именно 15 месяцев жизни и работы в Самаре окончательно подтвердили, что в России появился новый талантливый писатель. В самарских газетах Горький печатает стихотворения, фельетоны, театральные рецензии и рассказы. Увидевшие здесь свет «Песня о Соколе» (1894), «Старуха Изергиль» (1895) и другие произведения имеют ярко выраженные черты романтизма.

1. С какими регионами России была связана жизнь Максима Горького?
2. Перечислите первые произведения писателя Горького. Где и когда они были опубликованы?

В 1886 г. в Нижнем Новгороде познакомились Максим Горький и Адам Богданович — отец известного белорусского поэта Максима Богдановича. Русский писатель и белорусский этнограф дружили, сохранилась их переписка. Горький знал М. Богдановича с детства, давал советы начинающему поэту, а после его смерти помог отцу собрать и сохранить архив о сыне.

ПОНЯТИЕ О РОМАНТИЧЕСКОМ ПАФОСЕ

Романтический пафос (от греч. *pathos* — страсть, воодушевление) — эмоциональный подъём, вызванный пониманием того, что мир можно приблизить к идеалу; обычно связан с изображением романтических героев.

Романтический пафос ранних рассказов М. Горький определил сам: «Героическое дело требует героического слова»; «Настало время

нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого... чтобы не было похоже на жизнь, а было выше её, лучше, красивее»; романтические образы призваны «запечатлевать в красках, словах, звуках, форме то, что есть в человеке наилучшего, красивого, честного, благородного».

1. Опираясь на слова М. Горького, объясните, что такое романтический пафос.
2. Подумайте, какие жизненные обстоятельства могут вызвать у писателя (читателя) потребность в обращении к романтическим образам и пафосу.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ

(В сокращении)

I

Я слышал эти рассказы под Аккерманом[1], в Бессарабии[2], на морском берегу.

Однажды вечером, кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря, а я и старуха Изергиль остались под густой тенью виноградных лоз и, лёжа на земле, молчали, глядя, как тают в голубой мгле ночи силуэты тех людей, что пошли к морю. <...>

— Смотри, вон идёт Ларра!

Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрей и ниже сестёр, — она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они.

— Никого нет там! — сказал я.

— Ты слеп больше меня, старухи. Смотри — вон, тёмный, бежит степью!

Я посмотрел ещё и снова не видел ничего, кроме тени.

— Это тень! Почему ты зовёшь её Ларра?

— Потому что это — он. Он уже стал теперь как тень, — пора! Он живёт тысячи лет, солнце высушило его тело, кровь и кости, и ветер

---

[1] *Аккерма́н* — город в Одесской области на юге Украины.

[2] *Бессара́бия* — область между реками Днестр, Прут и низовьями Дуная (ныне основная часть территории Молдовы и южная часть Одесской области Украины).

Правообладатель Академия образования

С. А. Сорин.
Старуха Изергиль

распылил их. Вот что может сделать Бог с человеком за гордость!..

— Расскажи мне, как это было! — попросил я старуху, чувствуя впереди одну из славных сказок, сложенных в степях.

И она рассказала мне эту сказку.

«Многие тысячи лет прошли с той поры, когда случилось это. Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране каждый древесный лист и стебель травы даёт столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там.

Вот какая щедрая земля в той стране!

Там жило могучее племя людей, они пасли стада и на охоту за зверями тратили свою силу и мужество, пировали после охоты, пели песни и играли с девушками.

Однажды, во время пира, одну из них, черноволосую и нежную, как ночь, унёс орёл, спустившись с неба. Стрелы, пущенные в него мужчинами, упали, жалкие, обратно на землю. Тогда пошли искать девушку, но — не нашли её. И забыли о ней, как забывают обо всём на земле».

Старуха вздохнула и замолчала. Её скрипучий голос звучал так, как будто это роптали все забытые века, воплотившись в её груди тенями воспоминаний. Море тихо вторило началу одной из древних легенд, которые, может быть, создались на его берегах.

«Но через двадцать лет она сама пришла, измученная, иссохшая, а с нею был юноша, красивый и сильный, как сама она двадцать лет назад. И когда её спросили, где была она, она рассказала, что орёл унёс её в горы и жил с нею там, как с женой. Вот его сын, а отца нет уже; когда он стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, насмерть разбился о них...

Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их, и они, назвав его неоперённой стрелой с неотточен-

ным наконечником, сказали ему, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и тысячи вдвое старше его. А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше; и если все чтут их — он не хочет делать этого. О!.. Тогда уже совсем рассердились они. Рассердились и сказали:

— Ему нет места среди нас! Пусть идёт куда хочет.

Он засмеялся и пошёл, куда захотелось ему, — к одной красивой девушке, которая пристально смотрела на него; пошёл к ней и, подойдя, обнял её. А она была дочь одного из старшин, осудивших его. И, хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его да и пошла прочь, а он ударил её и, когда она упала, встал ногой на её грудь, так, что из её уст кровь брызнула к небу, девушка, вздохнув, извилась змеёй и умерла.

Всех, кто видел это, оковал страх, — впервые при них так убивали женщину. И долго все молчали, глядя на неё, лежавшую с открытыми глазами и окровавленным ртом, и на него, который стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, — не опустил своей головы, как бы вызывая на неё кару. Потом, когда одумались, то схватили его, связали и так оставили, находя, что убить сейчас же — слишком просто и не удовлетворит их».

Ночь росла и крепла, наполняясь странными, тихими звуками. В степи печально посвистывали суслики, в листве винограда дрожал стеклянный стрекот кузнечиков, листва вздыхала и шепталась, полный диск луны, раньше кроваво-красный, бледнел, удаляясь от земли, бледнел и всё обильнее лил на степь голубоватую мглу...

«И вот они собрались, чтобы придумать казнь, достойную преступления... Хотели разорвать его лошадьми — и это казалось мало им; думали пустить в него всем по стреле, но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дым костра не позволил бы видеть его мучений; предлагали много — и не находили ничего настолько хорошего, чтобы понравилось всем. А его мать стояла перед ними на коленях и молчала, не находя ни слёз, ни слов, чтобы умолять о пощаде. Долго говорили они, и вот один мудрец сказал, подумав долго:

— Спросим его, почему он сделал это?

Спросили его об этом. Он сказал:

— Развяжите меня! Я не буду говорить связанный!

А когда развязали его, он спросил:

— Что вам нужно? — спросил так, точно они были рабы...

— Ты слышал... — сказал мудрец.

— Зачем я буду объяснять вам мои поступки?

Правообладатель Академия образования

— Чтоб быть понятым нами. Ты, гордый, слушай! Всё равно ты умрёшь ведь... Дай же нам понять то, что ты сделал. Мы остаёмся жить, и нам полезно знать больше, чем мы знаем...

— Хорошо, я скажу, хотя я, может быть, сам неверно понимаю то, что случилось. Я убил её потому, мне кажется, что меня оттолкнула она... А мне было нужно её.

— Но она не твоя! — сказали ему.

— Разве вы пользуетесь только своим? Я вижу, что каждый человек имеет только речь, руки и ноги... а владеет он животными, женщинами, землёй... и многим ещё...

Ему сказали на это, что за всё, что человек берёт, он платит собой: своим умом и силой, иногда — жизнью. А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым.

Долго говорили с ним и наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого.

Когда люди увидали это, они снова принялись судить о том, как наказать его. Но теперь недолго они говорили, — тот, мудрый, не мешавший им судить, заговорил сам:

— Стойте! Наказание есть. Это страшное наказание; вы не выдумаете такого в тысячу лет! Наказание ему — в нём самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!

И тут произошло великое. Грянул гром с небес, хотя на них не было туч. Это силы небесные подтверждали речь мудрого. Все поклонились и разошлись. А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон, — юноша громко смеялся вслед людям, которые бросили его, смеялся, оставаясь один, свободный, как отец его. Но отец его не был человеком... А этот был человек. И вот он стал жить, вольный, как птица. Он приходил в племя и похищал скот, девушек — всё, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары. Он был ловок, хищен, силён, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу. Только издали видели его. И долго он, одинокий, так вился около людей, долго — не один десяток годов. Но вот однажды он подошёл близко к людям и, когда они бросились на него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:

— Не троньте его. Он хочет умереть!

И все остановились, не желая облегчи́ть участь того, кто делал им зло, не желая убивать его. Остановились и смеялись над ним. А он дрожал, слыша этот смех, и всё искал чего-то на своей груди, хватаясь за неё руками. И вдруг он бросился на людей, подняв камень. Но они, уклоняясь от его ударов, не нанесли ему ни одного, и когда он, утомлённый, с тоскливым криком упал на землю, то отошли в сторону и наблюдали за ним. Вот он встал и, подняв потерянный кем-то в борьбе с ним нож, ударил им себя в грудь. Но сломался нож — точно в камень ударили им. И снова он упал на землю и долго бился головой об неё. Но земля отстранялась от него, углублялась от ударов его головы.

— Он не может умереть! — с радостью сказали люди.

И ушли, оставив его. Он лежал кверху лицом и видел — высоко в небе чёрными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. Так, с той поры остался он один, свободный, ожидая смерти. И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков — ничего. И всё ищет, ходит, ходит... Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражён человек за гордость!»

Старуха вздохнула, замолчала, и её голова, опустившись на грудь, несколько раз странно качнулась.

Я посмотрел на неё. Старуху одолевал сон, показалось мне. И стало почему-то страшно жалко её. Конец рассказа она вела таким возвышенным, угрожающим тоном, а всё-таки в этом тоне звучала боязливая, рабская нота.

На берегу запели, — странно запели. Сначала раздался контральто, — он пропел две-три ноты, и раздался другой голос, начавший песню сначала, а первый всё лился впереди его... — третий, четвёртый, пятый вступили в песню в том же порядке. И вдруг ту же песню, опять-таки сначала, запел хор мужских голосов.

Каждый голос женщины звучал совершенно отдельно, все они казались разноцветными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов, плавно лившуюся кверху, тонули в ней, вырывались из неё, заглушали её и снова один за другим взвивались, чистые и сильные, высоко вверх.

Шума волн не слышно было за голосами...

Правообладатель Академия образования

1. Отвечая на вопросы, размещённые ниже, заполните цитатами соответствующую графу в таблице «Сравнительная характеристика Ларры и Данко»:

Ларра	Критерий сравнения	Данко
	Происхождение	
	Общая оценка внешности	
	Глаза	
	Отношение к окружающим	
	Поступки	
	Отношение окружающих к герою	
	Жизненный финал	
	Символическое значение образа	

2. Перескажите историю появления на свет Ларры. Важна ли она для понимания его характера?
3. Какие детали внешности героя отмечает старуха Изергиль?
4. Что лежит в основе конфликта Ларры и людей? Как разрешается этот конфликт?
5. Объясните, почему наказанием для Ларры стали одиночество и бессмертие — то, к чему стремятся многие люди сознательно. Соответствует ли наказание проступку героя?

II

— Слышал ли ты, чтоб где-нибудь ещё так пели? — спросила Изергиль, поднимая голову и улыбаясь беззубым ртом.

— Не слыхал. Никогда не слыхал...

— И не услышишь. Мы любим петь. Только красавцы могут хорошо петь — красавцы, которые любят жить. Мы любим жить. Смотри-ка, разве не устали за день те, которые поют там? С восхода по закат работали, взошла луна, и уже — поют! Те, которые не умеют жить, легли бы спать. Те, которым жизнь мила, вот — поют.

— Но здоровье... — начал было я.

— Здоровья всегда хватит на жизнь. Здоровье! Разве ты, имея деньги, не тратил бы их? Здоровье — то же золото. Знаешь ты, что я делала, когда была молодой? Я ткала ковры с восхода по закат, не вставая почти. Я, как солнечный луч, живая была и вот должна была сидеть неподвижно, точно камень. И сидела до того, что, бывало, все

кости у меня трещат. А как придёт ночь, я бежала к тому, кого любила, целоваться с ним. И так я бегала три месяца, пока была любовь; все ночи этого времени бывала у него. И вот до какой поры дожила — хватило крови! А сколько любила! Сколько поцелуев взяла и дала!..

<...> С моря поднималась туча — чёрная, тяжёлая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С её вершины срывались клочья облаков, неслись вперед её и гасили звёзды одну за другой. Море шумело. Недалеко от нас, в лозах винограда, целовались, шептали и вздыхали. Глубоко в степи выла собака... Воздух раздражал нервы странным запахом, щекотавшим ноздри. От облаков падали на землю густые стаи теней и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... На месте луны осталось только мутное опаловое пятно, иногда его совсем закрывал сизый клочок облака. И в степной дали, теперь уже чёрной и страшной, как бы притаившейся, скрывшей в себе что-то, вспыхивали маленькие голубые огоньки. То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно несколько людей, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то, зажигая спички, которые ветер тотчас же гасил. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшие на что-то сказочное.

— Видишь ты искры? — спросила меня Изергиль.

— Вон те, голубые? — указывая ей на степь, сказал я.

— Голубые? Да, это они... Значит, летают всё-таки? Ну-ну... Я уж вот не вижу их больше. Не могу я теперь многого видеть.

— Откуда эти искры? — спросил я старуху.

Я слышал кое-что раньше о происхождении этих искр, но мне хотелось послушать, как расскажет о том же старая Изергиль.

— Эти искры от горящего сердца Данко. Было на свете сердце, которое однажды вспыхнуло огнём... И вот от него эти искры. Я расскажу тебе про это... Тоже старая сказка... Старое, всё старое! Видишь ты, сколько в старине всего?.. А теперь вот нет ничего такого — ни дел, ни людей, ни сказок таких, как в старину... Почему?.. Ну-ка, скажи! Не скажешь... Что ты знаешь? Что все вы знаете, молодые? Эхе-хе!.. Смотрели бы в старину зорко — там все отгадки найдутся... А вот вы не смотрите и не умеете жить оттого... Я не вижу разве жизнь? Ох, всё вижу, хоть и плохи мои глаза! И вижу я, что не живут люди, а всё примеряются, примеряются и кладут на это всю жизнь. И когда обворуют сами себя, истратив время, то начнут плакаться на судьбу.

Правообладатель Академия образования

Что же тут судьба? Каждый сам себе судьба! Всяких людей я нынче вижу, а вот сильных нет! Где ж они?.. И красавцев становится всё меньше.

Старуха задумалась о том, куда девались из жизни сильные и красивые люди, и, думая, осматривала тёмную степь, как бы ища в ней ответа.

Я ждал её рассказа и молчал, боясь, что, если спрошу её о чём-либо, она опять отвлечётся в сторону.

И вот она начала рассказ.

III

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперёд, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы[1], и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров

[1] *Заве́т* (высок.) — наставление, совет последователям, потомкам.

прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос её, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди.

«Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдём его сквозь, ведь имеет же он конец — всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они.

Тогда он повёл...»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где всё густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все

Правообладатель Академия образования

И. М. Тоидзе.
Легенда о Данко

ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытались остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гневе обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: “Веди!” — и я повёл! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

— Ты умрёшь! Ты умрёшь! — ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могуче-

го огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

— Идём! — крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

— Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжёг для людей своё сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на неё и думал: «Сколько

Правообладатель Академия образования

ещё сказок и воспоминаний осталось в её памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей всё крепче. Я прикрыл её старое тело и сам лёг на землю около неё. В степи было тихо и темно. По небу всё ползли тучи, медленно, скучно... Море шумело глухо и печально.

1895 г.

1. Используя слова и выражения из текста, расскажите о происхождении и внешнем облике Данко. Продолжите заполнение таблицы (см. с. 176), опираясь на это и следующие задания.
2. Проследите по тексту, как складываются отношения между Данко и толпой в пути. Объясните, почему люди «посмотрели на него и увидели, что он лучший из них».
3. Найдите в тексте ответ на вопрос, почему люди стали роптать на Данко и в «гневе обрушились» на него. Какие чувства испытывал Данко к людям?
4. Рассмотрите иллюстрации И. М. Тоидзе (с. 180) и К. В. Безбородова (см. форзац 2). Кто из художников, по вашему мнению, более точно изобразил Данко?
5. Распределитесь по четырём группам и оцените поступок, совершённый Данко, с позиции толпы (1-я группа), «осторожного человека» (2-я группа), рассказчика (3-я группа) и старухи Изергиль (4-я группа).
6. Сравните две легенды. Установите, чем они похожи и в чём их отличия. Какой художественный приём использовал Максим Горький для создания образов? В чём смысл противопоставления Ларры и Данко?
7. В какое время суток и где рассказчик услышал обе легенды? Могли ли быть рассказаны эти истории в другой обстановке? Докажите, что природа является действующим лицом в рассказе.
8. Какие образы-символы присутствуют в произведении? Составьте их список и дайте толкование каждому.
9. Как определяет жанр своих историй старуха Изергиль? Представьте себя литературоведом-критиком. Как бы вы определили жанр этих фрагментов? Докажите письменно своё мнение.
10. На какую библейскую историю похожа легенда о Данко? Сравните их, кратко сформулируйте сходства и различия между героями, сюжетом и идеей произведений.

Литература первой половины XX века

В начале XX века произошли события, существенным образом изменившие жизнь всего человечества (см. таблицу 5).

Таблица 5

Важнейшие научно-технические достижения и исторические события конца XIX — начала XX века

Сфера человеческой деятельности	Основные открытия/события
Физика	1895 г. — открытие рентгеновского излучения (Х-лучей) В. Рентгеном. 1896 г. — открыта радиоактивность. 1900 г. — М. Планк открыл кванты, с помощью которых А. Эйнштейн объяснил природу света. 1905 г. — А. Эйнштейн обосновал специальную теорию относительности
Астрономия	1903 г. — К. Циолковский заложил начало ракетодинамики
Техника	1897 г. — А. С. Попов передал первую в мире радиограмму. 1903 г. — братья Райт создали самолёт, его первый полёт продолжался 12 секунд. 1907 г. — Б. Л. Розинг запатентовал лучевую трубку — основной элемент телевизора. 1910 г. — А. Фишер запатентовал электрическую стиральную машину. 1912 г. — первый прыжок с парашютом с самолёта
География	1912 г. — А. Вегенер обосновал теорию дрейфа материков

Правообладатель Академия образования

Сфера человеческой деятельности	Основные открытия/события
Биология и медицина	1901 г. — К. Ландштейнер открыл I, II, III группы крови, стало возможным переливание крови человеку. 1922 г. — Ф. Бантинг выделил инсулин. 1929 г. — А. Флеминг выделил первый антибиотик — пенициллин
Исторические события	Русско-японская война (1904—1905). Первая русская революция (1905—1907). Февральская и Октябрьская революции 1917 г. в России. Первая мировая война (1914—1918). Гражданская война в России (1917—1922)

В искусстве возникают новые способы создания художественной действительности, формируется «новое искусство» — модернизм.

Модернизм (от лат. *modern* — новый, современный) — новое направление, сформировавшееся во всех видах искусства в конце XIX — начале XX века. Этим термином объединяется ряд течений в литературе, живописи, музыке: символизм, экспрессионизм, авангардизм и др.

Самыми видными представителями разных течений модернизма в русской литературе начала XX века были А. А. Блок, В. В. Маяковский, Б. Л. Пастернак, Н. С. Гумилёв, А. А. Ахматова и др. Их писательская деятельность была настолько плодотворной и новаторской, что исследователи, сопоставив по значимости в развитии литературы начало XX века с началом XIX века, назвали первые десятилетия нового тысячелетия Серебряным веком.

1. По материалам таблицы 5 подготовьте устное сообщение (презентацию). Подумайте, как открытия в науке могли повлиять на развитие искусства в начале XX века.
2. Рассмотрите форзац 2. Какие течения в живописи представляют размещённые на нём картины? Какие течения модернизма существовали и в живописи, и в литературе?
3. Кто из белорусских художников-модернистов входит в золотой фонд мирового искусства? Подготовьте небольшое сообщение-презентацию о творчестве одного из них.

Владимир Владимирович МАЯКОВСКИЙ

1893—1930

> Я поэт. Этим и интересен.
> Об этом и пишу.
>
> *В. В. Маяковский*

Поэт Б. Л. Пастернак так описывал В. В. Маяковского: «...красивый, мрачного вида юноша с басом протодиакона[1] и кулаком боксёра, неистощимо, убийственно остроумный, нечто среднее между мифическим героем Александра Грина и испанским тореадором[2]». Современники воспринимали Маяковского как литературного хулигана, но Максим Горький сразу разглядел тонкую, ранимую душу поэта: «Такой талантливый! Грубый? Это от застенчивости. Знаю по себе». Внимательный читатель за громкими необычными стихами, которые прошли сквозь столетие, почувствует трепетную «бабочку поэтиного сердца». В стихах В. В. Маяковский неоднократно подчёркивал своё одиночество, противопоставляя авторское «я» миру обывателей и злобной толпе.

1. Ознакомьтесь с автобиографией В. В. Маяковского «Я сам». Какие факты из жизни поэта вас поразили? Расскажите о них в классе.

В октябре 1919 года в Российское телеграфное агентство (РОСТА) приходит работать 25-летний поэт Маяковский. Два с половиной года он рисует агитационные плакаты, придумывает меткие подписи к ним, создавая оригинальный жанр плакатного искусства — «Окна сатиры РОСТА». Маяковский называл их «фантастической вещью». Газет и журналов было мало, поэтому плакаты «Окон РОСТА» заменяли их. Маяковский ежедневно рано утром, с рассветом, уезжал на дачном поезде в город, а возвращался поздно, когда солнце садилось. Эти впечатления отразились в «Необычайном приключении...» (1920).

---

[1] *Протодиа́кон* — священник, главный диакон в епархии при кафедральном соборе.

[2] *Тореадо́р* — участник боя быков в Испании.

Правообладатель Академия образования

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 вёрст по Ярославской жел. дор.)

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днём
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе всё поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь[1] задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;

[1] *Ретиру́юсь* — отступаю.

дух переведя,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чаи гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Чёрт дёрнул дерзости мои
орать ему, —
сконфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь[1]
струилась, —
и степенность[2]
забыв,
сижу, разговорясь
с светилом
постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела РОСТА,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй! —
А вот идёшь —
взялось идти,
идёшь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоясь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.

А. А. Дейнека.
Владимир Маяковский в РОСТА

[1] *Ясь* — здесь: ясность.
[2] *Степе́нность* — рассудительность, серьёзность.

Правообладатель Академия образования

А солнце тоже:
«Ты да я,
Нас, товарищ, двое!
Пойдём, поэт,
взорим,
вспоём
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить своё,
а ты — своё,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма —
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг — я

Ил. Д. Д. Бурлюка

во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

1920 г.

1. Что может удивить читателя в заглавии и подзаголовке стихотворения? Какими особенностями может обладать произведение с таким началом?
2. Составьте цитатный план стихотворения, определив в нём экспозицию, завязку, кульминацию и развязку. Перескажите кратко произведение.
3. Выпишите слова, отражающие изменение отношения поэта к солнцу до чаепития. Почему сначала используются резкие, грубые слова?
4. Можно ли считать разговор солнца с поэтом кульминацией стихотворения? Как чувствует себя поэт в удивительном соседстве? С помощью каких деталей фантастическая ситуация приобретает оттенок обыденности?
5. О чём говорят поэт и солнце? Почему они так легко нашли общий язык?
6. Какие художественные приёмы использовал поэт для создания образа солнца? Выпишите примеры олицетворения, гиперболы, метафоры, сравнения. Объясните их роль. Рассмотрите иллюстрации к стихотворению. Какая из них, на ваш взгляд, точнее передаёт образ солнца?
7. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения, учитывая информацию, размещённую ниже.

Сам Маяковский, читая это стихотворение со сцены, старался не повышать голоса, произносил слова и фразы, адресованные солнцу, спокойно, с едва заметным пренебрежением.

8. Определите, кто в стихотворении и почему сравнивает поэзию и солнце. В чём Маяковский видит свой общественный долг и как понимает предназначение поэзии?

9. Какой вам видится роль литературы (искусства) в современном белорусском обществе? Какие примеры из белорусской культурной жизни вы можете привести?

Однажды В. В. Маяковский стал свидетелем уличного происшествия, нередкого в голодающей Москве 1918 года: обессиленная лошадь упала на обледеневшую мостовую. В московском издании газеты «Новая жизнь» (№ 8 от 9 июня 1918 г.) было напечатано стихотворение В. В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям».

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта.
Пели будто:
— Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб. —

Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.
Лошадь на круп[1]
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким[2]
клёшить[3],
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
— Лошадь упала! —
— Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошёл
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течёт по-своему...
Подошёл и вижу —

[1] *Круп* — задняя часть туловища лошади.
[2] *Кузне́цкий* — здесь: улица Кузнецкий Мост в Москве.
[3] *Клёшить* — неологизм В. В. Маяковского, от слова «клёш»: расширенные книзу брюки, употреблено в значении «гулять».

Правообладатель Академия образования

за каплищей каплища
по морде катится,
прячется в шерсти...

И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть, — старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла[1],
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребёнок.
Пришла весёлая,
стала в стойло.
И всё ей казалось —
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

1918 г.

Ил. А. Г. Тышлера

1. О каком происшествии рассказано в стихотворении?
2. Какие художественные средства помогают передать стук копыт по мостовой? Найдите другие повторяющиеся согласные. Какие ещё звуки городской жизни присутствуют в стихотворении?

[1] *Пошла́* — краткая форма от прилагательного «по́шлый».

3. Почему дважды употреблено выражение «Подошёл и вижу...»? Что отличает лирического героя от толпы зевак? Что увидел он и почему этого не заметили другие?
4. Перечитайте слова, обращённые к лошади. Произносятся ли они вслух? Какими средствами создаётся интонация искреннего сочувствия лошади?
5. Как и почему изменилась лошадь в конце стихотворения? Почему упавшая лошадь ощутила себя рыжим жеребёнком?
6. Какие три смысловые части можно выделить в стихотворении? Какой образ в каждой из них будет ключевым? Обобщите свои наблюдения над стихотворением, заполнив таблицу:

Критерий для описания	«Лошадь упала»	«Глаза лошадиные»	«Лошадь пошла»
Ключевой образ			
Средства создания ключевого образа (с примерами)			
Эмоциональное наполнение образа			
Отношение к образу			

7. Рассмотрите иллюстрацию А. Г. Тышлера (с. 190). Какому эпизоду из стихотворения В. В. Маяковского она соответствует? Какие строки из текста можно использовать как заголовок к рисунку? Есть ли у поэта и художника что-то общее в использовании средств для создания образа лошади?
8. Письменно порассуждайте над словами В. В. Маяковского «...все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь». В какой жизненной ситуации правомерно подобное сопоставление?
9. Найдите и самостоятельно прочитайте произведения о лошадях других авторов (классиков и наших современников). Сравните их со стихотворением В. В. Маяковского по тематике, проблематике и (или) системе образов.

Правообладатель Академия образования

Средства выразительности и интонационно-ритмические особенности лирики В. В. Маяковского

Владимир Маяковский буквально ворвался в поэзию в начале XX века, сильно преобразив систему стихосложения. Его стихотворения отличает яркая образность. Он использовал необычные метафоры (улица «ветром опита, льдом обута», «ночей тюрьма под солнц двустволкой пала», «улица опрокинулась»), гиперболы («в сто сорок солнц закат пылал», «ввалилась солнца масса»). Поэт придумывал новые слова — *авторские неологизмы* («занежен в облака», «ясь струилась»), часто применяя в них увеличительные суффиксы («каплища», «шажище», «адище»). Стих поэта опирался на ритм, созданный не равномерным чередованием ударных и безударных слогов, а смысловым ударением и интонацией. Эту особенность ритма передавала знаменитая «*лесенка*» Маяковского — особое расположение слов в строке. Строка разрывалась на слове (и даже на его части), а её продолжение записывалось с новой строки. Количество слогов в строке утратило ритмообразующее значение.

Большое значение В. В. Маяковский придавал рифме. Неповторима оригинальность его рифм: «копыта» — «опита», «будто» — «обута», «за зевакой зевака» — «зазвенел и зазвякал», «лишь один я» — «лошадиные», «в вой ему» — «по-своему», «каплища» — «тоска плеща», «стойло» — «стоило». Даже в них, а также в самом строе стихотворной строки резко проявился разговорный характер стиха поэта.

1. Пользуясь материалами статьи учебного пособия, составьте схему «Особенности поэзии В. В. Маяковского». Подготовьте на основании её сообщение.
2. Что необычного в построении стихотворной строки? Для чего автор использовал форму «лесенки»? Какие ассоциации вызывает у вас звучание этих строк?
3. Коллективно создайте словарь авторских неологизмов В. В. Маяковского. В словарной статье объясните значение и способ образования неологизма, приведите фрагмент с неологизмом, укажите название произведения и год создания.

Тема Великой Отечественной войны в русской литературе

Великая Отечественная война (1941—1945) является для Республики Беларусь трагическим событием XX века. По сей день она считается самой разрушительной и кровопролитной в истории человечества. Именно поэтому о Великой Отечественной войне ещё долго будут писать.

Произведения о Великой Отечественной войне создавались по горячим следам. С 1941 по 1945 год А. Т. Твардовский по главам писал поэму «Василий Тёркин». Первая повесть о войне «Народ бессмертен» В. С. Гроссмана, пьесы «Русские люди» К. М. Симонова и «Фронт» А. Е. Корнейчука были опубликованы в 1942 году. Тогда же появилась поэма М. И. Алигер «Зоя» о подвиге Зои Космодемьянской, немного позже — «Февральский дневник» О. Ф. Берггольц о блокаде Ленинграда и др.

С начала войны появлялись стихотворения, ставшие популярными песнями, которые помогали переносить суровые испытания военного времени: «Землянка» А. А. Суркова, «Огонёк» и «В лесу прифронтовом» М. В. Исаковского, «Соловьи» А. И. Фатьянова, «Моя любимая» Е. А. Долматовского и др.

Стремясь укрепить боевой дух солдат и веру советских людей в победу, писатели уже в начале войны обратились к публицистике («Родина» А. Н. Толстого, «Слава России» и «Наша Москва» Л. М. Леонова, «Наука ненависти» М. А. Шолохова).

Все эти произведения объединяют глубокий патриотизм и стремление показать правду о войне, какой бы трагической и страшной она ни была. А главное — война изображалась как испытание на человечность. Писатели своими глазами видели, как ведёт себя человек

Правообладатель Академия образования

в экстремальной ситуации, что побуждает одних людей к подвигу и почему другие становятся предателями.

«Многие из нас будут сражаться с оружием в руках, а многие будут сражаться пером», — заявил в первые дни войны писатель А. А. Фадеев. Так и случилось. 24 июня 1941 года добровольцами ушли на фронт А. Т. Твардовский, Е. А. Долматовский и К. М. Симонов. Они стали военными корреспондентами, как и М. А. Шолохов, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, Б. Н. Полевой и сотни других.

Силу слова для борьбы с врагом использовали, создавая плакаты «Окна ТАСС», поэты С. Я. Маршак, Д. Бедный, В. И. Лебедев-Кумач, С. В. Михалков и другие. В литературу «из окопов» пришли пехотинец В. В. Быков, артиллерист Г. Я. Бакланов, миномётчик Ю. В. Бондарев, танкист А. Я. Яшин и другие.

1418 дней и ночей длилась Великая Отечественная война. Число её жертв до сих пор точно не определено. Но это огромная цифра. За период оккупации нацистскими захватчиками на территории Беларуси уничтожено более 3 млн мирных граждан и военнопленных; разрушено 209 городов, в том числе такие крупные, как Минск, Гомель, Витебск и другие; угнано в немецкое рабство более 380 тысяч человек, многие из которых погибли от невыносимых условий. Массовый характер носил и угон на принудительные работы детей, которых зачастую использовали в качестве доноров крови. Именно поэтому 22 июня является Днём всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа. Память о Великой Отечественной войне, о цене, которую советский народ заплатил за мир, объединяет людей и сегодня.

Известно, что в вооружённых силах во время Великой Отечественной войны находилось более 1000 писателей, как начинающих, так и известных, свыше 500 были отмечены государственными наградами, а 8 писателей удостоены звания Герой Советского Союза уже в военные годы.

1. Расскажите, каким образом поэты и писатели вносили свой вклад в общую победу над фашизмом.
2. Вспомните книги о Великой Отечественной войне, в том числе белорусских авторов, которые вы читали раньше. О каких эпизодах войны рассказывается в них? Кто их герои? Подумайте, что объединяет произведения разных авторов о Великой Отечественной войне.

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА

1889—1966

Родилась Анна Андреевна Ахматова (наст. фамилия — Горе́нко) под Одессой, в семье отставного флотского инженера-механика. Вскоре после рождения дочери родители переехали в Царское Село (под Петербургом). Там Анна росла и училась в гимназии. По семейным обстоятельствам заканчивать гимназию ей пришлось в Киеве.

Много испытаний выпало на долю Ахматовой. И смерть сестёр от чахотки, и гибель мужа — поэта Николая Гумилёва, и мучительные переживания за сына, и несправедливая критика. Две революции, две страшные войны. Суровое время не пощадило её нежную душу.

Любовь к Родине была её характернейшей чертой: Ахматова не уехала из России, хотя и имела такую возможность. И когда пришла большая беда — Великая Отечественная война, она вместе со своим народом боролась против самого страшного зла двадцатого века — фашизма. (По М. А. Дудину.)

В годы войны Анна Ахматова писала патриотические стихи, которые вошли в цикл «Ветер войны». Некоторые из них она читала по ленинградскому радио в самом начале войны. В июле 1941 г. именно по радио впервые прозвучала знаменитая «Клятва», прочитанная самой поэтессой. Осенью 1941 года тяжелобольная Анна Ахматова была эвакуирована из осаждённого Ленинграда в Москву, а потом — в Ташкент. Там после тяжёлой болезни она продолжила писать о войне.

1. Опираясь на материалы учебной статьи, расскажите, что отличало Анну Ахматову как человека и поэта.

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

1941 г.

Правообладатель Академия образования

1. К кому обращено стихотворение?
2. Объясните, почему это четверостишие оказывает большое эмоциональное воздействие.
3. Какие средства художественной выразительности помогают передать глубину патриотического чувства?

Поэтесса Ольга Берггольц, вспоминая Анну Ахматову в первые месяцы ленинградской блокады, писала: «С лицом, замкнутым в суровости и гневности, с противогазом через плечо, она несла дежурство как рядовой боец противопожарной обороны. Она шила мешки для песка, которыми обкладывали траншеи — убежища в саду того же Фонтанного дома, под клёном, воспетым ею в “Поэме без героя”».

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

1942 г.

1. Определите значение слова «мужество». Почему именно оно вынесено в заглавие произведения?
2. Дайте толкование первым двум строкам. Почему Ахматова употребляет местоимение «что»? Какой смысл вкладывается в это слово?
3. Найдите строки, в которых автор отмечает, на какие жертвы готов пойти народ. Насколько велики эти жертвы? Соразмерны ли они тому, что пытаются сохранить люди?
4. Почему в такой трагический период в истории Родины Ахматова писала о сохранении русской речи?
5. Определите стихотворный размер. Как он влияет на темп чтения и восприятие текста читателем (слушателем)?

Константин Михайлович СИМОНОВ

1915—1979

С первых дней войны Константин (наст. имя — Кирилл) Симонов был призван в армию как военный корреспондент газеты «Красная звезда», где и публиковались почти все его произведения военных лет. За 4 года Симонов побывал на всех фронтах, участвовал в обороне Могилёва в первые месяцы войны, воевал в Румынии, Болгарии, Югославии, Польше, Германии, был свидетелем последних боёв за Берлин. «О войне необходимо знать всё, — утверждал поэт. — Надо знать, и чем она была, с какой безмерной душевной тяжестью были связаны для нас дни отступлений и поражений, и каким безмерным счастьем для нас была Победа. Надо знать и о том, какие разрушения она принесла, оставив раны и в душах людей, и на теле земли, каких жертв нам стоила война».

По завещанию поэта его прах был развеян под Могилёвом — над Буйничским полем, где в июле 1941 года К. М. Симонов участвовал в ожесточённых боях. Сегодня на этом месте открыт мемориальный комплекс. В 2002 году его признали историко-культурной ценностью Беларуси.

Симоновский камень

Мемориальный комплекс «Буйничское поле»

Правообладатель Академия образования

В конце июля 1941 г. К. М. Симонов на неделю вернулся в Москву с Западного фронта. «За эти семь дней, — вспоминал поэт, — кроме фронтовых баллад для газеты, я вдруг за один присест написал “Жди меня”, “Майор привез мальчишку на лафете” и “Не сердитесь, к лучшему”. Я ночевал на даче у Льва Кассиля в Переделкине и утром остался там, никуда не поехал. Сидел на даче один и писал стихи. Кругом были высокие сосны, много земляники, зеленая трава. Был жаркий летний день. И тишина. На несколько часов даже захотелось забыть, что на свете есть война. Наверно, в тот день больше, чем в другие, я думал не столько о войне, сколько о своей собственной судьбе на ней. И вообще, война, когда писались эти стихи, уже предчувствовалась долгой». Стихотворение «Жди меня» отказались напечатать в «Красной звезде». Оно было опубликовано в «Правде» в январе 1942 г., где заняло целую полосу.

* * *

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941 г.

1. Стихотворение «Жди меня» было очень популярным в годы войны. Как вы думаете почему? В какие моменты жизни может вспомниться это стихотворение?
2. Каким вы увидели лирического героя? Какими словами можно описать его душевное состояние?

3. С помощью каких языковых средств автору удалось так ярко передать основную мысль? Найдите строки, посредством которых автор выражает надежду на то, что ничто не должно поколебать веру любимой.
4. В чём особенности звукового строя и рифмы стихотворения?
5. Выпишите слова, которые повторяются в стихотворении. Сколько раз и в каких фрагментах используется повтор? Объясните его значение.
6. Определите, какие части речи преобладают в стихотворении. Почему в любовном послании так много глаголов и местоимений?
7. Писатель Лев Кассиль — первый слушатель этого стихотворения — сказал Симонову, что оно очень похоже на заклинание. Согласны ли вы с мнением Кассиля? Аргументируйте свою точку зрения.
8. Стихотворение «Жди меня» Симонов посвятил Валентине Серовой — звезде советского кино тех лет, своей будущей жене. В 1943 году вышел одноимённый фильм, где эта актриса сыграла главную роль. Посмотрите фильм самостоятельно. Совпало ли ваше представление о женщине, которой посвящено стихотворение, с кинообразом?

Михаил Васильевич ИСАКОВСКИЙ

1900—1973

Со второй половины 1930-х годов М. В. Исаковский становится одним из самых популярных и любимых в народе поэтов-песенников. Из-за тяжёлой болезни глаз он не подлежал призыву в действующую армию. Во время войны жил в небольшом городе Чистополе (Татарстан). В судьбе Исаковского Великая Отечественная война оставила незаживающую рану. Его родная деревня Глотовка была оккупирована, отчий дом сожгли враги.

* * *

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог.

1. Есть ли ответы на вопросы, поставленные в строфе 1?

2. Какую символическую нагрузку имеет здесь перекрёсток двух дорог?

Правообладатель Академия образования

Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

1. Сравните построение первых двух строк в строфе 5. Что за приём и для чего использовал здесь поэт?

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

2. Перечитайте слова солдата, обращённые к жене. Почему в них звучит слово «не осуждай»?

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

3. Найдите в строфе 9 приложение. Как оно усиливает личную драму героя?

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

4. В строфе 9 появляются числительные — это вымышленные или реальные цифры? Можно ли их считать гиперболой?

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт[1].

1945 г.

1. Чья история рассказана в стихотворении? «Соберите» по стихотворению биографические сведения о лирическом герое. Расскажите, каким вы представляете себе солдата.
2. Опишите состояние лирического героя, используя наиболее яркие цитаты из текста. Обратите внимание на жесты и речь героя.
3. Проанализируйте звуковой строй стихотворения. Как он передаёт горе солдата?
4. Стихотворение было написано в год Победы. Почему для лирического героя война словно и не закончилась?

Сергей Сергеевич ОРЛОВ

1921—1977

Сергею Орлову было 19 лет, когда началась Великая Отечественная война. Поэт вступил в истребительный батальон народного ополчения, составленного из студентов-добровольцев. Через два месяца его направили в Челябинское танковое училище. В 1944 году горел в танке, при этом поэт, сам раненый, пытался спасти своего товарища, получившего более тяжёлое ранение. Жизнь поэту спасла медаль «За оборону Ленинграда», в которую попал осколок. Дальше сражаться Орлов не мог, был демобилизован по инвалидности, вернулся в Ленинград заканчивать учёбу в университете. В 1946 году вышел поэтический сборник С. Орлова «Третья скорость». Эта книга о фронтовиках, танкистах-однополчанах, а её название означает скорость, на которой шли в бой танки.

[1] Будапештская операция — наступление советских войск, проходившее с 29 октября 1944 года по 13 февраля 1945 года. Цель — освобождение Будапешта и вывод Венгрии из войны. За освобождение города Будапешта велись тяжёлые бои. В июне 1945 г. была учреждена медаль «За взятие Будапешта».

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

1944 г.

1. Найдите слова, имеющие книжную стилевую окраску, и определите их значение. Укажите слова с разговорной стилевой окраской. Почему в стихотворении соседствуют слова разных стилей?
2. Прочитайте первые две строки стихотворения и последние три. Почему они перекликаются, но не совпадают?
3. Почему стихотворение начинается с местоимения?
4. Как поэт оценивает смерть простого солдата, «без званий и наград»?
5. Какое значение в стихотворении имеет строчка «руками всех друзей»?

Выражение героического пафоса в произведении

Пафос (от греч. *pathos* — страдание, воодушевление, страсть) — это эмоциональное содержание художественного произведения, настрой и чувства, которые автор вкладывает в текст, ожидая вызвать их у читателя.

Пафос — это свойство всего произведения в целом. Он тесно связан с темой и основной мыслью (идеей), изображением персонажей, их поступков и переживаний, событий из их жизни, всем образным строем

произведения. В литературоведении выделяют несколько видов пафоса: героический, трагический, драматический, романтический и др.

Героический пафос изученных стихотворений о войне связан с выражением духовного единства народа. Герои этих произведений хотели спасти своих близких, остановить кровопролитие и отстоять свободу страны, которая давала им возможность мирно жить и трудиться.

1. Дайте определение понятию «пафос». Придумайте схему, которая показывает связь пафоса с другими элементами произведения.
2. Можно ли утверждать, что в произведении проявляется только один вид пафоса? Докажите свою точку зрения на примере любого из изученных произведений.

Михаил Александрович ШОЛОХОВ

1905—1984

М. А. Шолохов ушёл на войну в 1941 году, будучи очень известным писателем, автором «Донских рассказов», «Тихого Дона», «Поднятой целины». Он был военным корреспондентом, получил ранение. Все четыре военных года Шолохов писал репортажи для центральных газет, публицистические очерки. Тогда же он начал работу и над романом «Они сражались за Родину» (произведение осталось неоконченным). Писатель помогал не только творчеством: он передал Государственную премию, присуждённую за роман «Тихий Дон», в фонд обороны страны, приобрёл для фронта на собственные средства четыре ракетные установки.

Рассказ «Судьба человека» был написан в 1956—1957 гг. Сюжет его основан на реальных событиях: весной 1946 г. на охоте Шолохов встретил человека, который поведал ему историю своей жизни. Писателя так захватил этот сюжет, что он принял решение: «Напишу рассказ об этом, обязательно напишу!». Через 10 лет Шолохов за семь дней написал рассказ «Судьба человека».

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Евгении Григорьевне Левицкой,
члену КПСС[1] с 1903 года

Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая. В конце марта из Приазовья подули тёплые ветры, и уже через двое суток начисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога[2] и балки, взломав лёд, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны.

В эту недобрую пору бездорожья мне пришлось ехать в станицу Букановскую. И расстояние небольшое — всего лишь около шестидесяти километров, — но одолеть их оказалось не так-то просто. Мы с товарищем выехали до восхода солнца. Пара сытых лошадей, в струну натягивая постромки[3], еле тащила тяжёлую бричку. Колёса по самую ступицу проваливались в отсыревший, перемешанный со снегом и льдом песок, и через час на лошадиных боках и стёгнах[4], под тонкими ремнями шлеек, уже показались белые пышные хлопья мыла, а в утреннем свежем воздухе остро и пьяняще запахло лошадиным потом и согретым деготьком щедро смазанной конской сбруи.

Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички, шли пешком. Под сапогами хлюпал размокший снег, идти было тяжело, но по обочинам дороги всё ещё держался хрустально поблёскивавший на солнце ледок, и там пробираться было ещё труднее. Только часов через шесть покрыли расстояние в тридцать километров, подъехали к переправе через речку Еланку.

Небольшая, местами пересыхающая летом речушка против хутора Моховского в заболоченной, поросшей ольхами пойме разлилась на целый километр. Переправляться надо было на утлой плоскодонке, поднимавшей не больше трёх человек. Мы отпустили лошадей. На той стороне в колхозном сарае нас ожидал старенький, видавший виды «виллис»[5], оставленный там ещё зимою. Вдвоём с шофёром мы не без опасения сели в ветхую лодчонку. Товарищ с вещами остался на бере-

---

[1] *КПСС* — Коммунистическая партия Советского Союза.
[2] *Лог* — широкий и длинный овраг.
[3] *Постро́мка* — часть конской упряжи.
[4] *Стегно́* — бедро.
[5] *«Ви́ллис»* — армейский автомобиль повышенной проходимости.

гу. Едва отчалили, как из прогнившего днища в разных местах фонтанчиками забила вода. Подручными средствами конопатили ненадёжную посудину и вычерпывали из неё воду, пока не доехали. Через час мы были на той стороне Еланки. Шофёр пригнал из хутора машину, подошёл к лодке и сказал, берясь за весло:

— Если это проклятое корыто не развалится на воде, часа через два приедем, раньше не ждите.

Хутор раскинулся далеко в стороне, и возле причала стояла такая тишина, какая бывает в безлюдных местах только глухою осенью и в самом начале весны. От воды тянуло сыростью, терпкой горечью гниющей ольхи, а с дальних прихопёрских степей, тонувших в сиреневой дымке тумана, лёгкий ветерок нёс извечно юный, еле уловимый аромат недавно освободившейся из-под снега земли.

Неподалёку, на прибрежном песке, лежал поваленный плетень. Я присел на него, хотел закурить, но, сунув руку в правый карман ватной стёганки[1], к великому огорчению, обнаружил, что пачка «Беломора» совершенно размокла. Во время переправы волна хлестнула через борт низко сидевшей лодки, по пояс окатила меня мутной водой. Тогда мне некогда было думать о папиросах, надо было, бросив весло, побыстрее вычерпывать воду, чтобы лодка не затонула, а теперь, горько досадуя на свою оплошность, я бережно извлёк из кармана раскисшую пачку, присел на корточки и стал по одной раскладывать на плетне влажные, побуревшие папиросы.

Был полдень. Солнце светило горячо, как в мае. Я надеялся, что папиросы скоро высохнут. Солнце светило так горячо, что я уже пожалел о том, что надел в дорогу солдатские ватные штаны и стёганку. Это был первый после зимы по-настоящему тёплый день. Хорошо было сидеть на плетне вот так, одному, целиком покорясь тишине и одиночеству, и, сняв с головы старую солдатскую ушанку, сушить на ветерке мокрые после тяжёлой гребли волосы, бездумно следить за проплывающими в блёклой синеве белыми грудастыми облаками.

Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вёл за руку маленького мальчика, судя по росту — лет пяти-шести, не больше. Они устало брели по направлению к переправе, но, поравнявшись с машиной, повернули ко мне. Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушённым баском:

---

[1] *Стёганка* — телогрейка, стёганая куртка.

— Здорово, браток!

— Здравствуй, — я пожал протянутую мне большую чёрствую руку.

Мужчина наклонился к мальчику, сказал:

— Поздоровайся с дядей, сынок. Он, видать, такой же шофёр, как и твой папанька. Только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую машину гоняет.

Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс её, спросил:

— Что же это у тебя, старик, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?

С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивлённо приподнял белёсые бровки.

— Какой же я старик, дядя? Я вовсе мальчик, и я вовсе не замерзаю, а руки холодные — снежки катал потому что.

Сняв со спины тощий вещевой мешок, устало присаживаясь рядом со мною, отец сказал:

— Беда мне с этим пассажиром. Через него и я подбился. Широко шагнёшь — он уже на рысь переходит, вот и изволь к такому пехотинцу приноравливаться. Там, где мне надо раз шагнуть, — я три раза шагаю, так и идём с ним враздробь, как конь с черепахой. А тут ведь за ним глаз да глаз нужен. Чуть отвернёшься, а он уже по лужине бредёт или леденику отломит и сосёт вместо конфеты. Нет, не мужчинское это дело с такими пассажирами путешествовать, да ещё походным порядком. — Он помолчал немного, потом спросил: — А ты что же, браток, своё начальство ждёшь?

Мне было неудобно разуверять его в том, что я не шофёр, и я ответил:

— Приходится ждать.

— С той стороны подъедут?

— Да.

— Не знаешь, скоро ли подойдёт лодка?

— Часа через два.

— Порядком. Ну что ж, пока отдохнём, спешить мне некуда. А я иду мимо, гляжу: свой брат-шофёр загорает. Дай, думаю, зайду, перекурим вместе. Одному-то и курить, и помирать тошно. А ты богато живёшь, папироски куришь. Подмочил их, стало быть? Ну, брат, табак

мочёный что конь лечёный, никуда не годится. Давай-ка лучше моего крепачка закурим.

Он достал из кармана защитных летних штанов свёрнутый в трубку малиновый шёлковый потёртый кисет, развернул его, и я успел прочитать вышитую на уголке надпись: «Дорогому бойцу от ученицы 6-го класса Лебедянской средней школы».

Мы закурили крепчайшего самосада и долго молчали. Я хотел было спросить, куда он идёт с ребёнком, какая нужда его гонит в такую распутицу, но он опередил меня вопросом:

— Ты что же, всю войну за баранкой?

— Почти всю.

— На фронте?

— Да.

— Ну и мне там пришлось, браток, хлебнуть горюшка по ноздри и выше.

Он положил на колени большие тёмные руки, сгорбился. Я сбоку взглянул на него, и мне стало что-то не по себе... Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.

Выломав из плетня сухую искривлённую хворостинку, он с минуту молча водил ею по песку, вычерчивая какие-то замысловатые фигуры, а потом заговорил:

— Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила?» Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нету и не дождусь! — И вдруг спохватился: ласково подталкивая сынишку, сказал: — Пойди, милок, поиграйся возле воды, у большой воды для ребятишек всегда какая-нибудь добыча найдётся. Только, гляди, ноги не промочи!

Ещё когда мы в молчании курили, я, украдкой рассматривая отца и сынишку, с удивлением отметил про себя одно странное, на мой взгляд, обстоятельство. Мальчик был одет просто, но добротно: и в том, как сидела на нём подбитая лёгкой, поношенной цигейкой длиннополая курточка, и в том, что крохотные сапожки были сшиты с расчётом надевать их на шерстяной носок, и очень искусный шов на разорванном когда-то рукаве курточки — всё выдавало женскую заботу, умелые материнские руки. А отец выглядел иначе: прожжённый в нескольких

Ил. С. Трофимова

местах ватник был небрежно и грубо заштопан, латка на выношенных защитных штанах не пришита как следует, а, скорее, наживлена широкими, мужскими стежками; на нём были почти новые солдатские ботинки, но плотные шерстяные носки изъедены молью, их не коснулась женская рука... Ещё тогда я подумал: «Или вдовец, или живёт не в ладах с женой».

Но вот он, проводив глазами сынишку, глухо покашлял, снова заговорил, и я весь превратился в слух.

— Поначалу жизнь моя была обыкновенная. Так, я уроженец Воронежской губернии, с тысяча девятисотого года рождения. В Гражданскую войну был в Красной армии, в дивизии Киквидзе. В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестрёнкой дома померли от голода. Остался один. Родни — хоть шаром покати, — нигде никого, ни одной души. Ну, через год вернулся с Кубани, хатёнку продал, поехал в Воронеж. Поначалу работал в плотницкой артели[1], потом пошёл на завод, выучился на слесаря. Вскорости женился. Жена воспитывалась в детском доме. Сиротка. Хорошая попалась мне девка! Смирная, весёлая, угодливая и умница, не мне чета. Она с детства узнала, почём фунт лиха стоит, может, это и сказалось на её характере. Со стороны глядеть — не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны

[1] *Арте́ль* — добровольное объединение людей для выполнения какой-либо, часто временной, работы.

на неё глядел, а в упор. И не было для меня красивее и желанней её, не было на свете и не будет!

Придёшь с работы усталый, а иной раз и злой, как чёрт. Нет, на грубое слово она тебе не нагрубит в ответ. Ласковая, тихая, не знает, где тебя усадить, бьётся, чтобы и при малом достатке сладкий кусок тебе сготовить. Смотришь на неё и отходишь сердцем, а спустя немного обнимешь её, скажешь: «Прости, милая Иринка, нахамил я тебе. Понимаешь, с работой у меня нынче не заладилось». И опять у нас мир, и у меня покой на душе. А ты знаешь, браток, что это означает для работы? Утром я встаю как встрёпанный, иду на завод, и любая работа у меня в руках кипит и спорится! Вот что это означает — иметь умную жену-подругу.

Приходилось кое-когда после получки и выпивать с товарищами. Кое-когда бывало и так, что идёшь домой и такие кренделя ногами выписываешь, что со стороны, небось, глядеть страшно. Тесна тебе улица, да и шабаш, не говоря уже про переулки. Парень я был тогда здоровый и сильный, как дьявол, выпить мог много, а до дому всегда добирался на своих ногах. Но случалось иной раз и так, что последний перегон шёл на первой скорости, то есть на четвереньках, однако же добирался. И опять же ни тебе упрёка, ни крика, ни скандала. Только посмеивается моя Иринка, да и то осторожно, чтобы я спьяну не обиделся. Разует меня и шепчет: «Ложись к стенке, Андрюша, а то сонный упадёшь с кровати». Ну, я, как куль с овсом, упаду, и всё поплывёт перед глазами. Только слышу сквозь сон, что она по голове меня тихонько гладит рукою и шепчет что-то ласковое, жалеет, значит...

Утром она меня часа за два до работы на ноги подымет, чтобы я размялся. Знает, что на похмелье я ничего есть не буду, ну, достанет огурец солёный или ещё что-нибудь по лёгости, нальёт гранёный стаканчик водки. «Похмелись, Андрюша, только больше не надо, мой милый». Да разве же можно не оправдать такого доверия? Выпью, поблагодарю её без слов, одними глазами, поцелую и пошёл на работу как миленький. А скажи она мне, хмельному, слово поперёк, крикни или обругайся, и я бы, как бог свят, и на второй день напился. Так бывает в иных семьях, где жена дура; насмотрелся я на таких шалав, знаю.

Вскорости дети у нас пошли. Сначала сынишка родился, через год ещё две девочки... Тут я от товарищей откололся. Всю получку домой несу, семья стала числом порядочная, не до выпивки. В выходной кружку пива выпью и на этом ставлю точку.

В двадцать девятом году завлекли меня машины. Изучил автодело, сел за баранку на грузовой. Потом втянулся и уже не захотел возвращаться на завод. За рулём показалось мне веселее. Так и прожил десять лет и не заметил, как они прошли. Прошли как будто во сне. Да что десять лет! Спроси у любого пожилого человека — приметил он, как жизнь прожил? Ни черта он не приметил! Прошлое — вот как та дальняя степь в дымке. Утром я шёл по ней, всё было ясно кругом, а отшагал двадцать километров, и вот уже затянула степь дымка, и отсюда уже не отличишь лес от бурьяна, пашню от травокоса...

Работал я эти десять лет и день и ночь. Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже людей. И дети радовали: все трое учились на «отлично», а старшенький, Анатолий, оказался таким способным к математике, что про него даже в центральной газете писали. Откуда у него проявился такой огромадный талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю. Только очень мне это было лестно, и гордился я им, страсть как гордился!

За десять лет скопили мы немного деньжонок и перед войной поставили себе домишко об двух комнатах, с кладовкой и коридорчиком. Ирина купила двух коз. Чего ещё больше надо? Дети кашу едят с молоком, крыша над головою есть, одеты, обуты, стало быть, всё в порядке. Только построился я неловко. Отвели мне участок в шесть соток неподалёку от авиазавода. Будь моя хибарка в другом месте, может, и жизнь сложилась бы иначе...

А тут вот она, война. На второй день повестка из военкомата, а на третий — пожалуйте в эшелон. Провожали меня все четверо моих: Ирина, Анатолий и дочери — Настенька и Олюшка. Все ребята держались молодцом. Ну, у дочерей — не без того, посверкивали слезинки. Анатолий только плечами передёргивал, как от холода, ему к тому времени уже семнадцатый год шёл, а Ирина моя... Такой я её за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видал. Ночью у меня на плече и на груди рубаха от её слёз не просыхала, и утром такая же история... Пришли на вокзал, а я на неё от жалости глядеть не могу: губы от слёз распухли, волосы из-под платка выбились, и глаза мутные, несмы́сленные, как у тронутого умом человека. Командиры объявляют посадку, а она упала мне на грудь, руки на моей шее сцепила и вся дрожит, будто подрубленное дерево... И детишки её уговаривают, и я — ничего не помогает! Другие женщины с мужьями,

с сыновьями разговаривают, а моя прижалась ко мне, как лист к ветке, и только вся дрожит, а слова вымолвить не может. Я и говорю ей: «Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье». Она и говорит, и за каждым словом всхлипывает: «Родненький мой... Андрюша... не увидимся мы с тобой... больше... на этом... свете...»

Тут у самого от жалости к ней сердце на части разрывается, а тут она с такими словами. Должна бы понимать, что мне тоже нелегко с ними расставаться, не к тёще на блины собрался. Зло меня тут взяло! Силой я разнял её руки и легонько толкнул в плечи. Толкнул вроде легонько, а сила-то у меня была дурачья; она попятилась, шага три ступнула назад и опять ко мне идёт мелкими шажками, руки протягивает, а я кричу ей: «Да разве же так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!» Ну, опять обнял её, вижу, что она не в себе...

Он на полуслове резко оборвал рассказ, и в наступившей тишине я услышал, как у него что-то клокочет и булькает в горле. Чужое волнение передалось и мне. Искоса взглянул я на рассказчика, но ни единой слезинки не увидел в его словно бы мёртвых, потухших глазах. Он сидел, понуро склонив голову, только большие, безвольно опущенные руки мелко дрожали, дрожал подбородок, дрожали твёрдые губы...

— Не надо, друг, не вспоминай! — тихо проговорил я, но он, наверное, не слышал моих слов и, каким-то огромным усилием воли поборов волнение, вдруг сказал охрипшим, странно изменившимся голосом:

— До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прощу себе, что тогда её оттолкнул!..

Он снова и надолго замолчал. Пытался свернуть папиросу, но газетная бумага рвалась, табак сыпался на колени. Наконец он всё же кое-как сделал кручёнку, несколько раз жадно затянулся и, покашливая, продолжал:

— Оторвался я от Ирины, взял её лицо в ладони, целую, а у неё губы как лёд. С детишками попрощался, бегу к вагону, уже на ходу вскочил на подножку. Поезд взял с места тихо-тихо; проезжать мне — мимо своих. Гляжу, детишки мои осиротелые в кучку сбились, руками мне машут, хотят улыбаться, а оно не выходит. А Ирина прижала руки к груди; губы белые как мел, что-то она ими шепчет, смотрит на меня, не сморгнёт, а сама вся вперёд клонится, будто хочет шагнуть против

сильного ветра... Такой она и в памяти мне на всю жизнь осталась: руки, прижатые к груди, белые губы и широко раскрытые глаза, полные слёз... По большей части такой я её и во сне всегда вижу... Зачем я её тогда оттолкнул? Сердце до сих пор, как вспомню, будто тупым ножом режут...

Формировали нас под Белой Церковью, на Украине. Дали мне ЗИС-5. На нём и поехал на фронт. Ну, про войну тебе нечего рассказывать, сам видал и знаешь, как оно было поначалу. От своих письма получал часто, а сам крылатки[1] посылал редко. Бывало, напишешь, что, мол, всё в порядке, помаленьку воюем, и хотя сейчас отступаем, но скоро соберёмся с силами и тогда дадим фрицам прикурить. А что ещё можно было писать? Тошное время было, не до писаний было. Да и признаться, и сам я не охотник был на жалобных струнах играть и терпеть не мог этаких слюнявых, какие каждый день, к делу и не к делу, жёнам писали, сопли по бумаге размазывали. Трудно, дескать, ему, тяжело, того и гляди убьют. И вот он жалуется, сочувствия ищет, слюнявится, а того не хочет понять, что этим разнесчастным бабёнкам и детишкам не слаже нашего в тылу приходилось. Вся держава на них оперлась! Какие же это плечи нашим женщинам и детишкам надо было иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться? А вот не согнулись, выстояли! А такой хлюст, мокрая душонка, напишет жалостное письмо — и трудящую женщину, как рюхой под ноги. Она после этого письма, горемыка, и руки опустит, и работа ей не в работу. Нет! На то ты и мужчина, на то ты и солдат, чтобы всё вытерпеть, всё снести, если к этому нужда позвала. А если в тебе бабьей закваски больше, чем мужской, то надевай юбку со сборками, чтобы свой тощий зад прикрыть попышнее, чтобы хоть сзади на бабу был похож, и ступай свёклу полоть или коров доить, а на фронте ты такой не нужен, там и без тебя вони много!

Только не пришлось мне и года повоевать... Два раза за это время был ранен, но оба раза по лёгости: один раз — в мякоть руки, другой — в ногу; первый раз — пулей с самолёта, другой — осколком снаряда. Дырявил немец мою машину и сверху, и с боков, но мне, браток, везло на первых порах. Везло-везло да и довезло до самой ручки... Попал я в плен под Лозовеньками в мае сорок второго года при таком неловком случае: немец тогда здорово наступал, и оказалась одна наша

[1] *Крыла́тка* — здесь: письмо.

стодвадцатидвухмиллиметровая гаубичная батарея почти без снарядов; нагрузили мою машину снарядами по самую завязку, и сам я на погрузке работал так, что гимнастёрка к лопаткам прикипала. Надо было сильно спешить потому, что бой приближался к нам: слева чьи-то танки гремят, справа стрельба идёт, впереди стрельба, и уже начало попахивать жареным...

Командир нашей автороты спрашивает: «Проскочишь, Соколов?» А тут и спрашивать нечего было. Там товарищи мои, может, погибают, а я тут чухаться буду? «Какой разговор! — отвечаю ему. — Я должен проскочить, и баста!» — «Ну, — говорит, — дуй! Жми на всю железку!»

Я и подул. В жизни так не ездил, как на этот раз! Знал, что не картошку везу, что с этим грузом осторожность в езде нужна, но какая же тут может быть осторожность, когда там ребята с пустыми руками воюют, когда дорога вся насквозь артогнём простреливается. Пробежал километров шесть, скоро мне уже на просёлок сворачивать, чтобы пробраться к балке, где батарея стояла, а тут гляжу — мать честная — пехотка наша и справа, и слева от грейдера по чистому полю сыплет, и уже мины рвутся по их порядкам. Что мне делать? Не поворачивать же назад? Давлю вовсю! И до батареи остался какой-нибудь километр, уже свернул я на просёлок, а добраться до своих мне, браток, не пришлось... Видно, из дальнобойного тяжёлый положил он мне возле машины. Не слыхал я ни разрыва, ничего, только в голове будто что-то лопнуло, и больше ничего не помню. Как остался я живой тогда — не понимаю, и сколько времени пролежал метрах в восьми от кювета — не соображу. Очнулся, а встать на ноги не могу: голова у меня дёргается, всего трясёт, будто в лихорадке, в глазах темень, в левом плече что-то скрипит и похрустывает, и боль во всём теле такая, как, скажи, меня двое суток подряд били чем попадя. Долго я по земле на животе елозил, но кое-как встал. Однако опять же ничего не пойму, где я и что со мной стряслось. Память-то мне начисто отшибло. А обратно лечь боюсь. Боюсь, что ляжу и больше не встану, помру. Стою и качаюсь из стороны в сторону, как тополь в бурю.

Когда пришёл в себя, опомнился и огляделся как следует, — сердце будто кто-то плоскогубцами сжал: кругом снаряды валяются, какие я вёз, неподалёку моя машина, вся в клочья побитая, лежит вверх колесами, а бой-то, бой-то уже сзади меня идёт... Это как?

Нечего греха таить, вот тут-то у меня ноги сами собою подкосились, и я упал как срезанный, потому что понял, что я — в плену у фашистов. Вот как оно на войне бывает...

Ох, браток, нелёгкое это дело — понять, что ты не по своей воле в плену. Кто этого на своей шкуре не испытал, тому не сразу в душу въедешь, чтобы до него по-человечески дошло, что означает эта штука.

Ну вот, стало быть, лежу я и слышу: танки гремят. Четыре немецких средних танка на полном газу прошли мимо меня туда, откуда я со снарядами выехал... Каково это было переживать? Потом тягачи с пушками потянулись, полевая кухня проехала, потом пехота пошла, не густо, так, не больше одной битой роты. Погляжу, погляжу на них краем глаза и опять прижмусь щекой к земле, глаза закрою: тошно мне на них глядеть, и на сердце тошно...

Думал, все прошли, приподнял голову, а их шесть автоматчиков — вот они, шагают метрах в ста от меня. Гляжу, сворачивают с дороги и прямо ко мне. Идут молчаком. «Вот, — думаю, — и смерть моя на подходе». Я сел, неохота лёжа помирать, потом встал. Один из них, не доходя шагов нескольких, плечом дёрнул, автомат снял. И вот как потешно человек устроен: никакой паники, ни сердечной робости в эту минуту у меня не было. Только гляжу на него и думаю: «Сейчас даст он по мне короткую очередь, а куда будет бить? В голову или поперёк груди?» Как будто мне это не один чёрт, какое место он в моём теле прострочит.

Молодой парень, собою ладный такой, чернявый, а губы тонкие, в нитку, и глаза с прищуром. «Этот убьёт и не задумается», — соображаю про себя. Так оно и есть: вскинул автомат — я ему прямо в глаза гляжу, молчу, а другой, ефрейтор, что ли, постарше его возрастом, можно сказать пожилой, что-то крикнул, отодвинул его в сторону, подошёл ко мне, лопочет по-своему и правую руку мою в локте сгибает, мускул, значит, щупает. Попробовал и говорит: «О-о-о!» — и показывает на дорогу, на заход солнца. Топай, мол, рабочая скотинка, трудиться на наш райх. Хозяином оказался, сукин сын!

Но чернявый присмотрелся на мои сапоги, а они у меня с виду были добрые, показывает рукой: «Сымай». Сел я на землю, снял сапоги, подаю ему. Он их из рук у меня прямо-таки выхватил. Размотал я портянки, протягиваю ему, а сам гляжу на него снизу вверх. Но он заорал, заругался по-своему и опять за автомат хватается. Остальные ржут. С тем по-мирному и отошли. Только этот чернявый, пока дошёл

до дороги, раза три оглянулся на меня, глазами сверкает, как волчонок, злится, а чего? Будто я с него сапоги снял, а не он с меня.

Что ж, браток, деваться мне было некуда. Вышел я на дорогу, выругался страшным, кучерявым, воронежским матом и зашагал на запад, в плен!.. А ходок тогда из меня был никудышный, в час по километру, не больше. Ты хочешь вперёд шагнуть, а тебя из стороны в сторону качает, возит по дороге, как пьяного. Прошёл немного, и догоняет меня колонна наших пленных, из той же дивизии, в какой я был. Гонят их человек десять немецких автоматчиков. Тот, какой впереди колонны шёл, поравнялся со мною и, не говоря худого слова, наотмашь хлыстнул меня ручкой автомата по голове. Упади я, — и он пришил бы меня к земле очередью, но наши подхватили меня на лету, затолкали в средину и с полчаса вели под руки. А когда я очухался, один из них шепчет: «Боже тебя упаси падать! Иди из последних сил, а не то убьют». И я из последних сил, но пошёл.

Как только солнце село, немцы усилили конвой, на грузовой подкинули ещё человек двадцать автоматчиков, погнали нас ускоренным маршем. Сильно раненные наши не могли поспевать за остальными, и их пристреливали прямо на дороге. Двое попытались бежать, а того не учли, что в лунную ночь тебя в чистом поле чёрт-те насколько видно, ну, конечно, и этих постреляли. В полночь пришли мы в какое-то полусожжённое село. Ночевать загнали нас в церковь с разбитым куполом. На каменном полу — ни клочка соломы, а все мы без шинелей, в одних гимнастёрках и штанах, так что постелить и разу нечего. Кое на ком даже и гимнастёрок не было, одни бязевые исподние рубашки. В большинстве это были младшие командиры. Гимнастёрки они посымали, чтобы их от рядовых нельзя было отличить. И ещё артиллерийская прислуга была без гимнастёрок. Как работали возле орудий растелешённые, так и в плен попали. Ночью полил такой сильный дождь, что все мы промокли насквозь. Тут купол снесло тяжёлым снарядом или бомбой с самолёта, а тут крыша вся начисто побитая осколками, сухого места даже в алтаре не найдёшь. Так всю ночь и прослонялись мы в этой церкви, как овцы в тёмном котухе. Среди ночи слышу, кто-то трогает меня за руку, спрашивает: «Товарищ, ты не ранен?» Отвечаю ему: «А тебе что надо, браток?» Он и говорит: «Я военврач, может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?» Я пожаловался ему, что у меня левое плечо скрипит и пухнет и ужасно как болит. Он твёрдо так говорит: «Сымай гимнастёрку и нижнюю рубашку». Я снял всё это с себя, он

и начал руку в плече прощупывать своими тонкими пальцами, да так, что я света не взвидел. Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?» А он всё щупает и злобно так отвечает: «Твоё дело помалкивать! Тоже мне, разговорчики затеял. Держись, сейчас ещё больнее будет». Да с тем как дёрнет мою руку, аж красные искры у меня из глаз посыпались.

Опомнился я и спрашиваю: «Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука вдребезги разбитая, а ты её так рванул». Слышу, он засмеялся потихоньку и говорит: «Думал, что ты меня ударишь с правой, но ты, оказывается, смирный парень. А рука у тебя не разбита, а выбита была, вот я её на место и поставил. Ну, как теперь, полегче тебе?» И в самом деле, чувствую по себе, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его душевно, и он дальше пошёл в темноте, потихоньку спрашивает: «Раненые есть?» Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену, и в потёмках своё великое дело делал.

Беспокойная это была ночь. До ветру не пускали, об этом старший конвоя предупредил, ещё когда попарно загоняли нас в церковь. И, как на грех, приспичило одному богомольному из наших выйти по нужде. Крепился-крепился он, а потом заплакал. «Не могу, — говорит, — осквернять святой храм! Я же верующий, я христианин! Что мне делать, братцы?» А наши, знаешь, какой народ? Одни смеются, другие ругаются, третьи всякие шуточные советы ему дают. Развеселил он всех нас, а кончилась эта канитель очень даже плохо: начал он стучать в дверь и просить, чтобы его выпустили. Ну и допросился: дал фашист через дверь, во всю её ширину, длинную очередь и богомольца этого убил, и ещё трёх человек, а одного тяжело ранил, к утру он скончался.

Убитых сложили мы в одно место, присели все, притихли и призадумались: начало-то не очень весёлое... А немного погодя заговорили вполголоса, зашептались: кто откуда, какой области, как в плен попал; в темноте товарищи из одного взвода или знакомцы из одной роты порастерялись, начали один одного потихоньку окликать. И слышу я рядом с собой такой тихий разговор. Один говорит: «Если завтра, перед тем как гнать нас дальше, нас выстроят и будут выкликать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, взводный, не прячься! Из этого дела у тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастёрку снял, так за рядового сойдёшь? Не выйдет! Я за тебя отвечать не намерен. Я первый укажу на тебя! Я же знаю, что ты коммунист и меня

агитировал вступать в партию, вот и отвечай за свои дела». Это говорит ближний ко мне, какой рядом со мной сидит, слева, а с другой стороны от него чей-то молодой голос отвечает: «Я всегда подозревал, что ты, Крыжнёв, нехороший человек. Особенно когда ты отказался вступать в партию, ссылаясь на свою неграмотность. Но никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем. Ведь ты же окончил семилетку?» Тот лениво так отвечает своему взводному: «Ну, окончил, и что из этого?» Долго они молчали, потом, по голосу, взводный тихо так говорит: «Не выдавай меня, товарищ Крыжнёв». А тот засмеялся тихонько. «Товарищи, — говорит, — остались за линией фронта, а я тебе не товарищ, и ты меня не проси, всё равно укажу на тебя. Своя рубашка к телу ближе».

Замолчали они, а меня озноб колотит от такой подлючности. «Нет, — думаю, — не дам я тебе, сучьему сыну, выдать своего командира! Ты у меня из этой церкви не выйдешь, а вытянут тебя, как падлу, за ноги!» Чуть-чуть рассвело — вижу: рядом со мной лежит на спине мордатый парень, руки за голову закинул, а около него сидит в одной исподней рубашке, колени обнял, худенький такой, курносенький парнишка, и очень собою бледный. «Ну, — думаю, — не справится этот парнишка с таким толстым мерином. Придётся мне его кончать».

Тронул я его рукою, спрашиваю шёпотом: «Ты взводный?» Он ничего не ответил, только головою кивнул. «Этот хочет тебя выдать?» — показываю я на лежачего парня. Он обратно головою кивнул. «Ну, — говорю, — держи ему ноги, чтобы не брыкался! Да поживей!» — а сам упал на этого парня, и замерли мои пальцы у него на глотке. Он и крикнуть не успел. Подержал его под собой минут несколько, приподнялся. Готов предатель, и язык на боку!

До того мне стало нехорошо после этого и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же худее чужого, предатель. Встал и говорю взводному: «Пойдём отсюда, товарищ, церковь велика».

Как и говорил этот Крыжнёв, утром всех нас выстроили возле церкви, оцепили автоматчиками, и трое эсэсовских офицеров начали отбирать вредных им людей. Спросили, кто коммунисты, командиры, комиссары, но таковых не оказалось. Не оказалось и сволочи, какая могла бы выдать, потому что и коммунистов среди нас было чуть не половина, и командиры были, и само собою, и комиссары были. Только четырёх и взяли из двухсот с лишним человек. Одного еврея и трёх

русских рядовых. Русские попали в беду потому, что все трое были чернявые и с кучерявинкой в волосах. Вот подходят к такому, спрашивают: «Юде?» Он говорит, что русский, но его и слушать не хотят. «Выходи» — и всё.

Расстреляли этих бедолаг, а нас погнали дальше. Взводный, с каким мы предателя придушили, до самой Познани возле меня держался и в первый день нет-нет да и пожмёт мне руку. В Познани нас разлучили по одной такой причине.

Видишь, какое дело, браток, ещё с первого дня задумал я уходить к своим. Но уходить хотел наверняка. До самой Познани, где разместили нас в настоящем лагере, ни разу не предоставился мне подходящий случай. А в Познанском лагере вроде такой случай нашёлся: в конце мая послали нас в лесок возле лагеря рыть могилы для наших же умерших военнопленных, много тогда нашего брата мёрло от дизентерии; рою я познанскую глину, а сам посматриваю кругом и вот приметил, что двое наших охранников сели закусывать, а третий придремал на солнышке. Бросил я лопату и тихо пошёл за куст... А потом — бегом, держу прямо на восход солнца...

Видать, не скоро они спохватились, мои охранники. А вот откуда у меня, у такого тощалого, силы взялись, чтобы пройти за сутки почти сорок километров, — сам не знаю. Только ничего у меня не вышло из моего мечтания: на четвёртые сутки, когда я был уже далеко от проклятого лагеря, поймали меня. Собаки сыскные шли по моему следу, они меня и нашли в некошеном овсе. На заре побоялся я идти чистым полем, а до леса было не меньше трёх километров, я залёг в овсе на днёвку. Намял в ладонях зёрен, пожевал немного и в карманы насыпал про запас — и вот слышу собачий брех, и мотоцикл трещит... Оборвалось у меня сердце, потому что собаки всё ближе голоса подают. Лёг я плашмя и закрылся руками, чтобы они мне хоть лицо не обгрызли. Ну, добежали и в одну минуту спустили с меня всё моё рваньё. Остался в чём мать родила. Катали они меня по овсу, как хотели, и под конец один кобель стал мне на грудь передними лапами и целится в глотку, но пока ещё не трогает.

На двух мотоциклах подъехали немцы. Сначала сами били в полную волю, а потом натравили на меня собак, и с меня только кожа с мясом полетели клочьями. Голого, всего в крови и привезли в лагерь. Месяц отсидел в карцере за побег, но всё-таки живой... живой я остался!..

Тяжело мне, браток, вспоминать, а ещё тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену. Как вспомнишь нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как вспомнишь всех друзей-товарищей, какие погибли, замученные там, в лагерях, — сердце уже не в груди, а в глотке бьётся, и трудно становится дышать...

Куда меня только не гоняли за два года плена! Половину Германии объехал за это время: и в Саксонии был, на силикатном заводе работал, и в Рурской области на шахте уголёк откатывал, и в Баварии на земляных работах горб наживал, и в Тюрингии побыл, и чёрт-те где только не пришлось по немецкой земле походить. Природа везде там, браток, разная, но стреляли и били нашего брата везде одинаково. А били богом проклятые гады и паразиты так, как у нас сроду животину не бьют. И кулаками били, и ногами топтали, и резиновыми палками били, и всяческим железом, какое под руку попадётся, не говоря уже про винтовочные приклады и прочее дерево.

Били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет ещё смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнёшь, не так повернёшься. Били запросто, для того чтобы когда-нибудь да убить до смерти, чтобы захлебнулся своей последней кровью и подох от побоев. Печей-то, наверное, на всех нас не хватало в Германии.

И кормили везде, как есть, одинаково: полтораста грамм эрзац-хлеба пополам с опилками и жидкая баланда[1] из брюквы. Кипяток — где давали, а где нет. Да что там говорить, суди сам: до войны весил я восемьдесят шесть килограмм, а к осени тянул уже не больше пятидесяти. Одна кожа осталась на костях, да и кости-то свои носить было не под силу. А работу давай, и слова не скажи, да такую работу, что ломовой лошади и то не в пору.

В начале сентября из лагеря под городом Кюстрином перебросили нас, сто сорок два человека советских военнопленных, в лагерь Б-14, неподалёку от Дрездена. К тому времени в этом лагере было около двух тысяч наших. Все работали на каменном карьере, вручную долбили, резали, крошили немецкий камень. Норма — четыре кубометра в день на душу, заметь, на такую душу, какая и без этого чуть-чуть, на одной ниточке в теле держалась. Тут и началось: через два месяца от ста сорока двух человек нашего эшелона осталось нас пятьдесят семь. Это

[1] *Бала́нда* — здесь: очень жидкая, невкусная похлёбка.

как, браток? Лихо? Тут своих не успеваешь хоронить, а тут слух по лагерю идёт, будто немцы уже Сталинград взяли и прут дальше, на Сибирь. Одно горе к другому, да так гнут, что глаз от земли не подымаешь, вроде и ты туда, в чужую, немецкую землю, просишься. А лагерная охрана каждый день пьёт, песни горланят, радуются, ликуют.

И вот как-то вечером вернулись мы в барак с работы. Целый день дождь шёл, лохмотья на нас хоть выжми; все мы на холодном ветру продрогли как собаки, зуб на зуб не попадает. А обсушиться негде, согреться — то же самое, и к тому же голодные не то что до смерти, а даже ещё хуже. Но вечером нам еды не полагалось.

Снял я с себя мокрое рваньё, кинул на нары и говорю: «Им по четыре кубометра выработки надо, а на могилу каждому из нас и одного кубометра через глаза хватит». Только и сказал, но ведь нашёлся же из своих какой-то подлец, донёс коменданту лагеря про эти мои горькие слова.

Комендантом лагеря, или, по-ихнему, лагерфюрером, был у нас немец Мюллер. Невысокого роста, плотный, белобрысый и сам весь какой-то белый: и волосы на голове белые, и брови, и ресницы, даже глаза у него были белёсые, навыкате. По-русски говорил, как мы с тобой, да ещё на «о» налегал, будто коренной волжанин. А матершинничать был мастер ужасный. И где он, проклятый, только и учился этому ремеслу? Бывало, выстроит нас перед блоком — барак они так называли, — идёт перед строем со своей сворой эсэсовцев, правую руку держит на отлёте. Она у него в кожаной перчатке, а в перчатке свинцовая прокладка, чтобы пальцев не повредить. Идёт и бьёт каждого второго в нос, кровь пускает. Это он называл «профилактикой от гриппа». И так каждый день. Всего четыре блока в лагере было, и вот он нынче первому блоку «профилактику» устраивает, завтра — второму и так далее. Аккуратный был гад, без выходных работал. Только одного он, дурак, не мог сообразить: перед тем как идти ему руки прикладывать, он, чтобы распалить себя, минут десять перед строем ругается. Он матерщинничает почём зря, а нам от этого легче становится: вроде слова-то наши, природные, вроде ветерком с родной стороны подувает... Знал бы он, что его ругань нам одно удовольствие доставляет, — уж он по-русски не ругался бы, а только на своём языке. Лишь один мой приятель-москвич злился на него страшно. «Когда он ругается, — говорит, — я глаза закрою и вроде в Москве, на Зацепе, в пивной сижу, и до того мне пива захочется, что даже голова закружится».

Так вот этот самый комендант на другой день после того, как я про кубометры сказал, вызывает меня. Вечером приходят в барак переводчик и с ним два охранника. «Кто Соколов Андрей?» Я отозвался. «Марш за нами, тебя сам герр лагерфюрер требует». Понятно, зачем требует. На распыл[1]. Попрощался я с товарищами, все они знали, что на смерть иду, вздохнул и пошёл. Иду по лагерному двору, на звёзды поглядываю, прощаюсь и с ними, думаю: «Вот и отмучился ты, Андрей Соколов, а по-лагерному — номер триста тридцать первый». Что-то жалко стало Иринку и детишек, а потом жаль эта утихла, и стал я собираться с духом, чтобы глянуть в дырку пистолета бесстрашно, как и подобает солдату, чтобы враги не увидали в последнюю мою минуту, что мне с жизнью расставаться всё-таки трудно...

В комендантской — цветы на окнах, чистенько, как у нас в хорошем клубе. За столом — всё лагерное начальство. Пять человек сидят, шнапс глушат и салом закусывают. На столе у них початая здоровенная бутыль со шнапсом, хлеб, сало, мочёные яблоки, открытые банки с разными консервами. Мигом оглядел я всю эту жратву, и — не поверишь — так меня замутило, что за малым не вырвало. Я же голодный как волк, отвык от человеческой пищи, а тут столько добра перед тобою... Кое-как задавил тошноту, но глаза оторвал от стола через великую силу.

Прямо передо мною сидит полупьяный Мюллер, пистолетом играется, перекидывает его из руки в руку, а сам смотрит на меня и не моргнёт, как змея. Ну, я руки по швам, стоптанными каблуками щёлкнул, громко так докладываю: «Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился». Он и спрашивает меня: «Так что же, русс Иван, четыре кубометра выработки — это много?» — «Так точно, — говорю, — герр комендант, много». — «А одного тебе на могилу хватит?» — «Так точно, герр комендант, вполне хватит и даже останется».

Он встал и говорит: «Я окажу тебе великую честь, сейчас лично расстреляю тебя за эти слова. Здесь неудобно, пойдём во двор, там ты и распишешься». — «Воля ваша», — говорю ему. Он постоял, подумал, а потом кинул пистолет на стол и наливает полный стакан шнапса, кусочек хлеба взял, положил на него ломтик сала и всё это подаёт мне и говорит: «Перед смертью выпей, русс Иван, за победу немецкого оружия».

---

[1] *Распы́л* — расстрел.

Я было из его рук и стакан взял, и закуску, но как только услыхал эти слова, меня будто огнём обожгло! Думаю про себя: «Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?! А кое-чего ты не хочешь, герр комендант? Один чёрт мне умирать, так провались ты пропадом со своей водкой!»

Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: «Благодарствую за угощение, но я непьющий». Он улыбается: «Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою погибель». А что мне было терять? «За свою погибель и избавление от мук я выпью», — говорю ему. С тем взял стакан и в два глотка вылил его в себя, а закуску не тронул, вежливенько вытер губы ладонью и говорю: «Благодарствую за угощение. Я готов, герр комендант, пойдёмте, распишете меня».

Но он смотрит внимательно так и говорит: «Ты хоть закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю». Наливает он второй, подаёт мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогаю, на отвагу бью, думаю: «Хоть напьюсь перед тем, как во двор идти, с жизнью расставаться». Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: «Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!» А я ему своё: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать». Надул он щёки, фыркнул, а потом как захохочет и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки: видно, переводит мои слова друзьям. Те тоже рассмеялись, стульями задвигали, поворачиваются ко мне мордами и уже, замечаю, как-то иначе на меня поглядывают, вроде помягче.

Наливает мне комендант третий стакан, а у самого руки трясутся от смеха. Этот стакан я выпил врастяжку, откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть своё, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались.

После этого комендант стал серьёзный с виду, поправил у себя на груди два железных креста, вышел из-за стола безоружный и говорит: «Вот что, Соколов, ты — настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я тоже солдат и уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом. Это для нас большая радость, а потому я великодушно дарю тебе жизнь. Ступай в свой блок, а это тебе за смелость», — и подаёт мне со стола небольшую буханку хлеба и кусок сала.

Прижал я хлеб к себе изо всей силы, сало в левой руке держу и до того растерялся от такого неожиданного поворота, что и спасибо не сказал, сделал налево кругом, иду к выходу, а сам думаю: «Засветит он мне сейчас промеж лопаток, и не донесу ребятам этих харчей». Нет, обошлось. И на этот раз смерть мимо меня прошла, только холодком от неё потянуло...

Вышел я из комендантской на твёрдых ногах, а во дворе меня развезло. Ввалился в барак и упал на цементованный пол без памяти. Разбудили меня наши ещё в потёмках: «Рассказывай!» Ну, я припомнил, что было в комендантской, рассказал им. «Как будем харчи делить?» — спрашивает мой сосед по нарам, а у самого голос дрожит. «Всем поровну», — говорю ему. Дождались рассвета. Хлеб и сало резали суровой ниткой. Досталось каждому хлеба по кусочку со спичечную коробку, каждую крошку брали на учёт, ну, а сала, сам понимаешь, — только губы помазать. Однако поделили без обиды.

Вскорости перебросили нас, человек триста самых крепких, на осушку болот, потом — в Рурскую область на шахты. Там и пробыл я до сорок четвёртого года. К этому времени наши уже своротили Германии скулу набок и фашисты перестали пленными брезговать. Как-то выстроили нас, всю дневную смену, и какой-то приезжий обер-лейтенант говорит через переводчика: «Кто служил в армии или до войны работал шофёром — шаг вперёд». Шагнуло нас семь человек бывшей шоферни. Дали нам поношенную спецовку, направили под конвоем в город Потсдам. Приехали туда, и растрясли нас всех врозь. Меня определили работать в «Тодте» — была у немцев такая шарашкина контора по строительству дорог и оборонительных сооружений.

Возил я на «оппель-адмирале» немца инженера в чине майора армии. Ох и толстый же был фашист! Маленький, пузатый, что в ширину, что в длину одинаковый и в заду плечистый, как справная баба. Спереди у него над воротником мундира три подбородка висят и позади на шее три толстючих складки. На нём, я так определял, не менее трёх пудов чистого жиру было. Ходит, пыхтит, как паровоз, а жрать сядет — только держись! Целый день, бывало, жуёт да коньяк из фляжки потягивает. Кое-когда и мне от него перепадало: в дороге остановится, колбасы нарежет, сыру, закусывает и выпивает; когда в добром духе — и мне кусок кинет, как собаке. В руки никогда не давал, нет, считал это для себя за низкое. Но как бы то ни было, а с лагерем же не сравнить, и понемногу стал я запохаживаться на человека, помалу, но стал поправляться.

Ю. И. Пименов. Фронтовая дорога

Недели две возил я своего майора из Потсдама в Берлин и обратно, а потом послали его в прифронтовую полосу на строительство оборонительных рубежей против наших. И тут я спать окончательно разучился: ночи напролёт думал, как бы мне к своим, на родину сбежать.

Приехали мы в город Полоцк. На заре услыхал я в первый раз за два года, как громыхает наша артиллерия, и знаешь, браток, как сердце забилось? Холостой ещё ходил к Ирине на свиданья, и то оно так не стучало! Бои шли восточнее Полоцка уже километрах в восемнадцати. Немцы в городе злые стали, нервные, а толстяк мой всё чаще стал напиваться. Днём за городом с ним ездим, и он распоряжается, как укрепления строить, а ночью в одиночку пьёт. Опух весь, под глазами мешки повисли...

«Ну, — думаю, — ждать больше нечего, пришёл мой час! И надо не одному мне бежать, а прихватить с собою и моего толстяка, он нашим сгодится!»

Нашёл в развалинах двухкилограммовую гирьку, обмотал её обтирочным тряпьём на случай, если придётся ударить, чтобы крови не было, кусок телефонного провода поднял на дороге, всё, что мне надо, усердно приготовил, схоронил под переднее сиденье. За два дня перед тем как распрощался с немцами, вечером еду с заправки, вижу, идёт пьяный, как грязь, немецкий унтер, за стенку руками держится. Остановил я машину, завёл его в развалины и вытряхнул из мундира, пилотку с головы снял. Всё это имущество тоже под сиденье сунул и был таков.

Утром двадцать девятого июня приказывает мой майор везти его за город, в направлении Тросницы. Там он руководил постройкой укреплений. Выехали. Майор на заднем сиденье спокойно дремлет,

а у меня сердце из груди чуть не выскакивает. Ехал я быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вылез, огляделся: далеко сзади две грузовые тянутся. Достал я гирьку, открыл дверцу пошире. Толстяк откинулся на спинку сиденья, похрапывает, будто у жены под боком. Ну, я его тюкнул гирькой в левый висок. Он и голову уронил. Для верности я его ещё раз стукнул, но убивать до смерти не захотел. Мне его живого надо было доставить, он нашим должен был много кое-чего порассказать. Вынул я у него из кобуры парабеллум, сунул себе в карман, монтировку вбил за спинку заднего сиденья, телефонный провод накинул на шею майору и завязал глухим узлом на монтировке. Это чтобы он не свалился на бок, не упал при быстрой езде. Скоренько напялил на себя мундир и пилотку, ну и погнал машину прямиком туда, где земля гудит, где бой идёт.

Немецкий передний край проскакивал меж двух дзотов[1]. Из блиндажа автоматчики выскочили, и я нарочно сбавил ход, чтобы они видели, что майор едет. Но они крик подняли, руками махают, мол, туда ехать нельзя, а я будто не понимаю, подкинул газку и пошёл на все восемьдесят. Пока они опомнились и начали бить из пулемётов по машине, а я уже на ничьей земле между воронками петляю не хуже зайца.

Тут немцы сзади бьют, а тут свои очертели, из автоматов мне навстречу строчат. В четырёх местах ветровое стекло пробили, радиатор пропороли пулями... Но вот уже лесок над озером, наши бегут к машине, а я вскочил в этот лесок, дверцу открыл, упал на землю и целую её, и дышать мне нечем...

Молодой парнишка, на гимнастёрке у него защитные погоны, каких я ещё в глаза не видал, первым подбегает ко мне, зубы скалит: «Ага, чёртов фриц, заблудился?» Рванул я с себя немецкий мундир, пилотку под ноги кинул и говорю ему: «Милый ты мой губошлёп! Сынок дорогой! Какой же я тебе фриц, когда я природный воронежец? В плену я был, понятно? А сейчас отвяжите этого борова, какой в машине сидит, возьмите его портфель и ведите меня к вашему командиру». Сдал я им пистолет и пошёл из рук в руки, а к вечеру очутился уже у полковника — командира дивизии. К этому времени меня и накормили, и в баню сводили, и допросили, и обмундирование выдали, так что явился я в блиндаж к полковнику, как и полагается,

---

[1] *Дзот* — долговременная замаскированная огневая точка; в годы войны так называли укреплённую землянку, покрытую сверху слоем брёвен и замаскированную под местность.

душой и телом чистый и в полной форме. Полковник встал из-за стола, пошёл мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит: «Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец, какой привёз от немцев. Твой майор с его портфелем нам дороже двадцати “языков”. Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к правительственной награде». А я от этих слов его, от ласки, сильно волнуюсь, губы дрожат, не повинуются, только и мог из себя выдавить: «Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть». Но полковник засмеялся, похлопал меня по плечу: «Какой из тебя вояка, если ты на ногах еле держишься? Сегодня же отправлю тебя в госпиталь. Подлечат тебя там, подкормят, после этого домой к семье на месяц в отпуск съездишь, а когда вернёшься к нам, посмотрим, куда тебя определить».

И полковник, и все офицеры, какие у него в блиндаже были, душевно попрощались со мной за руку, и я вышел окончательно разволнованный, потому что за два года отвык от человеческого обращения. И заметь, браток, что ещё долго я, как только с начальством приходилось говорить, по привычке невольно голову в плечи втягивал, вроде боялся, что ли, как бы меня не ударили. Вот как образовали нас в фашистских лагерях...

Из госпиталя сразу же написал Ирине письмо. Описал всё коротко, как был в плену, как бежал вместе с немецким майором. И, скажи на милость, откуда эта детская похвальба у меня взялась? Не утерпел-таки, сообщил, что полковник обещал меня к награде представить...

Две недели спал и ел. Кормили помалу, но часто, иначе, если бы давали еды вволю, я бы мог загнуться, так доктор сказал. Набрался силёнок вполне. А через две недели куска в рот взять не мог. Ответа из дома нет, и я, признаться, затосковал. Еда и на ум не идёт, сон от меня бежит, всякие дурные мыслишки в голову лезут... На третьей неделе получаю письмо из Воронежа. Но пишет не Ирина, а сосед мой, столяр Иван Тимофеевич. Не дай бог никому таких писем получать!.. Сообщает он, что ещё в июне сорок второго года немцы бомбили авиазавод и одна тяжёлая бомба попала прямо в мою хатёнку. Ирина и дочери как раз были дома... Ну, пишет, что не нашли от них и следа, а на месте хатёнки — глубокая яма... Не дочитал я в этот раз письмо до конца. В глазах потемнело, сердце сжалось в комок и никак не разжимается. Прилёг я на койку, немного отлежался, дочитал. Пишет сосед, что Анатолий во время бомбёжки был в городе. Вечером вернулся в посёлок, посмотрел на яму и в ночь опять ушёл в город. Перед уходом сказал соседу, что будет проситься добровольцем на фронт. Вот и всё.

Когда сердце разлезлось и в ушах зашумела кровь, я вспомнил, как тяжело расставалась со мною моя Ирина на вокзале. Значит, ещё тогда подсказало ей бабье сердце, что больше не увидимся мы с ней на этом свете. А я её тогда оттолкнул... Была семья, свой дом, всё это лепилось годами, и всё рухнуло в единый миг, остался я один. Думаю: «Да уж не приснилась ли мне моя нескладная жизнь?» А ведь в плену я почти каждую ночь, про себя, конечно, и с Ириной, и с детишками разговаривал, подбадривал их, дескать, я вернусь, мои родные, не горюйте обо мне, я крепкий, я выживу, и опять мы будем все вместе... Значит, я два года с мёртвыми разговаривал?!

Рассказчик на минуту умолк, а потом сказал уже иным, прерывистым и тихим голосом:

— Давай, браток, перекурим, а то меня что-то удушье давит.

Мы закурили. В залитом полой водою лесу звонко выстукивал дятел. Всё так же лениво шевелил сухие серёжки на ольхе тёплый ветер; всё так же, словно под тугими белыми парусами, проплывали в вышней синеве облака, но уже иным показался мне в эти минуты скорбного молчания безбрежный мир, готовящийся к великим свершениям весны, к вечному утверждению живого в жизни.

Молчать было тяжело, и я спросил:

— Что же дальше?

— Дальше-то? — нехотя отозвался рассказчик. — Дальше получил я от полковника месячный отпуск, через неделю был в Воронеже. Пешком дотопал до места, где когда-то семейно жил. Глубокая воронка, налитая ржавой водой, кругом бурьян по пояс... Глушь, тишина кладбищенская. Ох и тяжело же было мне, браток! Постоял, поскорбел душою и опять пошёл на вокзал. И часу оставаться там не мог, в этот же день уехал обратно в дивизию.

Но месяца через три и мне блеснула радость, как солнышко из-за тучи: нашёлся Анатолий. Прислал письмо мне на фронт, видать, с другого фронта. Адрес мой узнал от соседа, Ивана Тимофеевича. Оказывается, попал он поначалу в артиллерийское училище; там-то и пригодились его таланты к математике. Через год с отличием закончил училище, пошёл на фронт и вот уже пишет, что получил звание капитана, командует батареей сорокапяток, имеет шесть орденов и медали. Словом, обштопал родителя со всех концов. И опять я возгордился им ужасно! Как ни крути, а мой родной сын — капитан и командир батареи, это не шутка! Да ещё при таких орденах. Это ничего, что отец его на «студебеккере» снаряды возит и прочее военное имущество. Отцово дело отжитое, а у него, у капитана, всё впереди.

И начались у меня по ночам стариковские мечтания: как война кончится, как я сына женю и сам при молодых жить буду, плотничать и внучат нянчить. Словом, всякая такая стариковская штука. Но и тут получилась у меня полная осечка. Зимою наступали мы без передышки, и особо часто писать друг другу нам было некогда, а к концу войны, уже возле Берлина, утром послал Анатолию письмишко, а на другой день получил ответ. И тут я понял, что подошли мы с сыном к германской столице разными путями, но находимся один от одного поблизости. Жду не дождусь, прямо-таки не чаю, когда мы с ним свидимся. Ну и свиделись... Аккурат девятого мая, утром, в День Победы, убил моего Анатолия немецкий снайпер...

Во второй половине дня вызывает меня командир роты. Гляжу, сидит у него незнакомый мне артиллерийский подполковник. Я вошёл в комнату, и он встал, как перед старшим по званию. Командир моей роты говорит: «К тебе, Соколов», — а сам к окну отвернулся. Пронизало меня, будто электрическим током, потому что почуял я недоброе. Подполковник подошёл ко мне и тихо говорит: «Мужайся, отец! Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на батарее. Пойдём со мной!»

Качнулся я, но на ногах устоял. Теперь и то как сквозь сон вспоминаю, как ехал вместе с подполковником на большой машине, как пробирались по заваленным обломками улицам, туманно помню солдатский строй и обитый красным бархатом гроб. А Анатолия вижу вот как тебя, браток. Подошёл я к гробу. Мой сын лежит в нём и не мой. Мой — это всегда улыбчивый, узкоплечий мальчишка, с острым кадыком на худой шее, а тут лежит молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто смотрит он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далёкую даль. Только в уголках губ так навеки и осталась смешинка прежнего сынишки, Тольки, какого я когда-то знал... Поцеловал я его и отошёл в сторонку. Подполковник речь сказал. Товарищи-друзья моего Анатолия слёзы вытирают, а мои невыплаканные слёзы, видно, на сердце засохли. Может, поэтому оно так и болит?..

Похоронил я в чужой, немецкой земле последнюю свою радость и надежду, ударила батарея моего сына, провожая своего командира в далёкий путь, и словно что-то во мне оборвалось... Приехал я в свою часть сам не свой. Но тут вскорости меня демобилизовали. Куда идти? Неужто в Воронеж? Ни за что! Вспомнил, что в Урюпинске живёт мой дружок, демобилизованный ещё зимою по ранению, — он когда-то приглашал меня к себе, — вспомнил и поехал в Урюпинск.

Приятель мой и жена его были бездетные, жили в собственном домике на краю города. Он хотя и имел инвалидность, но работал шофёром в автороте, устроился и я туда же. Поселился у приятеля, приютили они меня. Разные грузы перебрасывали мы в районы, осенью переключились на вывозку хлеба. В это время я и познакомился с моим новым сынком, вот с этим, какой в песке играется.

Из рейса, бывало, вернёшься в город — понятно, первым делом в чайную: перехватить чего-нибудь, ну, конечно, и сто грамм выпить с устатка[1]. К этому вредному делу, надо сказать, я уже пристрастился как следует... И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на другой день — опять вижу. Этакий маленький оборвыш: личико всё в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, как прах, нечёсаный, а глазёнки — как звёздочки ночью после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже, чудное дело, начал скучать по нём, спешу из рейса поскорее его увидать. Около чайной он и кормился — кто что даст.

На четвёртый день прямо из совхоза, гружённый хлебом, подворачиваю к чайной. Парнишка мой там сидит на крыльце, ножонками болтает и, по всему видать, голодный. Высунулся я в окошко, кричу ему: «Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, прокачу на элеватор, а оттуда вернёмся сюда, пообедаем». Он от моего окрика вздрогнул, соскочил с крыльца, на подножку вскарабкался и тихо так говорит: «А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?» И глазёнки широко раскрыл, ждёт, что я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я, мол, человек бывалый и всё знаю.

Зашёл он с правой стороны, я дверцу открыл, посадил его рядом с собой, поехали. Шустрый такой парнишка, а вдруг чего-то притих, задумался и нет-нет да и взглянет на меня из-под длинных своих загнутых кверху ресниц, вздохнёт. Такая мелкая птаха, а уже научилась вздыхать. Его ли это дело? Спрашиваю: «Где же твой отец, Ваня?» Шепчет: «Погиб на фронте». — «А мама?» — «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали». — «А откуда вы ехали?» — «Не знаю, не помню...» — «И никого у тебя тут родных нету?» — «Никого». — «Где же ты ночуешь?» — «А где придётся».

Закипела тут во мне горючая слеза, и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: «Кто?» Я ему и говорю так же тихо: «Я — твой отец».

---

[1] *Уста́ток* (устар.) — усталость.

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щёки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабинке глушно: «Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдёшь! Всё равно найдёшь! Я так долго ждал, когда ты меня найдёшь!» Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман, и тоже всего дрожь бьёт, и руки трясутся... Как я тогда руля не упустил, диву можно даться! Но в кювет всё же нечаянно съехал, заглушил мотор. Пока туман в глазах не прошёл, побоялся ехать, как бы на кого не наскочить. Постоял так минут пять, а сынок мой всё жмётся ко мне изо всех силёнок, молчит, вздрагивает. Обнял я его правой рукою, потихоньку прижал к себе, а левой развернул машину, поехал обратно, на свою квартиру. Какой уж там мне элеватор, тогда мне не до элеватора было.

Бросил машину возле ворот, нового своего сынишку взял на руки, несу в дом. А он как обвил мою шею ручонками, так и не оторвался до самого места. Прижался своей щекой к моей небритой щеке, как прилип. Так я его и внёс. Хозяин и хозяйка в аккурат дома были. Вошёл я, моргаю им обоими глазами, бодро так говорю: «Вот и нашёл я своего Ванюшку! Принимайте нас, добрые люди!» Они, оба мои бездетные, сразу сообразили, в чём дело, засуетились, забегали. А я никак сына от себя не оторву. Но кое-как уговорил. Помыл ему руки с мылом, посадил за стол. Хозяйка щей ему в тарелку налила, да как глянула, с какой он жадностью ест, так и залилась слезами. Стоит у печки, плачет себе в передник. Ванюшка мой увидал, что она плачет, подбежал к ней, дёргает её за подол и говорит: «Тётя, зачем же вы плачете? Папа нашёл меня возле чайной, тут всем радоваться надо, а вы плачете». А той — подай бог, она ещё пуще разливается, прямо-таки размокла вся!

После обеда повёл я его в парикмахерскую, постриг, а дома сам искупал в корыте, завернул в чистую простыню. Обнял он меня и так на руках моих и уснул. Осторожно положил его на кровать, поехал на элеватор, сгрузил хлеб, машину отогнал на стоянку — и бегом по магазинам. Купил ему штанишки суконные, рубашонку, сандали и картуз из мочалки. Конечно, всё это оказалось и не по росту, и качеством никуда не годное. За штанишки меня хозяйка даже разругала. «Ты, — говорит, — с ума спятил, в такую жару одевать дитя в суконные штаны!» И моментально — швейную машинку на стол, порылась в сундуке, а через час моему Ванюшке уже сатиновые трусики были готовы и беленькая рубашонка с короткими рукавами. Спать я лёг вместе

с ним и в первый раз за долгое время уснул спокойно. Однако ночью раза четыре вставал. Проснусь, а он у меня под мышкой приютится, как воробей под застрехой, тихонько посапывает, и до того мне становится радостно на душе, что и словами не скажешь! Норовишь не ворохнуться, чтобы не разбудить его, но всё-таки не утерпишь, потихоньку встанешь, зажжёшь спичку и любуешься на него...

Перед рассветом проснулся, не пойму: с чего мне так душно стало? А это сынок мой вылез из простыни и поперёк меня улёгся, раскинулся и ножонкой горло мне придавил. И беспокойно с ним спать, а вот привык, скучно мне без него. Ночью то погладишь его сонного, то волосёнки на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя...

Первое время он со мной на машине в рейсы ездил, потом понял я, что так не годится. Одному мне что надо? Краюшку хлеба и луковицу с солью, вот и сыт солдат на целый день. А с ним — дело другое: то молока ему надо добыть, то яичко сварить, опять же без горячего ему никак нельзя. Но дело-то не ждёт. Собрался с духом, оставил его на попечение хозяйки, так он до вечера слёзы точил, а вечером удрал на элеватор встречать меня. До поздней ночи ожидал там. Трудно мне с ним было на первых порах. Один раз легли спать ещё засветло, днём наморился я очень, и он — то всегда щебечет, как воробушек, а то что-то примолчался. Спрашиваю: «Ты о чём думаешь, сынок?» А он меня спрашивает, сам в потолок смотрит: «Папка, ты куда своё кожаное пальто дел?» В жизни у меня никогда не было кожаного пальто! Пришлось изворачиваться: «В Воронеже осталось», — говорю ему. «А почему ты меня так долго искал?» Отвечаю ему: «Я тебя, сынок, и в Германии искал, и в Польше, и всю Белоруссию прошёл и проехал, а ты в Урюпинске оказался». — «А Урюпинск — это ближе Германии? А до Польши далеко от нашего дома?» Так и болтаем с ним перед сном.

А ты думаешь, браток, про кожаное пальто он зря спросил? Нет, всё это неспроста. Значит, когда-то отец его настоящий носил такое пальто, вот ему и запомнилось. Ведь детская память, как летняя зарница: вспыхнет, накоротке осветит всё и потухнет. Так и у него память, вроде зарницы, проблесками работает.

Может, и жили бы мы с ним ещё с годик в Урюпинске, но в ноябре случился со мной грех: ехал по грязи, в одном хуторе машину мою занесло, а тут корова подвернулась, я и сбил её с ног. Ну, известное дело, бабы крик подняли, народ сбежался, и автоинспектор тут как тут. Отобрал у меня шофёрскую книжку, как я ни просил его смилостивиться. Корова поднялась, хвост задрала и пошла скакать по переулкам, а я книжки лишился. Зиму проработал плотником, а потом списался с одним приятелем, тоже сослуживцем, — он в вашей области, в Кашарском районе, работает шофёром, — и тот пригласил меня к себе. Пишет, что, мол, поработаешь полгода по плотницкой части, а там в нашей области выдадут тебе новую книжку. Вот мы с сынком и командируемся в Кашары походным порядком.

Да оно, как тебе сказать, и не случись у меня этой аварии с коровой, я всё равно подался бы из Урюпинска. Тоска мне не даёт на одном месте долго засиживаться. Вот уже когда Ванюшка мой подрастёт и придётся определять его в школу, тогда, может, и я угомонюсь, осяду на одном месте. А сейчас пока шагаем с ним по русской земле.

— Тяжело ему идти, — сказал я.

— Так он вовсе мало на своих ногах идёт, всё больше на мне едет. Посажу его на плечи и несу, а захочет промяться — слезает с меня и бегает сбоку дороги, взбрыкивает, как козлёнок. Всё это, браток, ничего бы, как-нибудь мы с ним прожили бы, да вот сердце у меня раскачалось, поршня надо менять... Иной раз так схватит и прижмёт, что белый свет в глазах меркнет. Боюсь, что когда-нибудь во сне помру и напугаю своего сынишку. А тут ещё одна беда: почти каждую ночь своих покойников дорогих во сне вижу. И всё больше так, что я — за колючей проволокой, а они на воле, по другую сторону... Разговариваю обо всём и с Ириной, и с детишками, но только хочу проволоку руками раздвинуть — они уходят от меня, будто тают на глазах... И вот удивительное дело: днём я всегда крепко себя держу, из меня ни «оха», ни вздоха не выжмешь, а ночью проснусь, и вся подушка мокрая от слёз...

В лесу послышался голос моего товарища, плеск весла по воде.

Чужой, но ставший мне близким человек поднялся, протянул большую, твёрдую, как дерево, руку:

— Прощай, браток, счастливо тебе!

— И тебе счастливо добраться до Кашар.

— Благодарствую. Эй, сынок, пойдём к лодке.

Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменил рядом с широко шагавшим мужчиной.

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждёт их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина.

С тяжёлой грустью смотрел я им вслед... Может быть, всё и обошлось бы благополучно при нашем расставании, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное — уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное — не ранить сердце ребёнка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...

1956—1957 гг.

1. Перескажите кратко сюжет рассказа. Назовите его композиционные элементы. Какой тип композиции использует автор в рассказе?
2. Найдите портрет Андрея Соколова. Какие детали подчёркивает в нём автор? Какие особенности внешности и характера героя точно переданы на иллюстрации С. Трофимова (с. 208)?
3. Назовите самые драматичные эпизоды военной судьбы Андрея Соколова. Охарактеризуйте поведение героя в них.
4. Перечитайте сцену противостояния русского солдата Соколова и коменданта концлагеря Мюллера (с. 221—222). Какое значение она имеет для понимания образа Андрея Соколова? Докажите, что это нравственный поединок персонажей.
5. Почему героическое возвращение Андрея Соколова к своим не стало финалом рассказа?
6. В каких словах выражена основная мысль военных сцен рассказа? Как создаётся впечатление достоверности описанных событий?
7. Что помогло Соколову начать новую жизнь после войны? Откуда появился Ванюша? Какую роль играет образ этого мальчика в рассказе?
8. Посмотрите эпизод из кинофильма С. Ф. Бондарчука «Судьба человека» о встрече Соколова с Ванюшкой. Сравните этот эпизод с текстом рассказа. Удалось ли в кино передать чувства обоих героев?
9. Как соотносятся название рассказа «Судьба человека» и история Андрея Соколова? Почему в заглавии нет имени главного героя?

Литература второй половины XX века

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА 1950—1990-х ГОДОВ

Во второй половине XX века жизнь в СССР была очень изменчивой. Литература быстро реагировала на все перемены. В 1960-е годы особенно бурно развивалась поэзия. В литературу пришли новые авторы. Именно они определяли сознание людей — цели, к которым нужно стремиться, ценности, в соответствии с которыми следует жить.

Центром поэтической жизни страны стали Москва и Ленинград. Стадион «Лужники», площадь им. В. В. Маяковского, Концертный зал им. П. И. Чайковского, Политехнический музей в Москве, театральные и концертные залы Ленинграда, да и других городов страны заполнялись до отказа, когда объявлялся вечер поэзии. Начался своеобразный поэтический бум.

Поэзия разделилась на два потока — *«эстрадную» поэзию* и *«тихую» лирику*. Представителями «эстрадной» поэзии считались Р. И. Рождественский, Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенский и др. Именно они писали о необходимости морального совершенствования человека, его служении обществу. Их произведения имели выраженное гражданственное звучание. «Тихая» поэзия — творчество Н. М. Рубцова, В. Н. Соколова, Я. В. Смелякова и других — ориентировалась в большей степени на изображение внутреннего мира отдельного человека, его философские размышления, личные переживания. В это же время появилась *авторская песня*. Её родоначальниками стали Б. Ш. Окуджава, В. С. Высоцкий, А. А. Галич, Ю. И. Визбор. Эти авторы писали не только стихотворения, но и музыку к ним, сами исполняли песни, как правило, под гитару.

Но уже в 1970-е годы поэзия утратила «массовость». Заметное место в ней заняли социальные и моральные проблемы современности,

одним из самых распространённых жанров стала поэма. В 1970—1980-е годы зародилась и приобрела популярность так называемая рок-поэзия, представители которой часто бросали вызов современникам и официальным общественным ценностям.

Новый виток в развитии литературы начался в 1985—1991-е годы. В СССР впервые были опубликованы произведения А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака, А. П. Платонова, М. А. Булгакова, А. И. Солженицына и других писателей (так называемая возвращённая литература[1]). Советскому читателю стали доступны произведения писателей, оказавшихся по разным причинам за рубежом: И. А. Бродского, В. В. Набокова, А. А. Галича и др. В поэзии вновь наблюдается подъём, поэтому последнюю треть XX столетия всё чаще называют «бронзовым веком» русской поэзии.

1. Выпишите названия направлений в лирике 1950—1990-х годов. Назовите представителей каждого направления. В чём состоят основные различия между этими направлениями?

Николай Алексеевич ЗАБОЛОЦКИЙ

1903—1958

Талант Н. А. Заболоцкого был велик и многогранен: он известен как поэт, смело экспериментировавший со словом и формой, автор блестящих пародий на стихотворные произведения поэтов начала XX века, детский писатель и переводчик.

Заболоцкий был очень разносторонним человеком. Он хорошо разбирался в теории относительности А. Эйнштейна, которая тогда только была обнародована, вёл переписку с К. Э. Циолковским и увлекался трудами этого учёного об освоении космоса. Н. А. Заболоцкий свободно владел четырьмя иностранными языками — французским,

[1] Возвращённой литературой называют произведения, которые были опубликованы значительно позже, чем написаны.

английским, итальянским и грузинским — и начинал свою переводческую деятельность под руководством С. Я. Маршака. В юности ему пришлось учиться сразу на нескольких факультетах: медицинском, историко-филологическом в Москве, а затем — на отделении языка и литературы в Ленинграде.

Жизненной установкой поэта был постоянный труд. Один из друзей Заболоцкого так характеризовал поэта: «...дружба и общение с человеком, видевшим и пережившим такое, всё равно была подобна дружбе и общению с инопланетянином». К своим произведениям Н. А. Заболоцкий относился с большим вниманием. Его тетрадь со стихотворениями, по воспоминаниям поэта М. И. Синельникова, была безукоризненна, каждое произведение красиво оформлено и тщательно переписано. Заболоцкий незадолго до смерти составил список произведений, которые считал достойными того, чтобы их читали потомки, а остальные запретил печатать.

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ

Есть лица, подобные пышным порталам[1],
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг[2],
Иные холодные, мёртвые лица
Закрыты решётками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошек её на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик, и чудесен!
Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

1955 г.

---

[1] *Порта́л* — большие ворота; главный вход в большом архитектурном сооружении.

[2] *Сычу́г* — часть желудка у животных

1. На какие образы-здания похожи лица в стихотворении?
2. Почему поэт уподобил человеческие лица именно архитектурным строениям, а не произведениям других видов искусства (живопись, скульптура, музыка)?
3. Н. А. Заболоцкий изобразил шесть человеческих типов, запечатлев их характерные черты в лицах. Охарактеризуйте эти лица по следующим признакам: форма, внешняя привлекательность, цветовая гамма. Как выражена внутренняя сущность этих человеческих типов в их внешнем облике?
4. Как вы думаете, почему поэт не разделил стихотворение на строфы?
5. Придумайте историю (эпизод из жизни) людей, чьи лица показаны в стихотворении.

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бегает по следу.
Чужая радость, так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Ещё не знает это существо.
Ей всё на свете так безмерно ново,
Так живо всё, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!

Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её не хороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движенье.
А если так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

1955 г.

1. Сколько смысловых частей можно выделить в стихотворении? Какие средства художественной выразительности определяют настроение каждой части?
2. Найдите описание девочки. О чём говорит эпитет «худая»? Какой смысл приобретает первая строка — «Среди других играющих детей...»?
3. Каков внутренний мир этой девочки?
4. В чём заключается счастье бытия, по мнению автора? Какую мысль доносит автор?
5. Дайте свой ответ на финальный вопрос стихотворения: что есть красота и почему её обожествляют люди?

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном теле
И не снимай с неё узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт.

А ты хватай её за плечи.
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь.
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

1958 г.

1. В каких образах и картинах поэт изображает душу человека? Выпишите существительные, которые передают этот образ. Проанализируйте их и подумайте, что произойдёт с душой, если она не будет трудиться.
2. Обратите внимание на роль глаголов в стихотворении. В какой форме они употреблены и почему?
3. Почему первая и последняя строфы похожи по содержанию, но различны по интонации?

Понятие о философской лирике

Философская лирика — разновидность лирических произведений, в которых поэты рассуждают о вечных вопросах: смысле и предназначении человеческой жизни, выборе жизненной позиции каждым человеком, добре и зле и т. п.

Чаще всего философская лирика имеет форму монолога, в котором лирический герой рассуждает о волнующем его вопросе. В произведении мысль развивается как поиск истины, правильной точки зрения. Например, герой может рассуждать о том, что такое человеческая

красота: это только внешность или нечто большее — внутренний мир, поступки, идеалы человека. Как правило, философские размышления заканчиваются выводом, который отражает позицию автора.

В русской поэзии одним из первых к философской лирике обратился Ф. И. Тютчев. Он рассуждал о смысле человеческого существования, роли России в истории, взаимоотношениях человека и природы. Известны философские стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова.

Многие произведения Н. А. Заболоцкого тоже относят к философской лирике, поскольку они отражают целостную картину мира поэта, в которой чётко определено место человека, осмысливаются ценности, управляющие миром.

1. На примере одного из изученных стихотворений Н. А. Заболоцкого покажите, какие философские вопросы интересовали поэта.
2. Подумайте, почему лирику Н. А. Заболоцкого иногда определяют как пейзажно-философскую.
3. Вспомните, какие произведения белорусской литературы относят к философской лирике. Какие вечные проблемы поднимают в них поэты? Похожи ли в своих выводах белорусские и русские писатели?

Роберт Иванович РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

1932—1994

Роберт Рождественский родился в небольшом селе на Алтае. Детство поэта пришлось на годы Великой Отечественной войны. Родители ушли на фронт, поэтому мальчик остался с бабушкой. В 1943 году бабушка умерла, и мать будущего поэта приняла трудное решение: она оформила родного ребёнка как сына полка и повезла через всю страну на фронт. Однако «поезд больше стоял», как вспоминал сам поэт, мать успела изменить решение и определила сына в детский дом.

Первое стихотворение Роберт Рождественский написал в 11 лет. Со второй попытки он поступил в Литературный институт в Москве, где учился вместе с Е. А. Евтушенко и другими выдающимися писателями.

ЗА ТОГО ПАРНЯ

Я сегодня до зари
встану.
По широкому пройду
полю.
Что-то с памятью моей
стало:
всё, что было не со мной,
помню.
Бьют дождинки по щекам
впалым.
Для вселенной двадцать лет —
мало.
Даже не был я знаком
с парнем,
обещавшим:
«Я вернусь, мама!..»
А степная трава
пахнет горечью.
Молодые ветра
зелены.
Просыпаемся мы.
И грохочет над полночью
то ли гроза,
то ли эхо
прошедшей войны.
Обещает быть весна
долгой.
Ждёт отборного зерна
пашня.
И живу я на земле
доброй
за себя
и за того парня.
Я от тяжести такой
горблюсь.

Но иначе жить нельзя,
если
всё зовёт меня
его голос,
всё звучит во мне
его песня.
А степная трава
пахнет горечью.
Молодые ветра
зелены.
Просыпаемся мы.
И грохочет над полночью
то ли гроза,
то ли эхо
прошедшей войны.

1976 г.

1. Как вы думаете, при каких обстоятельствах в памяти человека может зазвучать неизвестная песня незнакомого человека? Почему это происходит с лирическим героем стихотворения? Определите тему произведения.
2. В каком значении Р. И. Рождественский употребляет фразеологизм «за того парня»? Какие чувства лирического героя переданы с помощью этой фразы?
3. Какие поры года, пейзажи и природные явления упоминаются в стихотворении? Какую смысловую нагрузку они несут? Чему они противопоставлены?
4. В чём смысл строки «Для вселенной двадцать лет — мало»?
5. Найдите и перечитайте повторяющиеся строчки. Что значит выражение «эхо прошедшей войны»?
6. Докажите, что Р. И. Рождественский — «мастер неожиданных рифм и ритмических рисунков, стройных композиций и удачных рефренов[1]». Выпишите примеры названных средств художественной выразительности из стихотворения «За того парня».

[1] *Рефре́н* — строка, которая повторяется в конце каждой строфы и содержит главную мысль произведения.

ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ

Всё начинается с любви...
Твердят:
«Вначале
было
слово[1]...»
А я провозглашаю снова:
всё начинается с любви!..

Всё начинается с любви:
и озаренье,
и работа,
глаза цветов,
глаза ребёнка —
всё начинается с любви.
Всё начинается с любви.
С любви!
Я это точно знаю.

Всё,
даже ненависть —
родная
и вечная
сестра любви.

Всё начинается с любви:
мечта и страх,
вино и порох.
Трагедия,
тоска
и подвиг —
всё начинается с любви...

Весна шепнёт тебе:
«Живи...»
И ты от шёпота качнёшься.
И выпрямишься.
И начнёшься.
Всё начинается
с любви!

1974 г.

1. Какое библейское выражение по-новому осмысливает поэт?
2. Выпишите из строф 2, 3 и 4 существительные, которые поэт связывает с любовью. В какие тематические группы можно объединить эти слова?
3. Проанализируйте ряды однородных членов в строфе 4. Какие из понятий, включённых автором в текст, кажутся вам спорными или, возможно, слишком оригинальными?
4. Какая строчка неоднократно повторяется в стихотворении? Всегда ли одинакова пунктуация в повторяющемся фрагменте? Почему?
5. Согласны ли вы с поэтом в том, что любовь — это начало всего в человеке?

[1] Первая строка Евангелия от Иоанна (Новый Завет).

Евгений Александрович ЕВТУШЕНКО

1932—2017

Поэтический дар Евтушенко развился благодаря отцу — поэту-любителю и матери — актрисе театра имени К. С. Станиславского. Вместе с отцом будущий поэт посещал вечера поэзии в Московском государственном университете, где читали стихи А. А. Ахматова, А. Т. Твардовский.

Простота и доступность стихотворений Е. А. Евтушенко способствовали их чрезвычайной популярности и стали поэтической летописью своего времени. Часто поэт обращался к вопросам политики и экономики, но более всего его волновала история человеческой души.

* * *

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой всё особое, своё,
и нет планет, похожих на неё.

И если кто-то незаметно жил
и с этой незаметностью дружил,
он интересен был среди людей
самой неинтересностью своей.

У каждого — свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
но это всё неведомо для нас.

И если умирает человек,
с ним умирает первый его снег,
и первый поцелуй, и первый бой...
Всё это забирает он с собой.

Да, остаются книги и мосты,
машины и художников холсты,
да, многому остаться суждено,
но что-то ведь уходит всё равно!

Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них?

Что знаем мы про братьев, про друзей,
что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
мы, зная всё, не знаем ничего.

Уходят люди... Их не возвратить.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать...

1962 г.

1. Определите тему стихотворения.
2. С чем поэт сравнивает отдельного человека? Как доказывается уникальность каждого человека, важность именно его жизни для всей вселенной? Подберите цитаты для иллюстрации своего ответа.
3. Что изменяется в мире, когда человек уходит из жизни? Каким чувством окрашены строки о наследии, которое остаётся после смерти людей?
4. Какое значение для понимания идеи стихотворения имеет сравнение человека с целым миром?

* * *

Я не сдаюсь, но всё-таки сдаю,
Я в руки брать перо перестаю,
И на мои усталые уста
Пугающе нисходит немота.

Но слышу я, улёгшийся в постель,
Как что-то хочет рассказать метель.
И как трамваи в шуме городском
Звенят печально каждый о своём.

Пытаются шептать клочки афиш,
Пытается кричать железо крыш.
И в трубах петь пытается вода.
И так мычат беззвучно провода.

Вот так же люди, если плохо им,
Не могут рассказать всего другим.
Наедине с собой они молчат
Или вот так же горестно мычат.

И вот я снова за столом своим.
Я как возможность высказаться им.
А высказать других, о них скорбя,
И есть возможность высказать себя.

1989 г.

1. Как в стихотворении раскрывается тема поэта и поэзии? Чему служит поэзия? Можно ли утверждать, что поэт передаёт только свои чувства и эмоции в произведениях?
2. Откуда поэт черпает вдохновение, сюжеты для своего творчества?
3. Как произведение о сущности поэтического творчества связано с темой одиночества?
4. Перечитайте последнюю строфу. Нет ли в ней парадокса? Какие слова и почему повторяются почти в каждой строке этой строфы?

Николай Михайлович РУБЦОВ

1936—1971

Детство будущего поэта было трудным: частые переезды из-за работы отца, Великая Отечественная война, смерть матери, гибель отца на фронте — всё это привело к тому, что мальчик оказался в детском доме. Село Никольское, где находился детдом, стало для Н. М. Рубцова малой родиной, которую он воспел в своих стихах. Четырнадцатилетний мальчишка, бредивший морем, пытался в Риге попасть во флот, но из-за малолетства его не взяли. Мечта стать моряком осуществилась в 1955 году. Четыре года Н. М. Рубцов служил во флоте. В это же время произошло его рождение как поэта.

РУССКИЙ ОГОНЁК

1

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо тёмное, без звёзд.
Какая глушь! Я был один живой,
Один живой в бескрайнем мёртвом поле!
Вдруг тихий свет — пригрезившийся, что ли? —
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу, — последняя надежда! —
И услыхал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас... И тёплая одежда... —
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

2

Как много жёлтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнём, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал:
— Наверное, не будет.
— Дай бог, дай бог... ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... —
И вдруг опять: — Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет!
— Дай бог, дай бог...
И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.

Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?
Но я глухим бренчанием монет
Прервал её старинные виденья.
— Господь с тобой! Мы денег не берём.
— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

3

Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

1964 г.

?

1. Опишите, каким вы представляете себе лирического героя.
2. Какими словами поэт описывает природу, чтобы усилить ощущение одиночества лирического героя?
3. Кто встречает лирического героя в доме? Что можно сказать о хозяйке?
4. О чём рассказывается во второй части стихотворения? Почему появляется образ пожелтевших семейных фотографий? Как они связаны с вопросом хозяйки о войне?
5. Почему стихотворение разделено на три части? К какому важному философскому выводу приходит лирический герой в третьей части?
6. Определите размер стихотворения, найдите интересные эпитеты, метафоры, повторы.
7. В каких строках, по вашему мнению, выражена основная мысль стихотворения? Найдите их и выразительно прочитайте.
8. Как вы думаете, почему автор назвал это стихотворение «Русский огонёк»? Какой дополнительный смысл он вложил в каждое слово заглавия?

УТРО

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, —
Воспрянув духом, выбегу на холм
И всё увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...

1965 г.

1. К какому жанру лирики можно отнести стихотворение «Утро»?
2. Какие картины утреннего пробуждения природы рисует поэт? Какие слова используются для того, чтобы запечатлеть восход солнца? Обратите внимание на последовательность их появления в тексте.
3. В каких взаимоотношениях находятся мир природы и мир людей?
4. Как воздействует на лирического героя утреннее пробуждение природы?
5. Раскройте смысл последних двух строк стихотворения. Почему талант и творческие силы человека, по мнению поэта, неразрывно связаны с любовью к родной земле? Приведите пример произведения из белорусской литературы, в котором утверждалась бы схожая мысль.

Юрий Павлович КАЗАКОВ

1927—1982

Юрий Казаков родился и долгое время жил в Москве, в самом центре культурной жизни столицы — на Арбате. Неизгладимое впечатление на будущего писателя произвела Москва в период Великой Отечественной войны.

С пятнадцати лет началось увлечение музыкой: Юрий играл в джазовых и симфонических оркестрах. Но вечные вопросы веры и совести,

потребность в творческом самоопределении привели Казакова на Русский Север. Ещё мальчишкой он влюбился в стародавние избушки, проникся образом «мужика с лукошком», а уже студентом Литературного института отправился в командировку по Беломорью. Там молодой писатель, по его словам, «родился второй раз». Дикая природа, цельные, под стать ей люди, суровый поморский быт представлены в первых северных рассказах Казакова.

1. Ю. Казаков утверждал: «Человек с богатой внутренней биографией может возвыситься до выражения эпохи в своём творчестве, прожив в то же время жизнь, бедную внешними событиями. Таков был, например, Блок». Что такое «внутренняя биография»? Можно ли эти слова писателя отнести к нему самому?

О работе над рассказом «Голубое и зелёное» Ю. Казаков писал: «...Я скоро сел за другой — “Голубое и зелёное” — рассказ о первой любви. <...> Начинал его раза три и чувствовал, что у меня ничего не получается, потому что там очень молоденькие, очень наивные герои и любовь их весьма романтичная — школьная любовь. Поэтому я интуитивно понял, что <...> теперь надо писать в виде лирической исповеди...»

ГОЛУБОЕ И ЗЕЛЁНОЕ

1

— Лиля, — говорит она глубоким грудным голосом и подаёт мне горячую маленькую руку.

Я осторожно беру её руку, пожимаю и отпускаю. Я бормочу при этом своё имя. Кажется, я не сразу даже сообразил, что нужно назвать своё имя. Рука, которую я только что отпустил, нежно белеет в темноте. «Какая необыкновенная, нежная рука!» — с восторгом думаю я.

Мы стоим на дне глубокого двора. Как много окон в этом квадратном тёмном дворе: есть окна голубые, и зелёные, и розовые, и просто белые. Из голубого окна на втором этаже слышна музыка. Там включили приёмник, и я слышу джаз. Я очень люблю джаз, нет, не танцевать — танцевать я не умею, — я люблю слушать хороший джаз. Некоторые не любят, но я люблю. Не знаю, может быть, это плохо. Я стою и слушаю джазовую музыку со второго этажа, из голубого окна. Видимо, там прекрасный приёмник.

После того как она назвала своё имя, наступает долгое молчание. Я знаю, что она ждёт от меня чего-то. Может быть, она думает, что я заговорю, скажу что-нибудь весёлое, она, может, ждёт моего первого слова, вопроса какого-нибудь, чтобы заговорить самой. Но я молчу, я весь во власти необыкновенного ритма и серебряного звука трубы. Как хорошо, что играет музыка и я могу молчать!

Наконец мы трогаемся. Мы выходим на светлую улицу. Нас четверо: мой приятель с девушкой, Лиля и я. Мы идём в кино. В первый раз я иду в кино с девушкой, в первый раз меня знакомили с ней, и она подала мне руку и сказала своё имя. Чудесное имя, произнесённое грудным голосом! И вот мы идём рядом, совсем чужие друг другу и в то же время странно знакомые. Музыки больше нет, и мне не за что спрятаться. Мой приятель отстаёт со своей девушкой. В страхе я замедляю шаги, но те идут ещё медленней. Я знаю, он делает это нарочно. Это очень плохо с его стороны — оставить нас наедине. Никогда не ожидал от него такого предательства!

Что бы такое сказать ей? Что она любит? Осторожно, сбоку смотрю на неё: блестящие глаза, в которых отражаются огни, тёмные, наверное, очень жёсткие волосы, сдвинутые густые брови, придающие ей самый решительный вид... Но щёки у неё почему-то напряжены, как будто она сдерживает смех. Что бы ей всё-таки сказать?

— Вы любите Москву? — вдруг спрашивает она и смотрит на меня очень строго. Я вздрагиваю от её глубокого голоса. Есть ли ещё у кого-нибудь такой голос!

Некоторое время я молчу, переводя дух. Наконец собираюсь с силами. Да, конечно, я люблю Москву. Особенно я люблю арбатские переулки и бульвары. Но и другие улицы тоже люблю... Потом я снова умолкаю.

Мы выходим на Арбатскую площадь. Я принимаюсь насвистывать и сую руки в карманы. Пусть думает, что знакомство с ней мне не так уж интересно. Подумаешь! В конце концов, я могу уйти домой, я тут рядом живу, и вовсе не обязательно мне идти в кино и мучиться, видя, как дрожат её щёки.

Но мы всё-таки приходим в кино. До начала сеанса ещё минут пятнадцать. Мы стоим посреди фойе и слушаем певицу, но её плохо слышно: возле нас много народу, и все потихоньку разговаривают. Я давно заметил, что те, кто стоит в фойе, плохо слушают оркестр.

Слушают и аплодируют только передние, а сзади едят мороженое и конфеты и тихо переговариваются. Решив, что певицу всё равно не услышишь как следует, я принимаюсь разглядывать картины. Я никогда раньше не обращал внимания на них, но теперь я очень заинтересован. Я думаю о художниках, которые их нарисовали. Видимо, не зря повесили эти картины в фойе. Очень хорошо, что они висят тут.

Лиля смотрит на меня блестящими серыми глазами. Какая она красивая! Впрочем, она вовсе не красивая, просто у неё блестящие глаза и розовые крепкие щёки. Когда она улыбается, на щеках появляются ямочки, а брови расходятся и не кажутся уже такими строгими. У неё высокий чистый лоб. Только иногда на нём появляется морщинка. Наверное, она думает в это время.

Нет, я больше не могу стоять с ней! Почему она так меня рассматривает?

— Пойду покурю, — говорю я отрывисто и небрежно ухожу в курительную. Там я сажусь и вздыхаю с облегчением. Странно, но когда в комнате много дыма, когда воздух совсем тёмный от дыма, почему-то не хочется курить. Я осматриваюсь: стоят и сидят много людей. Некоторые спокойно разговаривают, другие молча торопливо курят, жадно затягиваются, бросают недокуренные папиросы и быстро выходят. Куда они торопятся? Интересно, если жадно курить, папироса делается кислой и горькой. Лучше всего курить не спеша, понемножку. Я смотрю на часы: до сеанса ещё пять минут. Нет, я, наверное, всё-таки глуп. Другие так легко знакомятся, разговаривают, смеются. Другие ужасно остроумны, говорят о футболе и о чём угодно. Спорят о кибернетике. Я бы ни за что не заговорил с девушкой о кибернетике. А Лиля жестокая, решаю я, у неё жёсткие волосы. У меня волосы мягкие. Наверное, поэтому я сижу и курю, хотя мне совсем не хочется курить. Но я всё-таки посижу ещё. Что мне делать в фойе? Опять смотреть на картины? Но ведь это плохие картины, и неизвестно, для чего их повесили. Очень хорошо, что я их раньше никогда не замечал.

Наконец звонок. Я очень медленно выхожу из курительной, разыскиваю в толпе Лилю. Не глядя друг на друга, мы идём в зрительный зал и садимся. Потом гаснет свет и начинается кинокартина.

Когда мы выходим из кино, приятель мой совсем исчезает. Это так действует на меня, что я перестаю вообще о чём-либо думать. Просто иду и молчу. На улицах нет почти никого. Быстро проносятся автомашины. Наши шаги гулко отдаются от стен и далеко слышны.

Так мы доходим до её дома. Останавливаемся опять во дворе. Поздно, уже не все окна горят, и во дворе темнее, чем было два часа назад. Много белых и розовых окон погасло, но зелёные ещё горят. Светится и голубое окно на втором этаже. Только музыки больше не слышно оттуда. Некоторое время мы стоим совершенно молча. Лиля странно ведёт себя: поднимает лицо, смотрит на окна, будто считает их; она почти отворачивается от меня, потом начинает поправлять волосы... Наконец я очень небрежно, как бы между прочим, говорю, что нам нужно ещё встретиться завтра. Я очень рад, что во дворе темно и она не видит моих пылающих ушей.

Она согласна встретиться. Я могу прийти к ней, её окна выходят на улицу. У неё каникулы, родные уехали на дачу, и ей немного скучно. Она с удовольствием погуляет.

Я размышляю, прилично ли будет пожать ей руку на прощание. Она сама протягивает мне узкую руку, белеющую в темноте, и я снова чувствую её теплоту и доверчивость.

2

На другой день я прихожу к ней засветло. Во дворе на этот раз много ребят. Двое из них с велосипедами: они собираются куда-то ехать; но, может быть, они уже приехали? Остальные стоят просто так. Мне кажется, все они смотрят на меня и отлично знают, зачем я пришёл. И я никак не могу пройти двором, я подхожу к её окнам на улицу. Я заглядываю в окно и откашливаюсь.

— Лиля, вы дома? — громко спрашиваю я. Я спрашиваю очень громко, и голос мой не дрожит. Это прямо замечательно, что у меня не прервался голос!

Да, она дома. У неё подруга. Они спорят о чём-то интересном, и я должен разрешить этот спор.

— Идите скорей! — зовёт меня Лиля.

Но мне невыносимо идти двором, я никак не могу идти двором...

— Я к вам влезу через окно! — решительно говорю я и вспрыгиваю на окно. Я очень легко и красиво вспрыгиваю на окно, перебрасываю одну ногу через подоконник и тут только замечаю насмешливое удивление подруги и замешательство Лили. Я сразу догадываюсь, что сделал какую-то неловкость, и застываю верхом на окне: одна нога на улице, другая в комнате. Я сижу и смотрю на Лилю.

— Ну, лезьте же! — нетерпеливо говорит Лиля. Брови её сходятся, и щёки всё больше краснеют.

— Не люблю летом торчать в комнатах... — бормочу я, делая высокомерное лицо. — Лучше я подожду вас на улице.

Я спрыгиваю с окна и отхожу к воротам. Как они смеются теперь надо мной! Я знаю, девчонки все жестокие и никогда нас не понимают. Зачем я пришёл сюда? Зачем мне служить посмешищем? Лучше всего мне уйти. Если побежать сейчас, то можно добежать до конца улицы и свернуть за угол, прежде чем она выйдет. Убежать или нет? Секунду я раздумываю: будет ли это удобно? Потом я поворачиваюсь и вдруг вижу Лилю. Она с подругой выходит из ворот, смотрит на меня, в глазах её ещё не погас смех, а на щеках играют ямочки.

На подругу я не смотрю. Зачем она идёт с нами? Что я буду с ними обеими делать? Я молчу, и Лиля начинает говорить с подругой. Они разговаривают, а я молчу. Когда мы проходим мимо афиш, я внимательно читаю их. Афиши можно иногда читать с конца, тогда выходят смешные гортанные слова. Доходим до угла, и тут подруга начинает прощаться. С признательностью я смотрю на неё. Она очень красивая и умная.

Подруга уходит, а мы идём на Тверской бульвар. Сколько влюблённых ходило по Тверскому бульвару! Теперь по нему идём мы. Правда, мы ещё не влюблённые. Впрочем, может быть, мы тоже влюблённые, я не знаю. Мы идём довольно далеко друг от друга. Примерно в метре друг от друга. Липы уже отцвели. Зато очень много цветов на клумбах. Они совсем не пахнут, и названий их никто, наверное, не знает.

Мы очень много говорим. Никак нельзя установить последовательности в нашем разговоре и в наших мыслях. Мы говорим о себе и о наших знакомых, мы перескакиваем с предмета на предмет и забываем то, о чём говорили минуту назад. Но нас это не смущает, у нас ещё много времени, впереди длинный, длинный вечер, и можно ещё вспомнить забытое. А ещё лучше вспоминать всё потом, ночью.

Вдруг я замечаю, что у неё расстегнулось платье. У неё чудное платье, я таких ни у кого не видел — от ворота до пояса мелкие кнопочки. И вот несколько кнопок теперь расстегнулось, а она этого не замечает. Но не может же она ходить по улицам в расстёгнутом платье! Как бы мне сказать ей об этом? Может быть, взять и застегнуть

самому? Сказать что-нибудь смешное и застегнуть, как будто это самое обыкновенное дело. Как было бы хорошо! Но нет, этого никак нельзя сделать, это просто невозможно. Тогда я отворачиваюсь, выжидаю паузу в разговоре и говорю, чтобы она застегнулась. Она сразу замолкает. А я смотрю на большую надпись, торчащую на крыше. Написано, что каждый может выиграть сто тысяч. Очень оптимистическая надпись. Вот бы нам выиграть когда-нибудь!

Потом я закуриваю. Я очень долго закуриваю. Вообще, во всех трудных минутах лучше всего закурить. Это очень помогает. Потом я несмело взглядываю на неё. Платье застёгнуто, щёки у неё пламенеют, глаза делаются тёмными и строгими. Она тоже смотрит на меня, смотрит так, будто я очень изменился или узнал про неё что-то важное. Теперь мы идём уже немного ближе друг к другу.

Час проходит за часом, а мы всё ходим, говорим и ходим. По Москве можно ходить без конца. Мы выходим к Пушкинской площади, от Пушкинской спускаемся к Трубной, оттуда по Неглинке идём к Большому театру, потом к Каменному мосту... Я готов ходить бесконечно. Я только спрашиваю у неё, не устала ли она. Нет, она не устала, ей очень интересно. Гаснут фонари на улицах. Небо, дождавшись темноты, опускается ниже, звёзды становятся больше. Потом начинается тихий рассвет. На бульварах, тесно прижавшись, сидят влюблённые. На каждой скамейке по одной паре. Я смотрю на них с завистью и думаю, будем ли мы с Лилей сидеть когда-нибудь так.

«Голубое и зелёное», 1970 (режиссёр — В. Гресь, сценарист — Ю. Казаков)

На улицах совсем нет людей, только милиционеры. Они все смотрят на нас. Некоторые выразительно покашливают, когда мы проходим. Наверное, им хочется что-нибудь сказать нам, но они не говорят. Лиля наклоняет голову и ускоряет шаг, а мне почему-то смешно. Теперь мы с ней идём почти рядом. Её рука иногда касается моей. Это совсем незаметные прикосновения, но я их чувствую.

Наконец мы расстаёмся в её тихом гулком дворе. Все спят, не горит ни одно окно. Мы понижаем наши голоса почти до шёпота, но слова всё равно звучат громко, и мне кажется, нас кто-то подслушивает.

Домой я прихожу в три часа. Только сейчас я чувствую, как гудят ноги. Как же тогда устала она! Я зажигаю настольную лампу и начинаю читать. Я читаю «Замок Броуди», который дала мне Лиля. Это замечательная книга, я читаю её и всё время вижу почему-то лицо Лили. Иногда я закрываю глаза и слышу её нежный грудной голос. Между страниц мне попадается длинный тёмный волос. Это её волос — ведь она читала «Замок Броуди». Почему я решил, что у неё жёсткие волосы? Это очень мягкий, шелковистый волос. Я осторожно сворачиваю его и кладу в том энциклопедии. Потом я спрячу его получше.

Совсем рассвело, и я не могу больше читать. Я ложусь и смотрю в окно. Мы живём очень высоко, на седьмом этаже. Из наших окон видны крыши многих домов. А вдали, там, откуда летом встаёт солнце, видна звезда Кремлёвской башни. Одна только звезда видна. Я люблю подолгу смотреть на эту звезду. Ночью, когда в Москве тихо, я слышу бой курантов. Ночью всё очень хорошо слышно. Я лежу, смотрю на звезду и думаю о Лиле.

3

А через неделю мы с матерью уезжаем на Север. Я давно мечтал об этой поездке — с самой весны. Но теперь жизнь в деревне для меня полна особенного значения.

Я впервые попадаю в леса, в настоящие дикие леса, и весь переполнен радостью первооткрывателя. У меня есть ружьё, — мне купили его, когда я окончил девять классов, — и я охочусь. Я брожу совсем один и не скучаю. Иногда я устаю. Тогда я сажусь и смотрю на широкую реку, на низкое осеннее небо. Август. И на Севере очень часто стоит плохая погода. Но и в плохую погоду, и в солнце я выхожу рано утром из дому и иду в лес. Там я охочусь и собираю грибы или просто перехожу с поляны на поляну и смотрю на белые ромашки, которых здесь множество. Мало ли что можно делать в лесу! Можно сесть на берегу озера и сидеть неподвижно. Прилетят утки, с шипением опустятся совсем рядом. Сначала они будут сидеть, прямо вытянув шеи, потом начнут нырять, плескаться, сплываться и расплываться. Я слежу за ними одними глазами, не поворачивая головы.

Потом выйдет солнце из-за туч, прорвётся через листья над моей головой и запустит золотые дрожащие пальцы глубоко в воду. Тогда становятся видными длинные ржавые стебли кувшинок. Возле стеблей показываются большие рыбы. Они застывают в солнечном луче, не шевеля ни одним плавником, будто греются или спят. И мне очень странно следить за ними. Глядя на них, сам цепенеешь и воспринимаешь всё как сквозь сон.

Мало ли что можно делать в лесу. Можно просто лежать, слушать гул сосен и думать о Лиле. Можно даже говорить с ней. Я рассказываю ей об охоте, об озёрах и лесах, о прекрасном запахе ружейного дыма, и она понимает меня, хотя женщины вообще не любят и не понимают охоты.

Иногда я возвращаюсь домой ночью. Я иду полем, и мне немного страшно. Со мной заряженное ружьё, но всё-таки я часто оглядываюсь. Очень темно. Только в небе, если долго смотреть, можно заметить слабый свет. Но на земле очень темно. Надо мной кругами беззвучно летают совы. Я вижу их, но, сколько бы я ни прислушивался, мне не удаётся услышать взмахов их крыльев. Однажды я выстрелил. Сова глухо ударилась о межу и долго потом щёлкала во тьме клювом...

Через месяц я возвращаюсь в Москву. Прямо с вокзала, едва поставив чемоданы, я иду к Лиле. Вечер, её окна светятся — значит, она дома. Я подхожу к окну, пробираясь через леса — её дом ремонтируют, — и смотрю сквозь занавеску.

Она сидит за столом одна у настольной лампы и читает. Лицо её задумчиво. Она перевёртывает страницу, облокачивается, поднимает глаза и смотрит на лампу, наматывая на палец прядь волос. Какие у неё тёмные глаза. Почему я раньше думал, что они серые? Они совсем тёмные, почти чёрные. Я стою под лесами, пахнет штукатуркой и сосной. Этот сосновый запах доносится ко мне как далёкий отзвук моих охот, как воспоминание обо всём, что я оставил на Севере. За моей спиной слышны шаги прохожих. Люди идут куда-то, спешат, чётко шагая по асфальту, у них свои мысли и свои любви, они живут каждый своей жизнью. Москва оглушила меня своим шумом, огнями, запахом, многолюдством, от которых я отвык за месяц. И я с робкой радостью думаю, как хорошо, что в этом огромном городе у меня есть любимая.

— Лиля! — зову я негромко.

Она вздрагивает, брови её поднимаются. Потом она встаёт, подходит к окну, отодвигает занавеску, наклоняется ко мне, и я близко вижу её тёмные радостные глаза.

— Алёша! — говорит она медленно. На щеках её появляются едва заметные ямочки. — Алёша! Это ты? Это правда ты? Я сейчас выйду. Ты хочешь гулять? Я очень хочу гулять с тобой. Я сейчас выйду.

Я выбираюсь из лесов, перехожу на другую сторону и смотрю на её окна. Вот гаснет свет, проходит короткая минута, и в чёрной дыре ворот показывается фигура Лили. Она сразу замечает меня и бежит ко мне через улицу. Она хватает мои руки и долго держит их в своих руках. Мне кажется, она загорела и немного похудела. Глаза её стали ещё больше. Я слышу, как колотится её сердце и прерывается дыхание.

— Пойдём гулять! — говорит наконец она. И тут я обращаю внимание, что она говорит мне «ты». Мне очень хочется сесть или прислониться к чему-нибудь — так вдруг ослабли мои ноги. Даже после самых утомительных охот они так не дрожали.

Но мне неудобно идти с ней. Я только на минуту зашёл повидать её. Я так плохо одет. Я прямо с дороги. На мне лыжный костюм, сбитые ботинки. Костюм прожжён в нескольких местах. Это я ночевал на охоте. Когда спишь у костра, очень часто прожигаешь куртку и брюки. Нет, я никак не могу идти с ней.

— Какая чепуха! — беспечно говорит она и тянет меня за руку. Ей нужно со мной поговорить. Она совсем одна, подруги ещё не приехали, родители на даче, она страшно скучает и всё время ждала меня. При чём здесь костюм? И потом, почему я не писал? Мне, наверное, было приятно, что другие мучаются?

И вот мы опять идём по Москве. Очень странный, сумасшедший какой-то вечер. Начинается дождь, мы прячемся в гулкий подъезд и, задыхаясь от быстрого бега, смотрим на улицу. С шумом падает вода по водосточной трубе, тротуары блестят, автомашины проезжают совсем мокрые, и от них к нам ползут красные и белые змейки света, отражающегося на мокром асфальте. Потом дождь перестаёт, мы выходим, смеёмся, перепрыгиваем через лужи. Но дождь начинается с новой силой, и мы снова прячемся. На её волосах блестят капли дождя. Но ещё сильней блестят её глаза, когда она смотрит на меня.

— Ты вспоминал обо мне? — спрашивает она. — Я почти всё время о тебе думала, хоть и не хотела. Сама не знаю почему. Ведь мы знакомы так мало. Правда? Я читала книгу и вдруг думала, понрави-

лась бы она тебе? У тебя уши не краснели? Говорят, если думаешь долго о ком-нибудь, у него начинают уши краснеть. Я даже в Большой не пошла. Мне мама дала один билет, а я не пошла. Ты любишь оперу?

— Ещё бы! Я, может, скоро стану певцом. Мне сказали, что у меня хороший бас.

— Алёша! У тебя бас? Спой, пожалуйста! Ты потихоньку спой, и никто не услышит, одна я.

Сначала я отказываюсь. Потом я всё-таки пою. Я пою романсы и арии и не замечаю, что дождь уже кончился, по тротуару идут прохожие и оглядываются на нас. Лиля тоже не замечает ничего. Она смотрит мне в лицо, и глаза её блестят.

4

Молодым быть очень плохо. Жизнь проходит быстро, тебе уже семнадцать или восемнадцать лет, а ты ещё ничего не сделал. Неизвестно даже, есть ли у тебя какие-нибудь таланты. А хочется большой, бурной жизни! Хочется писать стихи, чтобы вся страна знала их наизусть. Или сочинить героическую симфонию и выйти потом к оркестру — бледному, во фраке, с волосами, падающими на лоб... И чтобы в ложе непременно сидела Лиля! Что же мне делать? Что сделать, чтобы жизнь не прошла даром, чтобы каждый день был днём борьбы и побед! Я живу в тоске, меня мучит мысль, что я не герой, не открыватель. Способен ли я на подвиг? Не знаю. Способен ли я на тяжёлый труд, хватит ли у меня сил на свершение великих дел? Хуже всего то, что никто не понимает моей муки. Все смотрят на меня, как на мальчишку, даже иной раз ерошат мне волосы, будто мне ещё десять лет! И только Лиля, одна Лиля понимает меня, только с ней я могу быть до конца откровенным.

Мы давно уже занимаемся в школе: она в девятом, я — в десятом. Я решил заняться плаванием и стать чемпионом СССР, а потом и мира. Уже три месяца хожу в бассейн. Кроль — самый лучший стиль. Это самый стремительный стиль. Он мне очень нравится. Но по вечерам я люблю мечтать.

Есть зимой короткая минута, когда снег на крышах и небо делаются тёмно-голубыми в сумерках, даже лиловыми. Я стою у окна, смотрю в открытую форточку на лиловый снег, дышу нежным морозным воздухом, и мне почему-то грезятся далёкие путешествия, неизвестные страны, горы... Я голодаю, обрастаю рыжей бородой, меня

печёт солнце или до костей прохватывает мороз, я даже гибну, но открываю ещё одну тайну природы. Вот жизнь! Если бы мне попасть в экспедицию!

Я начинаю ходить по трестам и главкам. Их много в Москве, и все они со звучными загадочными названиями. Да, экспедиции отправляются. В Среднюю Азию, и на Урал, и на Север. Да, работники нужны. Какая у меня специальность? Ах, у меня нет специальности... Очень жаль, но мне ничем не могут помочь. Мне необходимо учиться. Рабочим? Рабочих они нанимают на месте. Всего доброго!

И снова я хожу в школу, готовлю уроки... Что ж, придётся покориться обстоятельствам. Хорошо, я окончу десять классов и даже поступлю в институт. Мне теперь всё безразлично. Я поступлю в институт и стану потом инженером или учителем. Но в моём лице люди потеряют великого путешественника.

Наступил декабрь. Всё свободное время я провожу с Лилей. Я люблю её ещё больше. Я не знал, что любовь может быть бесконечной. Но это так. С каждым месяцем Лиля делается мне всё дороже, и уже нет жертвы, на которую я бы не пошёл ради неё. Она часто звонит мне по телефону. Мы долго разговариваем, а после разговора я никак не могу взяться за учебники. Начались сильные морозы с метелями. Мать собирается ехать в деревню, но у неё нет тёплого платка. Старинная тёплая шаль есть у тёти, которая живёт за городом. Мне нужно поехать и привезти эту шаль.

В воскресенье утром я выхожу из дому. Но вместо того чтобы ехать на вокзал, я захожу к Лиле. Мы идём с ней на каток, потом — греться в Третьяковку. В Третьяковке зимой очень тепло, там есть стулья, и на стульях можно посидеть и потихоньку поговорить. Мы бродим по залам, смотрим картины. Особенно я люблю «Девочку с персиками» Серова. Эта девочка очень похожа на Лилю. Лиля краснеет и смеётся, когда я говорю ей об этом. Иногда мы совсем забываем о картинах, разговариваем шёпотом и смотрим друг на друга. Между тем быстро темнеет. Третьяковка скоро закрывается, мы выходим на мороз, и тут я вспоминаю, что мне нужно было съездить за шалью. Я с испугом говорю об этом Лиле. Ну что ж, очень хорошо, мы сейчас же поедем за город.

И мы едем, радостные оттого, что нам не нужно расставаться. Мы сходим на платформе, засыпанной снегом, и идём дорогой через поле.

Впереди и сзади темнеют фигуры людей, идущих вместе с нами с электрички. Слышны разговоры и смех, вспыхивают огоньки папирос. Иногда кто-нибудь впереди бросает окурок на дорогу. Мы подходим, он всё ещё светится. Вокруг огонька — маленькое розовое пятнышко на снегу. Мы не наступаем на него. Пусть ещё посветится во тьме. Потом мы переходим через замёрзшую реку, и под нами гулко скрипит деревянный мост. Очень сильный мороз. Мы идём тёмной просекой. По сторонам совсем чёрные ели и сосны. Тут гораздо темнее, чем в поле. Только из окон некоторых дач падают на снег жёлтые полосы света. Многие дачи стоят совсем глухие, тёмные: в них, наверное, зимой не живут. Сильно пахнет берёзовыми почками и чистым снегом, в Москве так никогда не пахнет.

Наконец мы подходим к дому моей тёти. Почему-то мне представляется невозможным заходить к ней вместе с Лилей.

— Лиля, ты подождёшь меня немного? — нерешительно прошу я. — Я очень скоро.

— Хорошо, — соглашается она. — Только недолго. Я совсем замёрзла. У меня замёрзли ноги. И лицо. Нет, ты не думай, я рада, что поехала с тобой! Только ты недолго, правда?

Я ухожу, оставляя её на тёмной просеке совсем одну. У меня очень нехорошо на сердце.

Тётя и двоюродная сестра удивлены и обрадованы. Почему я так поздно? Как я вырос! Совсем мужчина. Наверное, я останусь ночевать?

— Как здоровье мамы?

— Спасибо, очень хорошо.

— Папа работает?

— Да, папа работает.

— Всё там же? А как здоровье дяди?

Господи, тысячи вопросов! Сестра смотрит расписание поездов. Ближайший обратный поезд идёт в одиннадцать часов. Я должен раздеться и напиться чаю. И потом я должен дать им посмотреть на себя и рассказать обо всём. Ведь я не был у них целый год. Год — это очень много.

Меня насильно раздевают. Топится печка, ярко горит лампа в розовом абажуре, стучат старинные часы. Очень тепло и очень хочется чаю. Но на тёмной просеке меня ждёт Лиля!

Наконец я говорю:

— Простите, но я очень спешу... Дело в том, что я не один. Меня на улице ждёт... один приятель.

Как меня ругают! Я совсем невоспитанный человек. Разве можно оставлять человека на улице в такой холод! Сестра выбегает в сад, я слышу под окном хруст её шагов. Немного погодя хрустит снег, и сестра вводит в комнату Лилю. Она совсем белая. Её раздевают и сажают к печке. На ноги ей надевают тёплые валенки.

Понемногу мы отогреваемся. Потом садимся пить чай. Лиля стала пунцовой от тепла и смущения. Она почти не поднимает глаз от чашки, только изредка страшно серьёзно взглядывает на меня. Но щёки её напряжены, и на них дрожат ямочки. Я уже знаю, что это значит, и очень счастлив! Я выпил уже пять стаканов чаю.

Потом мы встаём из-за стола. Пора ехать. Мы одеваемся, мне дают шаль. Но вдруг раздумывают, велят Лиле раздеться, укутывают её шалью и сверху натягивают пальто. Она очень толстая теперь, лицо её почти всё закрыто шалью, только блестят глаза.

Мы выходим на улицу и первое время ничего не видим. Лиля крепко держится за меня. Отойдя от дома, мы начинаем немного различать тропинку. Лиля вдруг начинает хохотать. Она даже падает два раза, и мне приходится поднимать её и вытряхивать снег из рукавов.

— Какой у тебя был вид! — еле выговаривает она. — Ты смотрел на меня, как страус, когда меня привели!

Я тоже хохочу во всё горло.

— Алёша! — вдруг со сладким ужасом говорит она. — А ведь нас могут остановить!

— Кто?

— Ну, мало ли кто! Бандиты... Они могут нас убить.

— Ерунда! — говорю я громко.

Кажется, я говорю это слишком громко. И почему-то вдруг начинаю чувствовать, что на улице мороз. Он даже как будто покрепчал, пока мы пили чай и разговаривали.

— Ерунда! — опять повторяю я. — Никого здесь нет!

— А вдруг есть? — быстро спрашивает Лиля и оглядывается.

Я тоже оглядываюсь.

— Ты боишься? — звонко спрашивает она.

— Нет! Хотя... А ты боишься?

— Ах, я страшно боюсь! Нас определённо разденут. У меня предчувствие.

— Ты веришь предчувствиям?

— Верю. Зачем я поехала? Впрочем, я рада всё равно, что поехала.

— Да?

— Да! Если даже нас разденут и убьют, я всё равно не пожалею. А ты? Ты согласился бы умереть ради меня?

Я молчу и только крепче сжимаю её руку. Если бы мне только представился случай, чтобы доказать ей свою любовь!

— Алёша...

— Да?

— Я у тебя хочу спросить... Только ты не смотри на меня. Не смей заглядывать мне в лицо! Да... о чём я хотела? Отвернись!

— Ну вот, я отвернулся. Только ты смотри на дорогу. А то мы споткнёмся.

— Это ничего, я в платке, мне не больно падать.

— Да?

— Алёша... Ты целовался когда-нибудь?

— Нет. Никогда не целовался. А что?

— Совсем никогда?

— Я целовался один раз... Но это было в первом классе. Я поцеловал одну девочку. Я даже не помню, как её звать.

— Правда? Ты не помнишь её имени?

— Нет, не помню.

— Тогда это не считается. Ты был ещё мальчик.

— Да, я был мальчик.

— Алёша... Ты хочешь меня поцеловать?

Я всё-таки спотыкаюсь. Теперь я не отворачиваюсь больше, я внимательно смотрю на дорогу.

— Когда? Сейчас? — спрашиваю я.

— Нет, нет... Если мы дойдём до станции и нас не убьют, тогда на станции я тебя поцелую.

Я молчу. Мороз, кажется, послабел. Я совсем его не чувствую. Очень горят щёки. И жарко. Или мы так быстро идём?

— Алёша...

— Да?

— Я совсем ни с кем не целовалась.

Я молча взглядываю на звёзды. Потом я смотрю вперёд, на желтоватое зарево огней над Москвой. До Москвы тридцать километров, но зарево её огней видно. Как всё-таки чудесна жизнь!

— Это, наверное, стыдно — целоваться? Тебе было стыдно?

— Я не помню, это было так давно... По-моему, это не особенно стыдно.

— Да, это было давно. Но всё-таки это, наверное, стыдно.

Мы идём уже полем. На этот раз мы совсем одни в пустом поле. Ни души не видно ни впереди, ни сзади. Никто не бросает на дорогу горящих окурков. Только звонко скрипят наши шаги. Вдруг впереди вспыхивает светлячок, похожий на далёкую свечку. Он вспыхивает, качается некоторое время и гаснет. Потом опять зажигается, но уже близко. Мы смотрим на этот огонёк и наконец догадываемся: это электрический фонарик. Потом мы замечаем маленькие чёрные фигуры. Они идут нам навстречу от станции. Может быть, это приехавшие на электричке? Нет, электричка не проходила, мы не слыхали никакого шума.

— Ну вот... — говорит Лиля и крепче прижимается ко мне. — Я так и знала. Сейчас нас убьют. Это бандиты.

Что я могу ей сказать? Я ничего не говорю. Мы идём навстречу чёрным фигурам, мы очень медленно идём. Я вглядываюсь, считаю: шесть человек. Нащупываю в кармане ключ и вдруг испытываю прилив горячего восторга и отваги. Как я буду драться с ними! Я задыхаюсь от волнения, сердце моё бурно колотится. Они громко говорят о чём-то, но шагах в двадцати от нас замолкают.

— Лучше бы я тебя поцеловала, — печально говорит Лиля. — Я очень жалею...

И вот мы встречаемся на дороге среди пустынного поля. Шестеро останавливаются, зажигают фонарик, его слабый красноватый луч, скользнув по снегу, падает на нас. Мы щуримся. Нас оглядывают и молчат. У двоих распахнуты пальто. Один торопливо докуривает папиросу, сплёвывает в снег. Я жду оклика или удара. Но нас не окликают. Мы проходим.

— А девочка ничего, — сожалеюще замечает кто-то сзади. — Эй, малый, не робей! А то отобьём!

— Ты испугался, да? — спрашивает Лиля немного погодя.

— Нет! Я только за тебя боялся...

— За меня? — она сбоку странно смотрит на меня и замедляет шаги. — А я ни капельки не боялась! Мне только платка жалко было.

Больше до самой станции мы не говорим. У станции Лиля, становясь на цыпочки и обсыпаясь снегом, срывает веточку сосны и суёт

в карман. Потом мы поднимаемся на платформу. Никого нет. У кассы горит одна лампочка, и снег на платформе блестит, как соль. Мы начинаем топать: очень холодно. Лиля вдруг отходит от меня и прислоняется к перилам. Я стою на краю платформы, над рельсами, и вытягиваю шею, стараюсь увидеть огонёк электрички.

— Алёша... — зовёт меня Лиля. У неё странный голос. Я подхожу. Ноги мои дрожат, мне делается вдруг чего-то страшно.

— Прижмись ко мне, Алёша, — просит Лиля. — Я совсем замёрзла.

Я обнимаю её и прижимаюсь к ней, и моё лицо почти касается её лица. Я близко вижу её глаза. Я впервые так близко вижу её глаза. На ресницах у неё густой иней, волосы выбились из-под шали, и на них тоже иней. Какие у неё большие глаза и какой испуганный взгляд! Снег скрипит у нас под ногами. Мы стоим неподвижно, но он скрипит. Сзади раздаётся вдруг звонкий щелчок. Он сухо катится по доскам, как по льду на реке, и затихает где-то на краю платформы. Почему мы молчим? Впрочем, совсем не хочется говорить.

Лиля шевелит губами. Глаза её делаются совсем чёрными.

— Что же ты не целуешь меня? — слабо шепчет она. Пар от нашего дыхания смешивается. Я смотрю на её губы. Они опять шевелятся и приоткрываются. Я нагибаюсь и долго целую их, и весь мир начинает бесшумно кружиться. Они тёплые. Во время поцелуя Лиля смотрит на меня, прикрыв пушистые ресницы. Она целуется и смотрит на меня, и теперь я вижу, как она меня любит.

Так мы целуемся в первый раз. Потом она прижимается холодной щекой к моему лицу, и мы стоим не шевелясь. Я смотрю поверх её плеча, в тёмный зимний лес за платформой. Я чувствую на лице её тёплое детское дыхание и слышу торопливый стук её сердца, а она, наверное, слышит стук моего сердца. Потом она шевелится и затаивает дыхание. Я отклоняюсь, нахожу её губы и опять целую. На этот раз она закрывает глаза.

Вдали слышен низкий гудок, сверкает ослепительная звёздочка. Подходит электричка. Через минуту мы входим в светлый и тёплый вагон, со стуком захлопываем за собой дверь и садимся на тёплую лавочку. Людей в вагоне мало. Одни читают, шуршат газетами, другие дремлют, покачиваясь вместе с вагоном. Лиля молчит и всю дорогу смотрит в окно, хоть стёкла замёрзли, на дворе ночь и решительно ничего нельзя увидеть.

5

Наверное, никогда невозможно с точностью указать минуту, когда пришла к тебе любовь. И я никак не могу решить, когда я полюбил Лилю. Может быть, тогда, когда я, одинокий, бродил по Северу? А может, во время поцелуя на платформе? Или тогда, когда она впервые подала мне руку и нежно сказала своё имя: Лиля? Я не знаю. Я только одно знаю, что теперь уж я не могу без неё. Вся моя жизнь теперь делится на две части: до неё и при ней. Как бы я жил и что значил без неё? Я даже думать об этом не хочу, как не хочу думать о возможной смерти моих близких.

Зима наша прошла чудесно. Всё было наше, всё было общее: прошлое и будущее, радость и вся жизнь до последнего дыхания. Какое счастливое время, какие дни, какое головокружение!

Но весной я начинаю кое-что замечать. Нет, я ничего не замечаю, я только чувствую с болью, что наступает что-то новое. Это даже трудно выразить. Просто у нас обнаруживается разница в характерах. Ей не нравятся мои взгляды, она смеётся над моими мечтами, смеётся жестоко, и мы несколько раз ссоримся. Потом... Потом всё катится под гору, всё быстрей, всё ужаснее. Всё чаще её не оказывается дома, всё чаще разговоры наши делаются неестественно весёлыми и пустыми. Я чувствую, как уходит она от меня с каждым разом всё дальше, всё дальше...

Сколько в мире девушек, которым по семнадцать лет! Но ты знаешь одну, только одной ты смотришь в глаза, видишь их блеск, и глубину, и влажность, только её голос трогает тебя до слёз, только её руки ты боишься даже поцеловать. Она говорит с тобой, слушает тебя, смеётся, молчит, и ты видишь, что ты единственный ей нужен, что только тобой она живёт и для тебя, что тебя одного она любит, так же, как и ты её.

Но вот ты с ужасом замечаешь, что глаза её, прежде отдававшие тебе свою теплоту, свой блеск, свою жизнь, глаза её теперь равнодушны, ушли в себя и что вся она ушла от тебя в такую дальнюю даль, где тебе её уже не достать, откуда не вернуть её. Самые священные твои порывы, затаённые и гордые мысли — не для неё, и сам ты со своей сложностью и красотой своей души — не для неё. Ты гонишься за нею, ты напрягаешься, усиливаешься, но всё мимо, мимо, всё не то и не так. Она ускользнула, ушла, она где-то у себя, в своём чудесном неповторимом мире, а тебе нет туда доступа, ты грешник — и рай не для тебя. Какое же отчаяние, злоба, сожаление и горе охватывают тебя!

Ты опустошён, обманут, уничтожен и несчастен! Всё ушло, и ты стоишь с пустыми руками, и впору тебе упасть и кричать, взывая к неведомому Богу о своей боли и бессилии. И когда ты упадёшь и закричишь, она взглянет на тебя, в глазах её появятся испуг, удивление, жалость — всё, но того, что тебе надо, не появится, и единственного взгляда ты не получишь, её любовь, её жизнь не для тебя. Ты даже можешь стать героем, гением, человеком, которым будет гордиться страна, но единственного взгляда ты никогда не получишь. Как больно! Как тяжело жить!

И вот уже весна... Много солнца и света, голубое небо, липы на бульварах начинают тонко пахнуть. Все бодро оживлены, все собираются встречать май. И я, как и все, тоже собираюсь. Мне подарили к маю сто рублей — теперь я самый богатый человек! И у меня впереди целых три свободных дня. Три дня, которые я проведу с Лилей, — не станет же она и в эти дни готовиться к экзаменам! Нет, я не пойду никуда, никакие компании мне не нужны, я буду эти дни вместе с ней. Мы так давно не были вместе...

Но она не может быть со мной. Ей нужно ехать на дачу к больному дяде. Её дядя болен, и ему скучно, он хочет встретить май в кругу родных, и вот они едут — её родители и она. Прекрасно! Очень хорошо встретить май на даче. Но мне так хочется побыть с ней... Может быть, второго мая?

Второго? Она раздумывает, наморщив лоб, и слегка краснеет. Да, может быть, она вырвется... Конечно, она очень хочет! Мы ведь так давно не были вместе. Итак, второго вечером, у Телеграфа на улице Горького.

В назначенный час я стою у Телеграфа. Как много здесь народу! Над моей головой глобус. Ещё сумерки, но он уже светится — голубой, с жёлтыми материками — и тихонько крутится. Полыхает иллюминация: золотые колосья, голубые и зелёные искры. От света иллюминации лица у всех очень красивые. У меня в кармане сто рублей. Я их не истратил вчера, и они со мной — мало ли куда мы можем пойти сегодня. В парк или в кино... Я терпеливо жду. Кругом все нервничают, но я удивительно спокоен.

По улице, прямо посередине, идут толпы людей. Как много девушек и ребят, и все поют, кричат что-то, играют на аккордеонах. На всех домах флаги, лозунги, много огней. Поют песни, и мне тоже хочется

запеть, ведь у меня хороший голос. У меня бас. Я когда-то мечтал стать певцом. О многом я мечтал...

Вдруг я вижу Лилю. Она пробирается ко мне. Поднимается по ступенькам, и на неё все оглядываются — так она красива. Я никогда не видел её такой красивой. Сердце моё начинает колотиться. Она быстро оглядывает всех, глаза её перебегают по лицам, ищут кого-то. Они ищут меня. Я делаю шаг ей навстречу, один только шаг, и вдруг острая боль ударяет меня в сердце и во рту становится сухо. Она не одна! Рядом с ней стоит парень в шляпе и смотрит на меня. Он красивый, этот парень, и он держит её под руку. Да, он держит её под руку, тогда как я только на второй месяц осмелился взять её под руку.

— Здравствуй, Алёша, — говорит Лиля. Голос у неё немного дрожит, в глазах смущение. Только небольшое смущение, совсем маленькое. — Ты давно ждёшь? Мы, кажется, опоздали...

Она смотрит на большие часы под глобусом и чуть хмурится. Потом она поворачивает голову и смотрит на парня. У неё очень нежная шея, когда она смотрит на него. Смотрела ли она так на меня?

— Познакомьтесь, пожалуйста!

Мы знакомимся. Он крепко жмёт мне руку. В его пожатии уверенность.

— Ты знаешь, Алёша, сегодня у нас с тобой ничего не выйдет. Мы идём сейчас в Большой театр... Ты не обижаешься?

— Нет, я не обижаюсь.

— Ты проводишь нас немножко? Тебе ведь всё равно сейчас нечего делать.

— Провожу. Мне действительно нечего делать.

Мы вливаемся в поток и вместе с потоком движемся вниз, к Охотному Ряду. Зачем я иду? Что со мной делается? Кругом поют. Играют аккордеоны. На крышах домов гремят репродукторы. В кармане у меня сто рублей! Совсем новая хрустящая бумажка в сто рублей. Но зачем я иду, куда я иду!

— Ну, как дядя? — спрашиваю я.

— Дядя? Какой дядя?.. Ах, ты про вчерашнее? — она закусывает губу и быстро взглядывает на парня. — Дядя поправляется... Мы очень здорово встретили май, так весело было! Танцевали... А ты? Ты хорошо встретил?

— Я? Очень хорошо.

— Ну, я рада!

Мы заворачиваем к Большому театру. Мы идём все рядом, втроём. Теперь не я держу её под руку. Её руку держит этот красивый парень. И она уже не со мной, она с ним. Она сейчас за тысячу вёрст от меня. Почему у меня першит в горле? И щиплет глаза? Заболел я, что ли? Доходим до Большого театра, останавливаемся. Молчим. Совершенно не о чем говорить. Я вижу, как парень легонько сжимает её локоть.

— Ну, мы пойдём. До свидания! — говорит Лиля и улыбается мне. Какая у неё виноватая и в то же время отсутствующая улыбка!

Я пожимаю её руку. Всё-таки у неё прекрасная рука. Они поворачиваются и неторопливо идут под колонны. А я стою и смотрю ей вслед. Она очень выросла за этот год. Ей уже семнадцать лет. У неё легкая фигура. Где я впервые увидел её фигуру? Ах, да, в чёрной дыре ворот, когда я приехал с Севера. Тогда её фигура поразила меня. Потом я любовался ею в Колонном зале и в консерватории. Потом на школьном балу... Изумительный зимний бал! А сейчас она уходит и не оглядывается. Раньше она всегда оглядывалась, когда уходила. Иногда она даже возвращалась, внимательно смотрела мне в лицо и спрашивала:

— Ты что-то хочешь мне сказать?

— Нет, ничего, — отвечал я со смехом, счастливый оттого, что она вернулась.

Она быстро оглядывалась по сторонам и говорила:

— Поцелуй меня!

И я целовал её, пахнущую морозом, на площади или на углу улицы. Она любила эти мгновенные поцелуи на улице.

— Откуда им знать! — говорила она о людях, которые могли увидеть наш поцелуй. — Они ничего не знают! Может, мы брат и сестра. Правда?

Теперь она не оглядывается. Я стою, и мимо меня идут люди, обходят меня, как стол, как вещь. То и дело слышен смех. Идут по двое, и по трое, и целыми группами, — совсем нет одиноких. Одинокому невыносимо на праздничной улице. Одинокие, наверное, сидят дома. Я стою и смотрю... Вот они уже скрылись в освещённом подъезде. Весь вечер они будут слушать оперу, наслаждаясь своей близостью. Надо мной в фиолетовом небе летит и никак не может улететь крылатая четвёрка коней. И в кармане у меня сто рублей. Совсем новая бумажка, которую я не истратил вчера...

6

Прошёл год. Мир не разрушился, жизнь не остановилась. Я почти позабыл о Лиле. Да, я забыл о ней. Вернее, я старался не думать о ней. Зачем думать? Один раз я встретился с ней на улице. Правда, у меня похолодела спина, но я держался ровно. Я совсем потерял интерес к её жизни. Я не спрашивал, как она живёт, а она не спросила, как живу я. Хотя у меня произошло за это время много нового. Год — это ведь очень много!

Я учусь в институте. Я очень хорошо учусь, никто не отвлекает меня от учёбы, никто не зовёт меня гулять. У меня много общественной работы. Я занимаюсь плаванием и уже выполнил норму первого разряда. Наконец-то я овладел кролем. Кроль — самый стремительный стиль. Впрочем, это не важно.

Однажды я получил от неё письмо. Опять весна, снова май, лёгкий май, у меня очень легко на душе. Я люблю весну. Я сдаю экзамены и перехожу на второй курс. И вот я получаю от неё письмо. Она пишет, что вышла замуж. Ещё она пишет, что уезжает с мужем на Север, и очень просит прийти проводить её. Она называет меня «милый», и она пишет в конце письма: «Твоя старая, старая знакомая».

Я долго сижу и смотрю на обои. У нас красивые обои с очень замысловатым рисунком. Я люблю смотреть на эти рисунки. Конечно, я провожу её, раз она хочет. Почему бы нет? Она не враг мой, она не сделала мне ничего плохого. Я провожу её, тем более что я давно всё забыл: мало ли чего не бывает в жизни! Разве всё запомнишь, что случилось с тобой год назад!

И я еду на вокзал в тот день и час, которые написала она мне в письме. Долго ищу я её на перроне, наконец нахожу. Я увидел её внезапно и даже вздрогнул. Она стоит в светлом платье с открытыми руками, и первый загар уже тронул её руки и лицо. У неё по-прежнему нежные руки. Но лицо изменилось, оно стало лицом женщины. Она уже не девочка, нет, не девочка... С ней стоят родные и муж — тот самый парень. Они все громко говорят и смеются, но я замечаю, как Лиля нетерпеливо оглядывается: она ждёт меня.

Я подхожу. Она тотчас берёт меня под руку.

— Я на одну минуту, — говорит она мужу с нежной улыбкой.

Муж кивает и приветливо смотрит на меня. Да, он меня помнит. Он великодушно протягивает мне руку. Потом мы с Лилей отходим.

— Ну вот я и дама, и уезжаю, и прощай, Москва, — говорит Лиля и грустно смотрит на башни вокзала. — Я рада, что ты приехал. Странно как-то всё... Ты очень вырос. Как ты живёшь?

— Хорошо, — отвечаю я и пытаюсь улыбнуться. Но улыбка у меня не получается, почему-то деревенеет лицо. Лиля внимательно смотрит на меня, лоб её перерезает морщинка. Это у неё всегда, когда она думает.

— Что с тобой? — спрашивает она.

— Ничего. Я просто рад за тебя... Давно вы поженились?

— Всего неделю. Это такое счастье!

— Да, это счастье.

Лиля смеётся.

— Откуда тебе знать! Но постой, у тебя очень странное лицо!

— Это кажется. Это от солнца. Потом, я немного устал, у меня ведь экзамены. Немецкий...

— Проклятый немецкий? — смеётся она. — Помнишь, я тебе помогала?

— Да, я помню, — я раздвигаю губы и улыбаюсь.

— Слушай, Алёша, в чём дело? — тревожно спрашивает Лиля, придвигаясь ко мне. И я опять близко вижу её прекрасное лицо, из которого уже ушло что-то. Да, оно переменилось, оно теперь почти чужое мне. Лучше ли оно стало, я не могу решить. — Ты скрываешь что-то, — с упрёком говорит она. — Раньше ты был не такой!

— Нет, нет, ты ошибаешься, — убеждённо говорю я. — Просто я не спал ночь.

Она смотрит на часы. Потом оглядывается. Муж кивает ей.

— Сейчас! — кричит она ему и снова берёт меня за руку. — Ты знаешь, как я счастлива! Порадуйся же за меня. Мы едем на Север, на работу... Помнишь, как ты рассказывал мне о Севере? Вот... Ты рад за меня?

Зачем, зачем она спрашивает у меня об этом? Вдруг она начинает смеяться.

— Ты знаешь, я вспомнила... Помнишь, зимой на платформе мы с тобой поцеловались? Я тебя поцеловала, а ты дрожал так, что платформа скрипела. Ха-ха-ха... У тебя был тогда глупый вид.

Она смеётся. Потом смотрит на меня весёлыми серыми глазами. Днём глаза у неё серые. Только вечером они кажутся тёмными. На щеках у неё дрожат ямочки.

— Какие мы дураки были! — беспечно говорит она и оглядывается на мужа. Во взгляде её нежность.

— Да, мы были дураки, — соглашаюсь я.

— Нет, дураки — не так, не то... Мы были просто глупые дети. Правда?

— Да, мы были глупые дети.

Впереди загорается зелёный огонёк светофора. Лиля идёт к вагону. Её ждут.

— Ну, прощай! — говорит она. — Нет, до свиданья! Я тебе напишу, обязательно!

— Хорошо.

Я знаю, что она не напишет. Зачем? И она знает это. Она искоса взглядывает на меня и немного краснеет.

— Я всё-таки рада, что ты пришёл проводить. И, конечно, без цветов! Ты никогда не подарил мне ни одного цветка!

— Да, я не подарил тебе ничего...

Она оставляет мою руку, берёт под руку мужа, и они поднимаются на площадку вагона. Мы остаёмся внизу на платформе. Её родные что-то спрашивают у меня, но я ничего не понимаю. Впереди низко и долго гудит электровоз. Вагоны трогаются. Удивительно мягко трогает электровоз вагоны! Все улыбаются, машут платками, кепками, кричат, идут рядом с вагонами. Играют сразу две или три гармошки в разных местах, в одном вагоне громко поют. Наверно, студенты. Лиля уже далеко. Одной рукой она держится за плечо мужа, другой машет нам. Даже издали видно, какие нежные у неё руки. И ещё видно, какая счастливая у неё улыбка.

Поезд уходит. Я закуриваю, засовываю руки в карманы и с потоком провожающих иду к выходу на площадь. Я сжимаю папиросу в зубах и смотрю на серебристые фонарные столбы. Они очень блестят от солнца, даже глазам больно. И я опускаю глаза. Теперь можно признаться: весь год во мне всё-таки жила надежда. Теперь всё кончено. Ну что ж, я рад за неё, честное слово, рад! Только почему-то очень болит сердце.

Обычное дело, девушка вышла замуж — это ведь всегда так случается. Девушка выходит замуж, это очень хорошо. Плохо только, что я не могу плакать. Последний раз я плакал в пятнадцать лет. Теперь мне двадцатый. И сердце стоит в горле и поднимается всё выше — ско-

ро его можно будет жевать, а я не могу плакать. Очень хорошо, что девушки выходят замуж...

Я выхожу на площадь, в глаза мне бросается циферблат часов на Казанском вокзале. Странные фигуры вместо цифр — я никогда не мог в них разобраться. Я подхожу к газировщице. Сначала я прошу с сиропом, но потом раздумываю и прошу чистой воды. Неловко пить с сиропом, когда сердце подступает к горлу. Я беру холодный стакан и набираю в рот воды, но не могу проглотить. Кое-как я глотаю, наконец, всего один глоток. Кажется, стало легче.

Потом я спускаюсь в метро. Что-то сделалось с моим лицом: я замечаю, что многие пристально на меня смотрят. Дома я некоторое время думаю о Лиле. Потом я снова начинаю рассматривать узоры на обоях. Если заглядеться на них, можно увидеть много любопытного. Можно увидеть джунгли и слонов с задранными хоботами. Или фигуры странных людей в беретах и плащах. Или лица своих знакомых. Только Лилиного лица нет на обоях...

Наверное, она сейчас проезжает мимо той платформы, на которой мы поцеловались в первый раз. Только сейчас платформа вся в зелени. Посмотрит ли она на эту платформу? Подумает ли обо мне? Впрочем, зачем ей смотреть? Она смотрит сейчас на своего мужа. Она его любит. Он очень красивый, её муж.

7

Ничто не вечно в этом мире, даже горе. А жизнь не останавливается. Нет, никогда не останавливается жизнь, властно входит в твою душу, и все твои печали развеиваются, как дым, маленькие человеческие печали, совсем маленькие по сравнению с жизнью. Так прекрасно устроен мир.

Теперь я кончаю институт. Кончилась моя юность, отошла далеко-далеко, навсегда. И это хорошо: я взрослый человек и всё могу, и мне не ерошат волосы, как ребёнку. Скоро я поеду на Север. Не знаю, почему-то меня всё тянет на Север. Наверное, потому, что я там охотился когда-то и был счастлив. Лилю я совсем забыл, ведь столько лет прошло! Было бы очень трудно жить, если бы ничто не забывалось. Но, к счастью, многое забывается. Конечно, она так и не написала мне с Севера. Где она — я не знаю, да и не хочу знать. Я о ней совсем не думаю. Жизнь у меня хороша. Правда, не стал я ни поэтом, ни музыкантом...

Ну что ж, не всем быть поэтами! Спортивные соревнования, конференции, практика, экзамены — всё это очень занимает меня, ни одной минуты нет свободной. Кроме того, я научился танцевать, познакомился со многими красивыми и умными девушками, встречаюсь с ними, в некоторых влюбляюсь, и они влюбляются в меня...

Но иногда мне снится Лиля. Она приходит ко мне во сне, и я вновь слышу её голос, её нежный смех, трогаю её руки, говорю с ней — о чём, я не помню. Иногда она печальна и темна, иногда радостна, на щеках её дрожат ямочки, очень маленькие, совсем незаметные для чужого взгляда. И я тогда вновь оживаю, и тоже смеюсь, и чувствую себя юным и застенчивым, будто мне по-прежнему семнадцать лет и я люблю впервые в жизни.

Я просыпаюсь утром, еду в институт на лекции, дежурю в профкоме или выступаю на комсомольском собрании. Но мне почему-то тяжело в этот день и хочется побыть одному, посидеть где-нибудь с закрытыми глазами.

Но это бывает редко: раза четыре в год. И потом, это всё сны. Сны, сны... Непрошеные сны!

Я не хочу снов. Я люблю, когда мне снится музыка. Говорят, если спать на правом боку, сны перестанут сниться. Я стану спать теперь на правом боку. Я буду спать крепко и утром просыпаться весёлым. Жизнь ведь так прекрасна!

Ах, господи, как я не хочу снов!

1956 г.

?

1. Какое впечатление произвёл на вас рассказ Ю. П. Казакова «Голубое и зелёное»? Как бы вы определили, о чём это произведение?
2. Как держатся молодые люди в вечер знакомства? Чем можно объяснить неразговорчивость Алексея в первый вечер? Какое впечатление произвела на вас Лиля?
3. У влюблённых обычно есть любимые места для встреч. Было ли такое место у Алёши с Лилей? Почему именно там им нравилось встречаться?
4. Почему автор подробно раскрывает переживания Алёши, а чувства и настроения Лили показывает лишь в её поступках? Как писатель характеризует юную героиню?

5. Как оценить поведение Лили, когда она на свидание с Алёшей пришла с другим молодым человеком, а потом, уезжая, пригласила Алёшу на вокзал?
6. Проанализируйте, как ведёт себя влюблённый Алёша. Все ли его поступки по отношению к Лиле можно одобрить, назвать правильными?
7. Как, по-вашему, должны вести себя влюблённые по отношению друг к другу? Почему отношения Алёши и Лили были неидеальными?
8. Выпишите из рассказа (гл. 1—5) детали, поясняющие «цветовую гамму» произведения. Обобщите значение каждого цвета. Почему рассказ назван «Голубое и зелёное»?
9. Перечитайте заключительную часть рассказа. Как вы думаете, честен ли герой с самим собой? По каким признакам это видно? Какие эмоции он испытывает на самом деле?
10. Почему жанр своего произведения Ю. П. Казаков определил как лирическая исповедь?
11. Обязательным условием художественного творчества Ю. П. Казаков считал автобиографизм. Найдите автобиографические черты в рассказе «Голубое и зелёное».
12. Представьте, что Алёша — ваш брат, который не просит ни совета, ни помощи. Как вы поймёте, что помощь ему всё-таки нужна? Как вы будете действовать в такой ситуации?
13. Подберите эпиграф к рассказу Ю. П. Казакова. Какую мысль, высказанную автором в этом произведении, вы хотите подчеркнуть выбранным эпиграфом?
14. Ю. П. Казакова считают мастером городского пейзажа. Выберите одно из описаний природы и проанализируйте, какие средства художественной выразительности использует в нём писатель.
15. Выполните задание «Расположите по порядку (по рассказу “Голубое и зелёное”)».

Из зарубежной литературы

Клиффорд САЙМАК

1904—1988

> Прежде чем лезть к звёздам, человеку надо научиться жить на Земле.
>
> *К. Саймак*

Кли́ффорд Са́ймак считается одним из «отцов» американской научной фантастики. Свой первый фантастический рассказ он опубликовал в 1931 году. Действие многих его произведений происходит в американском штате Виско́нсин, где родился писатель. Автор часто повествует о пришельцах, с которыми люди смогли установить контакт и мирно сосуществовать, о Вселенной, построенной на разуме и гармонии, о космических приключениях и путешествиях во времени. Бестселлерами[1] стали романы «Город», «Заповедник гоблинов», «Пересадочная станция» и др. Всего Саймак написал 28 романов и более 120 рассказов и повестей. В 1959 году был опубликован рассказ «Когда в доме одиноко» («A Death in the House»).

1. Найдите и прочитайте интервью с К. Саймаком. Почему героями своих фантастических произведений он делает чаще всего обычных людей? Какие законы, по мнению писателя, самые важные во Вселенной?

---

[1] *Бестсе́ллер* (от англ. *bestseller* — продаваемый лучше всех) — популярная книга или другое издание, которое раскупается большими тиражами.

КОГДА В ДОМЕ ОДИНОКО

Однажды, когда Старый Моуз Эбрамс бродил по лесу, разыскивая невесть куда запропастившихся коров, он нашёл пришельца. Моуз не знал, что это пришелец, однако он понял, что перед ним живое страдающее существо, а Старый Моуз, как бы его за глаза ни осуждали соседи, был не из тех, кто может равнодушно пройти в лесу мимо больного или раненого.

На вид это было ужасное создание — зелёное, блестящее, с фиолетовыми пятнами. Оно внушало отвращение даже на расстоянии в двадцать футов. И оно воняло.

Оно заползло, вернее, попыталось заползти в заросли орешника, но так с этим до конца и не справилось: верхняя часть его туловища скрывалась в кустах, а нижняя лежала на поляне. Его конечности — видимо, руки — время от времени слегка скребли по земле, стараясь подтянуть тело поглубже в кусты, но существо слишком ослабело, оно больше не продвинулось ни на дюйм. И оно стонало, но не очень громко — точь-в-точь ветер тоскливо выл под широким карнизом дома. Однако в его стоне слышалось нечто большее, чем вой зимнего ветра, — в нём звучали такое отчаяние и страх, что у Старого Моуза волосы на голове стали дыбом.

Моуз довольно долго размышлял над тем, что ему делать с этим существом, а потом ещё какое-то время набирался храбрости, хотя большинство его знакомых, не задумываясь, признали бы, что храбрости у него хоть отбавляй. Впрочем, при таких обстоятельствах одной только заурядной храбрости недостаточно. Тут нужна храбрость безрассудная.

Но перед ним лежало неведомое страдающее существо, и он не мог его оставить без помощи. Поэтому Моуз приблизился к нему, опустился рядом на колени; на это создание было тяжко смотреть, однако в его уродстве таилось что-то притягательное — оно точно завораживало своей отталкивающей внешностью. И от него исходило ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Моуз не был брезглив. В округе он отнюдь не славился чистоплотностью. С тех пор как около десяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей запущенной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для злословия окрестных кумушек. Этак раз в год, когда у него доходили руки, он выгребал из дома груды мусора, а остальное время ни к чему не притрагивался.

Поэтому исходивший от существа запах смутил его меньше, чем того можно было ожидать, будь на его месте кто-либо другой. Зато Моуза смутил его вид, и он не сразу решился прикоснуться к существу, а когда, собравшись с духом, наконец сделал это, то очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким и липким, а может, и таким и этаким одновременно. Но ошибся. Оно было на ощупь тёплым, твёрдым и чистым — Моуз словно прикоснулся к зелёному стеблю кукурузы.

Просунув под страдальца руку, он осторожно вытащил его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взглянуть на его лицо. Лица у него не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем. А вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались, точно черви в консервной банке. И тут-то Моуз чуть было не вскочил и не бросился наутёк.

Но он выдержал.

Моуз сидел на корточках, уставившись на эту безликость с бахромой из червей; он похолодел, страх сковал его и вызвал приступ тошноты, а когда ему почудилось, что жалобный вой издают черви, на душе у него стало ещё муторнее.

Моуз был упрям. Упрям и ко многому равнодушен. Но только не к страдающему живому существу.

Наконец пересилив себя, он поднял существо на руки и удивился, как мало оно весит. Меньше, чем трёхмесячный поросёнок, прикинул Моуз.

С существом на руках он стал взбираться по лесной тропинке на холм к дому, и ему показалось, что дурной запах стал слабее. Моузу уже не было так страшно, как поначалу, и холод больше не сковывал его тело.

Потому что существо немного успокоилось и выло теперь потише. И хотя Моуз не был в этом уверен, иногда ему казалось, будто оно прижимается к нему, как прижимается к взрослому испуганный и голодный ребёнок, когда тот берёт его на руки.

Старый Моуз вышел к постройкам и немного постоял во дворе, соображая, куда ему отнести существо — в дом или сарай. Ясно, что сарай — самое подходящее для него место, ведь существо — не человек; даже в собаке, или кошке, или больном ягнёнке больше человеческого, чем в нём.

Однако колебался Моуз недолго. Он внёс существо в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое называл кроватью. Он аккуратно и бережно распрямил его, накрыл грязным одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь.

Потом он придвинул к кровати стул и начал внимательно, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти утихло и с виду казалось много спокойнее, чем в лесу. Моуз с такой нежностью укутал его одеялом, что и сам удивился. Он призадумался над тем, какие из его припасов могут сгодиться существу в пищу; впрочем, даже если бы он и знал это, неизвестно, как бы ему удалось покормить существо, ведь у того, судя по всему, не было рта.

— Тебе не о чем беспокоиться, — вслух сказал он. — Раз уж я принёс тебя в дом, всё обойдётся. Хоть я и не больно смыслю, как тебе помочь, но всё, что мне по силам, я для тебя сделаю.

День уже клонился к вечеру, и, выглянув в окно, он увидел, что коровы, которых он недавно искал, вернулись домой сами.

— Пора мне коров доить, да ещё кое-что поделать по хозяйству, — сказал он существу, лежавшему на кровати. — Но я отлучусь ненадолго.

Чтобы в кухне стало теплее, Старый Моуз подбросил в плиту дров, ещё раз заботливо поправил одеяло, взял вёдра для молока и пошёл в сарай.

Он покормил овец, свиней и лошадь и подоил коров. Собрал яйца и запер курятник. Накачал бак воды.

После этого он вернулся в дом.

Уже стемнело, и Моуз зажёг стоявшую на столе керосиновую лампу, потому как был против электричества. Он даже отказался подписать контракт, когда периферийная электрическая компания проводила здесь линию, и многие соседи за это обиделись на него. Но он плевал на их обиды.

Моуз взглянул на лежавшее в постели существо. С виду оно вроде бы находилось в прежнем состоянии. Будь это больной ягнёнок или телёнок, Моуз сразу смекнул бы, хуже ему или лучше. Но тут он был бессилен.

Он приготовил себе немудрёный ужин, поел и снова задумался над тем, как покормить существо и как ему помочь. Он принёс его в дом, согрел его, но пошло ли это ему на пользу? Может, следовало сделать для него что-то другое? Этого он не знал.

Моуз было подумал, не обратиться ли к кому за помощью, но от одной мысли, что придётся просить о помощи, даже не зная, в чём она должна заключаться, ему стало тошно. Потом он представил себе, каково было бы ему самому, если б измученный и больной, он очутился в неведомом далёком краю и никто не сумел бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он такое.

Это заставило его наконец решиться, и он направился к телефону. Но кого ему вызывать, доктора или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что существо находилось в доме. Если б оно лежало в сарае, он позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, слышимость — хуже некуда, и, поскольку Моуз был туговат на ухо, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон ничуть не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь, и не раз грозился выбросить его. Но сейчас он был доволен, что этого не сделал.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба они не очень-то хорошо слышали друг друга, но Моуз всё-таки ухитрился объяснить доктору, кто звонит и что ему нужна его помощь, и доктор обещал приехать.

Облегчённо вздохнув, Моуз повесил трубку и немного постоял, ничего не делая. Но вдруг его поразила мысль, что в лесу могли остаться другие такие же существа. Он понятия не имел, кто они, что здесь делают, куда держат путь, но не вызывало сомнений, что этот, на кровати, — чужестранец, прибывший из далёких мест. И разум подсказывал, что таких, как он, может быть несколько, ведь в дальней дороге одиноко, и любой человек — или любое другое живое существо — предпочтёт путешествовать в компании.

Он снял с крючка фонарь и, тяжело ступая, вышел за дверь.

Ночь была темна, как тысяча чёрных кошек, и фонарь светил очень слабо, но для Моуза это не имело значения: он знал свою ферму как собственные пять пальцев.

Он спустился по тропинке к лесу. В этот час здесь было жутко, но Старый Моуз был не из тех, кто боится ночного леса. Продираясь сквозь кустарник и высоко подняв фонарь, чтобы осветить площадь побольше, он осмотрел поляну, где нашёл существо, но там никого больше не оказалось.

Однако он нашёл кое-что другое — нечто, похожее на огромную птичью клетку, сплетённую из металлических прутьев, которая

застряла в густом кусте орешника. Он попытался вытащить её, но она так прочно засела в ветках кустарника, что не сдвинулась с места.

Он огляделся, чтобы понять, откуда она попала сюда. Вверху над собой он увидел сломанные ветви деревьев, через которые она пробила себе дорогу, а ещё выше холодно сияли звёзды, казавшиеся очень далёкими.

Моуз ни на миг не усомнился в том, что существо, лежавшее сейчас на его постели около плиты, явилось сюда в этом невиданном плетёном сооружении. Он немного подивился, но не стал особенно вдумываться, ведь вся эта история казалась настолько сверхъестественной, что он сознавал, как мало у него шансов найти ей какое-нибудь разумное объяснение.

Моуз вернулся к дому, и едва он успел задуть фонарь и повесить его на крюк, как послышался шум подъезжающей машины.

Подойдя к двери дома, доктор несколько рассердился, увидев стоявшего на пороге Старого Моуза.

— Что-то вы не похожи на больного, — сварливо произнёс он. — Должно быть, не так уж вам худо, чтобы тащить меня сюда посреди ночи.

— А я и не болен, — сказал Моуз.

— Тогда зачем вы мне звонили? — рассердившись ещё больше, спросил доктор.

— У меня в доме кое-кто заболел, — ответил Моуз. — Может, вы сумеете помочь ему. Я бы сам попробовал, да не знаю как.

Доктор вошёл в дом, и Моуз закрыл дверь.

— У вас тут что-нибудь протухло? — спросил доктор.

— Нет, это он так воняет. Сперва было совсем невмоготу, но теперь я уже попривык.

Доктор заметил на кровати существо и направился к нему.

Старый Моуз услышал, как доктор словно бы захлебнулся, и увидел, что он, напряжённо вытянувшись, застыл на месте.

Потом доктор нагнулся и стал внимательно разглядывать лежавшее перед ним существо.

Когда он выпрямился и повернулся лицом к Моузу, только безграничное изумление помешало ему окончательно выйти из себя.

— Моуз! — взвизгнул он. — Что это такое?

— Сам не знаю, — ответил Моуз. — Я нашёл его в лесу, ему было плохо, оно стонало, и я не мог его там бросить одного.

— Вы считаете, что оно заболело?

— Я знаю это, — сказал Моуз. — Ему немедленно нужно помочь. Боюсь, что оно умирает.

Доктор снова повернулся к кровати, откинул одеяло и пошёл за лампой, чтобы получше рассмотреть существо. Он оглядел его со всех сторон, боязливо потыкал в него пальцем и многозначительно прищёлкнул языком, как то умеют делать одни лишь врачи.

Потом он снова прикрыл существо одеялом и отнёс на стол лампу.

— Моуз, — проговорил он, — я ничем не могу помочь ему.

— Но вы же врач!

— Я лечу людей, Моуз. Мне не известно, что это за существо, одно ясно — это не человек. Я даже приблизительно не могу определить, что с ним, если вообще в его организме что-то разладилось. А если б мне всё-таки удалось поставить диагноз, я не знал бы, как его лечить, не причиняя вреда. К тому же я не уверен, что это животное. Многое в нём говорит за то, что это растение.

Потом доктор спросил Моуза, где он нашёл существо, и Моуз рассказал, как всё произошло. Но он ни словом не обмолвился про клетку — сама мысль о ней казалась настолько фантастичной, что у него язык не повернулся рассказать.

Достаточно того, что он нашёл это существо и принёс его в дом, и незачем упоминать о клетке.

— Вот что я вам скажу, — произнёс доктор. — Это ваше существо не известно ни одной из земных наук. Сомневаюсь, видели ли когда-нибудь на Земле что-либо подобное. Лично я не знаю, что оно из себя представляет, и не собираюсь ломать над этим голову. На вашем месте я связался бы с Мэдисонским университетом. Может, там кто-нибудь и сообразит, что это такое. В любом случае им будет интересно ознакомиться с вашей находкой. Они непременно захотят обследовать его.

Моуз подошёл к буфету, достал коробку из-под сигар, почти доверху наполненную серебряными долларами, и расплатился с доктором. Добродушно пошутив над этим его чудачеством, доктор опустил монеты в карман.

Моуз с редким упрямством держался за свои серебряные доллары.

— В бумажных деньгах есть что-то незаконное, — не раз говорил он. — Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нём чувствуется сила.

Вопреки опасениям Моуза доктор уехал не в таком уж плохом настроении. После его ухода Моуз пододвинул к кровати стул и сел.

До чего же несправедливо, подумал он, что нет никого, кто мог бы помочь такому больному существу, никого, кто знает хоть какое-нибудь средство, чтобы облегчить его страдания.

Сидя между плитой и кроватью, Моуз слушал, как в тишине кухни громко тикают часы и потрескивают дрова. Он смотрел на лежавшее перед ним существо, и в нём вдруг вспыхнула почти безумная надежда на то, что оно выздоровеет и будет жить с ним. Теперь, когда его клетка покорёжена, ему волей-неволей придётся остаться. И Моуз надеялся, что так оно и будет, ведь даже теперь в доме уже не чувствовалось прежнего одиночества.

И тут до Моуза внезапно дошло, как здесь раньше было одиноко. Пока не умер Тоузер, было ещё терпимо. Он пробовал заставить себя взять другую собаку, но не смог. Потому что не было на свете собаки, которая могла бы заменить Тоузера, и даже сама попытка найти другого пса казалась ему предательством. Разумеется, можно было взять кошку, но тогда он стал бы слишком часто вспоминать Молли. Она очень любила этих животных, и до самой её смерти в доме всегда путались под ногами две-три кошки.

А теперь он остался один. Один на один со своей фермой, своим упрямством и серебряными долларами. Доктор, как и все остальные, считал, что, кроме как в стоявшей в буфете коробке из-под сигар, у Моуза больше серебра не было. Ни одна живая душа не знала о существовании старого, доверху наполненного монетами чугунного котелка, который он спрятал под досками пола в гостиной. При мысли о том, как он их всех провёл, Моуз хихикнул. Он много бы отдал, чтобы посмотреть на лица соседей, если бы им удалось об этом пронюхать. Сам-то он никогда не проговорится. Если уж им суждено узнать, обойдутся без него.

Он сидел, клюя носом, и, в конце концов, так и заснул на стуле с опущенным на грудь подбородком, обхватив себя руками, словно хотел подольше сохранить тепло.

Когда он проснулся, в предрассветном мраке слабо мерцала на столе лампа, догорали в плите дрова, а пришелец был мёртв.

То, что существо умерло, не вызывало сомнений. Оно похолодело и вытянулось, а поверхность его тела стала жёсткой, и оно уже начало

засыхать — так с концом роста засыхает в поле под ветром стебель кукурузы.

Моуз прикрыл его одеялом и, хотя ещё рано было начинать обычную работу на ферме, вышел и сделал всё, что требовалось, при свете фонаря.

После завтрака он согрел воды, умылся и побрился — и это впервые за много лет он брился не в воскресенье. Потом он надел свой единственный приличный костюм, пригладил волосы, вывел из гаража старый, полуразвалившийся автомобиль и поехал в город.

Он отыскал Эба Деннисона, чиновника муниципалитета, который одновременно был секретарём Правления кладбища.

— Эб, — сказал Моуз, — я хочу купить участок земли на кладбище.

— Но у вас уже есть участок! — запротестовал Эб.

— Так то семейный, — возразил Моуз. — Там хватит места только для меня и Молли.

— А зачем же вам ещё один? — спросил Эб.

— Я нашёл кое-кого в лесу, — сказал Моуз. — Я принёс его домой, и прошлой ночью он умер. Я хочу похоронить его.

— Если вы нашли в лесу покойника, вам надо сообщить об этом следователю или шерифу, — предостерёг Эб.

— Всё в своё время, — сказал Моуз, и не думая этого делать. — Так как же насчёт участка?

И сняв с себя ответственность за эту сомнительную сделку, Эб продал ему место на кладбище. Купив участок, Моуз отправился в похоронное бюро Алберта Джонса.

— Ал, — сказал он, — мой дом посетила смерть. Покойник не из здешних мест, я нашёл его в лесу. Не похоже, что у него есть родственники, и я должен позаботиться о похоронах.

— А у вас есть свидетельство о смерти? — спросил Ал, который не утруждал себя лицемерной деликатностью, свойственной большинству служащих похоронных бюро.

— Нет.

— Вы обращались к врачу?

— Прошлой ночью заезжал док Бенсон.

— Он должен был выдать вам свидетельство. Придётся ему позвонить.

Он соединился по телефону с доктором Бенсоном и, потолковав с ним немного, стал красным как рак. Наконец он раздражённо хлопнул трубкой и повернулся к Моузу.

— Не знаю, с какой целью вы всё это затеяли, — злобно набросился он на Моуза, — но док говорит, что ваш покойник вовсе не человек. Я не занимаюсь погребением кошек, собак или...

— Это не кошка и не собака.

— Плевать я хотел на то, что это такое. Чтобы я взялся за устройство похорон, мне нужен покойник — человек. Кстати, не вздумайте сами зарыть его на кладбище. Это незаконно.

Сильно упав духом, Моуз вышел из похоронного бюро и медленно заковылял на холм, на котором стояла единственная в городке церковь.

Он нашёл пастора[1] в кабинете, где тот трудился над проповедью. Моуз присел на краешек стула, беспокойно вертя в искалеченных работой руках свою изрядно поношенную шляпу.

— Отец мой, — произнёс он, — я хочу рассказать вам всё как было, с начала до конца. — И он рассказал. — Я не знаю, что это за существо, — добавил он. — Сдаётся мне, что этого никто не знает. Но оно скончалось, и его нужно похоронить честь по чести, а у меня с этим ничего не получается. Мне нельзя похоронить его на кладбище. И, видно, придётся подыскать для него местечко на ферме. Не согласились бы вы приехать и сказать пару слов над могилой?

Пастор погрузился в глубокое раздумье.

— Мне очень жаль, Моуз, — произнёс он наконец. — Полагаю, что это невозможно. Я далеко не уверен в том, что церковь одобрит такой поступок.

— Пусть это не человеческое существо, — сказал старый Моуз, — но ведь оно тоже тварь божья.

Пастор подумал ещё немного и даже высказал кое-какие соображения вслух, но в результате всё-таки пришёл к выводу, что сделать этого не может.

Моуз спустился с холма к своей машине и поехал домой, по дороге размышляя о том, какие же попадаются среди людей скоты.

Вернувшись на ферму, он взял кирку и лопату, вышел в сад и там, в углу, вырыл могилу. Потом он отправился в гараж за досками, чтобы сколотить для существа гроб, но оказалось, что последние доски ушли на починку свинарника.

Моуз вернулся в дом и в поисках простыни, которую за неимением гроба решил использовать вместо савана[2], перерыл комод, стоявший

---

[1] *Па́стор* — священник.

[2] *Са́ван* — погребальное одеяние из белой ткани.

в одной из задних, уже много лет пустующих комнат. Простыни он не нашёл, но зато среди тряпья ему попалась старая льняная скатерть. Он подумал, что сойдёт и это, и отнёс скатерть на кухню.

Моуз откинул одеяло, взглянул на мёртвое существо, и у него словно комок подкатил к горлу — он представил, в каком тот умер одиночестве и в какой дали от родины, и в его последний час не было рядом с ним ни одного его соплеменника. И оно было совершенно голым: ни клочка одежды, ни вещей, ничего, что он, Моуз, мог бы оставить себе на память.

Он расстелил скатерть на полу возле кровати, поднял существо на руки и положил его на неё. И в этот миг он заметил на его теле карман — если, конечно, это было карманом, — нечто вроде щели с клапаном в самом центре той части тела, которая могла быть грудью. Моуз провёл сверху рукой по карману. В нём прощупывалось что-то твёрдое. Он долго сидел на корточках около трупа, не зная, как ему быть.

Наконец решившись, он просунул в щель пальцы и вытащил находившийся в кармане предмет. Это был шарик, чуть больше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла или какого-то похожего на стекло материала. Всё ещё сидя на корточках, он долго глядел на этот шарик, потом встал и пошёл к окну, чтобы получше рассмотреть его.

В шарике не было ничего особенного. Это был обыкновенный шарик из дымчатого стекла, на ощупь такой же шершавый и мёртвый, как тело существа.

Моуз покачал головой, отнёс шарик обратно и, положив туда, откуда его вынул, осторожно завернул труп в скатерть.

Он вынес его в сад и опустил в яму. Став в голове могилы, он торжественно произнёс несколько приличествующих случаю слов и закидал могилу землёй.

Сперва он собирался насыпать над могилой холмик и поставить крест, но в последнюю минуту передумал. Ведь теперь нахлынут любопытные. Молва облетит всю округу, и эти типы будут приезжать сюда и глазеть на могилу, в которой он похоронил найденное им в лесу существо. И чтобы никто не догадался, где он зарыл его, придётся обойтись без холмика и без креста. А может, это к лучшему, сказал он себе. Он ведь не знал, что написать или вырезать на кресте.

Уже перевалило за полдень, и Моуз проголодался, но не стал прерывать работу, чтобы поесть, потому как ещё не всё сделал. Он отправился на луг, поймал Бесс, запряг её в телегу и спустился в лес.

Он привязал Бесс к застрявшей в кустах клетке, и лошадь без труда вытащила её оттуда. Потом он погрузил клетку на телегу, привёз на холм, внёс в гараж и спрятал в самом дальнем его углу около горна[1].

Покончив с этим, он впряг Бесс в плуг и перепахал весь сад, хотя в этом не было никакой необходимости. Но зато теперь везде была свежевспаханная земля, и никому не удалось бы обнаружить место, где он вырыл могилу.

И как раз в ту минуту, когда он уже кончал пахать, подкатила машина, и из неё вылез шериф Дойли. Шериф был человеком весьма обходительным, но не из тех, кто любит тянуть волынку. Он сразу приступил к делу.

— Я слышал, — сказал он, — ты нашёл кое-что в лесу.

— Точно, — согласился Моуз.

— Говорят, будто бы это существо умерло в твоём доме.

— Вы не ослышались, шериф.

— Моуз, я желал бы взглянуть на него.

— Ничего не выйдет. Я похоронил его. И не скажу где.

— Моуз, — произнёс шериф, — мне не хочется причинять тебе неприятности, но ты нарушил закон. Нельзя же подбирать в лесу людей и безо всякого закапывать их, если им вдруг вздумается умереть в твоём доме.

— Вы говорили с доком Бенсоном?

Шериф кивнул:

— Док сказал, что никогда ничего подобного не видел. Что это был не человек.

— В таком случае, — произнёс Моуз, — вам тут делать нечего. Раз это был не человек, значит, не совершено никакого преступления против личности. А если существо никому не принадлежало, здесь нет и преступления против собственности. Ведь пока что никто не заявлял на него свои права, верно?

Шериф поскрёб подбородок.

— Никто. Пожалуй, ты прав. А где это ты изучал законы?

— Я никогда не изучал никаких законов. И вообще я в жизни ничего не изучал. Просто-напросто я здраво рассуждаю.

— Док что-то толковал про учёных из университета — будто у них может возникнуть желание взглянуть на твою находку.

---

[1] *Горн* — печь для переплавки металла.

— Вот что, шериф, — сказал Моуз. — Это существо откуда-то явилось сюда и умерло. Не знаю, откуда оно пришло и что это было такое, да и знать не желаю. Для меня это было просто живое существо, которое очень нуждалось в помощи. Живое, оно держалось с достоинством, а умерев, потребовало к себе уважительного отношения. Когда отказались похоронить его как положено, я сам сделал всё, что в моих силах. Больше мне сказать нечего.

— Ладно, Моуз, — произнёс шериф, — будь по-твоему.

Он повернулся и прошествовал к своей машине. Стоя около запряжённой в плуг старой Бесс, Моуз смотрел ему вслед. Пренебрегая правилами, шериф рванул с места на большой скорости, и было похоже, что он не на шутку обозлился.

Когда Моуз убрал в сарай плуг и отвёл лошадь на пастбище, подоспело время вечерних работ.

Управившись с хозяйством, он приготовил себе ужин, поел и уселся около плиты, слушая, как в тишине дома громко тикают часы и потрескивает огонь.

Всю долгую ночь Моуз чувствовал себя очень одиноким.

На следующий день после полудня, когда он пахал поле под кукурузу, приехал репортёр и, дойдя рядом с Моузом до конца борозды, завёл разговор. Старому Моузу этот репортёр не очень-то понравился. Слишком уж нахально он вёл себя и задавал какие-то дурацкие вопросы. Поэтому Моуз прикусил язык и мало что сказал ему.

Через несколько дней явился какой-то человек из университета и показал Моузу статью, которую написал репортёр, вернувшись с фермы. В этой статье он Моуза ядовито высмеял.

— Очень сожалею, что так получилось, — сказал профессор. — Эти газетчики — народ безответственный. Я бы не стал слишком принимать к сердцу их писанину.

— А мне всё равно, — буркнул Моуз.

Человек из университета забросал его вопросами и особо подчеркнул, как для него важно взглянуть на труп существа.

Но Моуз только покачал головой.

— Оно почиет в мире, — сказал он. — Я не потревожу его.

И учёный, негодуя, впрочем, стараясь сохранить достоинство, удалился.

В течение последующих дней мимо фермы то и дело проезжали какие-то люди, бездельники полюбопытнее даже бродили между

постройками, появился и кое-кто из соседей, которых Моуз не видел уже несколько месяцев. Но разговор у него был со всеми короткий, поэтому они вскоре оставили его в покое, и он продолжал обрабатывать свою землю, а в доме по-прежнему было одиноко.

Он снова начал подумывать о том, не взять ли ему собаку, но всё вспоминал Тоузера и так на это и не решился.

Однажды, работая в саду, он обнаружил, что из земли над могилой показалось какое-то растение. Оно выглядело очень необычно, и первым побуждением Моуза было вырвать его.

Однако он передумал — растение заинтересовало его. Моуз никогда ничего похожего не видел и потому решил дать ему немного подрасти и посмотреть, что это такое. То было плотное мясистое растение с толстыми тёмно-зелёными закрученными листьями, и оно чём-то напомнило ему заячью капусту, которая появлялась в лесу с наступлением весны.

Как-то раз приехал ещё один посетитель — пожалуй, самый чудной. Это был темноволосый энергичный мужчина, который заявил, что является президентом Клуба летающих тарелок. Он поинтересовался, разговаривал ли Моуз с найденным в лесу существом, и, судя по всему, был ужасно разочарован, когда Моуз ответил отрицательно. Затем он спросил, не нашёл ли часом Моуз аппарат, в котором существо прибыло сюда, и в ответ на это Моуз солгал. Видя, как незнакомец горячится, Моуз испугался, что ему, чего доброго, может прийти в голову обыскать ферму, а тогда он наверняка найдёт клетку, спрятанную в дальнем углу гаража. Но вместо этого незваный гость пустился в пространные рассуждения о вреде утаивания жизненно важных сведений.

Почерпнув из этой лекции всё, что можно, Моуз вошёл в дом и достал из-за двери дробовик[1]. Президент Клуба летающих тарелок поспешно распрощался и отбыл восвояси.

Жизнь на ферме шла своим чередом, приостановилась работа на кукурузном поле, и начался покос, а в саду тем временем продолжало расти неведомое растение, которое теперь стало принимать определённую форму. Старый Моуз не поверил своим глазам, разглядев однажды, на что оно похоже, и простаивал долгие вечерние часы в саду, рассматривая растение и спрашивая себя, не выживает ли он из ума от одиночества.

---

[1] *Дробови́к* — огнестрельное оружие.

В одно прекрасное утро он увидел, что растение ждёт его у двери. Ему, конечно, полагалось бы удивиться, на самом же деле этого не произошло, потому что он жил рядом с растением, вечерами смотрел на него, и, хотя он даже самому себе не осмеливался признаться, в глубине души он сознавал, что это такое.

Ведь перед ним стояло существо, которое он нашёл в лесу, но не больное и жалобно стонущее, не умирающее, а молодое и полное жизни.

Но всё же оно было не совсем таким, как прежде. Моуз всмотрелся в существо и увидел те едва уловимые новые черты, которые можно было бы объяснить разницей между стариком и юношей либо между отцом и сыном либо отнести за счёт изменения эволюционной модели.

— Доброе утро, — сказал Моуз, ничуть не удивившись, что заговорил с существом, словно в этом не было ничего необычного. — Я рад, что ты вернулся.

Существо, стоявшее во дворе, не ответило ему. Но это не имело значения: Моуз и не ждал, что оно отзовётся. Для него было важно только то, что теперь ему есть с кем поговорить.

— Я ухожу. Мне нужно сделать кое-что по хозяйству, — сказал Моуз. — Если хочешь, пойдём вместе.

Оно брело за ним по пятам, наблюдая, как он хозяйничает, и Моуз беседовал с ним, что было несравненно приятнее, чем беседовать с самим собой.

За завтраком он поставил ему отдельную тарелку и пододвинул к столу ещё один стул, но оказалось, что существо не может им воспользоваться, так как тело его не сгибалось.

И оно не ело. Сперва это огорчило Моуза, ибо он был гостеприимным хозяином, но потом он смекнул, что такой рослый и сильный юнец соображает достаточно, чтобы самому позаботиться о себе, и что ему, Моузу, видимо, не стоит беспокоиться об удовлетворении его жизненных потребностей. После завтрака они с существом вышли в сад, и, как того и следовало ожидать, растения там уже не было. На земле лежала лишь опавшая сморщенная оболочка, тот покров, что служил стоявшему рядом с ним существу колыбелью.

Из сада Моуз отправился в гараж, и существо, увидев клетку, стремительно бросилось к ней и принялось её ощупывать.

Потом оно повернулось к Моузу и словно бы сделало умоляющий жест.

Моуз подошёл к клетке, взялся руками за один из погнутых прутьев, а существо, стоявшее рядом, схватило конечностями тот же прут, и они вместе начали распрямлять его. Но безуспешно. Им, правда, удалось чуточку разогнуть его, но этого было недостаточно, чтобы вернуть пруту первоначальную форму.

Они стояли и смотрели друг на друга, хотя слово «смотрели» едва ли подходило для этого случая, поскольку у существа не было глаз и смотреть ему было нечем. Оно как-то непонятно двигало конечностями, и Моуз никак не мог взять в толк, что оно пыталось объяснить ему. Потом существо легло на пол и показало, как прутья клетки открепляются от её основания.

Хотя Моуз спустя немного сообразил, как действует механизм крепления, он так до конца и не понял его принцип. И в самом деле невозможно было уразуметь, почему он действовал именно таким образом.

Вначале нужно было нажать на прут с определённой силой, прикладывая её под определённым углом, и прут слегка поддавался. Затем следовало снова нажать на него, прикладывая силу уже под другим углом, и прут поддавался ещё немного. Это делалось трижды, и в результате прут отсоединялся от клетки, хотя, видит бог, Моуз не мог бы объяснить, почему так получается.

Моуз развёл в горне огонь, подбросил угля и принялся раздувать пламя мехами, а существо неотрывно следило за его действиями. Но когда он взял прут, собираясь сунуть его в огонь, существо стало между ним и горном. Тут Моуз понял, что перед тем как распрямлять прут, нагревать его не следует, и он принял это как должное. Ведь существо наверняка лучше знает, как это делается, сказал он себе.

И, обойдясь без огня, он отнёс холодный прут на наковальню и принялся выпрямлять его ударами молота, а существо в это время пыталось жестами показать ему, какую нужно придать пруту форму. Эта работа заняла довольно много времени, но зато прут был распрямлен именно так, как того желало существо.

Моуз думал, что им придётся немало повозиться, пока они вставят прут обратно, но тот мгновенно скользнул в паз.

Потом они вытащили другой прут, и теперь дело пошло быстрее, потому что у Моуза уже появилась сноровка.

Но это был тяжёлый, изнурительный труд. Они работали до вечера и распрямили только пять прутьев.

Потребовалось полных четыре дня, чтобы распрямить молотом прутья клетки, и всё это время трава оставалась некошеной.

Однако Моуза это нисколько не тревожило. У него теперь было с кем поговорить, и его дом покинуло одиночество.

Когда они выпрямили все прутья и вставили их в пазы, существо проскользнуло в клетку и занялось какой-то диковинной штукой, прикреплённой к потолку, которая с виду напоминала корзинку сложного плетения. Наблюдая за ним, Моуз решил, что эта корзинка была чем-то вроде автомобильного мотора.

Вдруг существо забеспокоилось. Разыскивая что-то, оно обошло весь гараж, но, видно, его поиски не увенчались успехом. Оно вернулось к Моузу, и в его жестах старик уловил отчаяние и мольбу. Моуз показал ему железо и сталь; порывшись в картонке, где он держал гвозди, зажимы, втулки, кусочки металла и прочий хлам, он извлёк из неё латунь, медь и даже кусок алюминия, но существу нужно было не это.

И Моуз обрадовался — ему было немного стыдно, но он обрадовался. Ведь он понимал, что, когда клетка будет починена, существо покинет его. По складу своей натуры он не мог помешать существу чинить клетку или отказать ему в помощи. Но сейчас, когда выяснилось, что починить клетку, видимо, невозможно, он почувствовал, что очень этому рад. Теперь существу придётся остаться с ним, и ему будет с кем разговаривать, а из его дома уйдёт одиночество. Как было бы чудесно, подумал он, снова иметь рядом с собой живое существо. А это созданье было почти таким же хорошим товарищем, как Тоузер.

На следующее утро, когда Моуз готовил завтрак, он потянулся к верхней полке буфета за овсянкой, задел рукой коробку из-под сигар, и она полетела на пол. Она упала набок, крышка откинулась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголком глаза Моуз заметил, как существо бросилось в погоню за одной из монет. Схватив её, оно повернулось к Моузу, и из клубка червей на его макушке послышалось какое-то дребезжание.

Оно нагнулось, сгребло ещё несколько монет и, прижав их к себе, исполнило нечто вроде джиги, и сердце Моуза упало, до него вдруг дошло, что существо так настойчиво искало не что иное, как серебро.

Моуз опустился на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Они сложили их обратно в коробку из-под сигар, и Моуз отдал её существу.

Оно приняло коробку, взвесило на щупальце и явно огорчилось. Оно высыпало доллары на стол и разложило их аккуратными столбиками, и Моуз видел, что оно глубоко разочаровано.

— А вдруг существо искало вовсе не серебро? — подумал Моуз. — Может, оно ошиблось, приняв серебро за какой-то другой металл.

Моуз достал овсянку, насыпал её в кастрюлю с водой и поставил на плиту. Когда каша и кофе были готовы, он отнёс еду на стол и приступил к завтраку.

Существо всё ещё стояло по другую сторону стола, то так, то сяк перестраивая столбики из серебряных долларов. И теперь, подняв над этими столбиками конечность, оно дало понять, что ему нужны ещё монеты. Вот столько столбиков, показало оно, и каждый столбик должен быть вот такой высоты.

Моуза словно громом ударило, и его рука с ложкой овсянки замерла на полпути ко рту. Он подумал об остальных долларах, которыми был набит чугунный котелок, спрятанный под полом в гостиной. Он никак не мог решиться отдать их: это единственное, что у него оставалось, если не считать существа. И он не в силах был с ними расстаться, ведь тогда существо сможет починить клетку и тоже покинет его.

Не ощущая никакого вкуса, он съел миску овсянки и выпил две чашки кофе. И всё это время существо стояло перед ним и показывало, сколько ещё ему нужно монет.

— Я не могу их тебе отдать, — сказал старый Моуз. — Ведь я сделал всё, чего только может ожидать одно живое существо от другого, кем бы оно ни было. Я нашёл тебя в лесу, согрел и дал тебе кров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получилось, я защитил тебя от этих назойливых людей. И я не вырвал тебя из земли, когда ты вновь начал расти. Неужто ты ждёшь, что я буду делать тебе добро вечно?

Но его слова лишь сотрясли воздух. Существо не слышало его, а себя он так ни в чём и не убедил. Он встал из-за стола и пошёл в гостиную, а существо двинулось следом. Он поднял доски пола, вытащил котелок, и существо, увидев его содержимое, в великой радости крепко обхватило себя конечностями.

Они отнесли монеты в гараж, и Моуз, раздув в горне огонь, поставил на него котелок и начал плавить с таким трудом накопленные деньги.

Временами ему казалось, что он не в состоянии довести эту работу до конца, но всё-таки он справился с ней.

Существо вынуло из клетки корзинку, поставило её рядом с горном, зачерпнуло железным ковшиком расплавленное серебро и стало лить его в определённые ячейки корзинки, осторожно придавая ему молоточком нужную форму.

Это длилось долго, потому что работа требовала большой точности, но наступило время, когда она подошла к концу, а серебра почти не осталось. Существо внесло корзинку в клетку и укрепило её на место.

Уже вечерело, и Моузу пришлось уйти, чтобы заняться кое-какими хозяйственными делами. Он был почти уверен, что существо вытащит из гаража клетку и, вернувшись домой, он его уже там не застанет. И он старался разжечь в себе чувство обиды — ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему, и, насколько он мог судить, даже не пыталось поблагодарить его. Но несмотря на все старания, он так и не обиделся.

Выйдя из сарая с двумя вёдрами молока, Моуз увидел, что существо ждёт его. Оно последовало за ним в дом и всё время держалось поблизости, и он пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на минуту не мог забыть, что существо покинет его, и радость общения с ним была отравлена ужасом перед грядущим одиночеством.

Ведь для того, чтобы как-то скрасить одиночество, у него даже не осталось денег.

В эту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли. Он представил себе другое одиночество, ещё более страшное, чем то, которое он когда-либо знавал на этой заброшенной ферме, — ужасное, беспощадное одиночество межзвёздных пустынь, мятущееся одиночество того, кто ищет какое-то место или живое существо, и, хотя туманный образ искомого едва вырисовывается в сознании, он обязательно найдёт то, к чему стремится, и это самое важное.

Никогда ему не приходили в голову такие странные мысли, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того, другого, что находится рядом с ним в комнате.

Напрягая всю свою волю, он попытался встать, но не смог.

На миг он приподнял голову, но тут же уронил её обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Моуз позавтракал, оба они пошли в гараж и вытащили во двор клетку. И это таинственное, неземное сооружение стояло там в холодном и ярком свете зари.

Существо подошло к клетке и начало было протискиваться между двумя прутьями, но, вдруг остановившись, вылезло обратно и подошло к Старому Моузу.

— Прощай, друг, — сказал Моуз. — Я буду скучать по тебе.

У него как-то странно защипало глаза.

Тот протянул ему на прощание конечность, и, взяв её, Моуз почувствовал, что в ней зажат какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, и тут предмет оказался уже в руке Моуза.

Существо отняло свою конечность и, быстро подойдя к клетке, протиснулось в неё между прутьями. Оно потянулось к корзинке, что-то вспыхнуло, и клетка исчезла. Моуз одиноко стоял на заднем дворе, уставившись на то место, где уже не было клетки, и вспоминая, что он чувствовал, или думал, или слышал прошлой ночью, лёжа в постели.

Должно быть, существо уже там, в чёрном безысходном одиночестве межзвёздных далей, где оно снова ищет какой-то уголок, или предмет, или другое живое существо, но смысл этого поиска не дано постичь человеческому разуму.

Моуз медленно повернулся к дому — надо взять вёдра и идти доить коров.

Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке, и поднял к лицу всё ещё крепко стиснутый кулак. Он разомкнул пальцы — на его ладони лежал маленький хрустальный шарик, точно такой же, как тот, который он нашёл в складке-кармане похороненного им в саду трупа. С одной только разницей — первый шарик был мёртвым и матовым, а в этом мерцал живой отблеск далёкого огня.

Глядя на него, Моуз ощутил в душе такое необыкновенное счастье и покой, какие ему редко случалось испытывать раньше. Словно его окружало множество людей и все они были друзьями.

Он прикрыл шарик рукой, а счастье не уходило — и это было непонятно: ведь ничем нельзя было объяснить, почему он счастлив. Существо покинуло его, он остался без денег, и у него не было друзей, но ему почему-то было хорошо и радостно.

Он положил шарик в карман и проворно зашагал к дому. Сложив трубочкой обветренные губы, он принялся насвистывать, а надо сказать, что давным-давно у него даже в мыслях не было посвистеть.

Может, я счастлив потому, мелькнуло у него, что, прежде чем исчезнуть, существо всё-таки пожало мне на прощание руку?

А что до подарка, то, каким бы он ни был пустяковым, как ни дешёва была безделушка, ценность его заключалась в том простом и светлом чувстве, которое он в нём пробудил. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо удосужился сделать Моузу подарок.

В бездонных глубинах Вселенной одиноко и тоскливо без Друга. Кто знает, когда удастся обрести другого.

Быть может, он поступил неразумно, но старый дикарь был таким трогательно-добрым, таким неловким, жалким и так хотел помочь. А тот, чей путь далёк и стремителен, должен путешествовать налегке. Ему больше нечего было подарить старику на память.

1. Определите элементы сюжета в рассказе, заполнив таблицу: в первом столбце — названия сюжетных элементов, во втором — соответствующее событие из рассказа.
2. Соберите «досье» на Моуза: возраст, семейное положение, род занятий, черты характера, привычки. Почему именно ему суждено было встретить инопланетное существо и установить с ним контакт?
3. Обоснуйте логичность и правильность действий Моуза после того, как он нашёл существо и оно умерло. Какие новые черты раскрывают эти действия в характере Моуза?
4. Как относятся к пришельцу другие люди: доктор, шериф, пастор? Почему они ведут себя иначе, чем Моуз? Можно ли их упрекнуть в бесчеловечности?
5. Как Моуз смог выстроить коммуникацию с инопланетным существом? Почему они так хорошо понимали друг друга?
6. Найдите в рассказе и сравните описания умирающего пришельца и молодого. Что вас удивило в них?
7. Перечитайте финал рассказа. Как вы понимаете слова Саймака об одиночестве, дружбе и счастье?
8. Выполните задание «“Когда в доме одиноко”. Тест на знание текста».
9. Объясните исходя из содержания рассказа «Когда в доме одиноко», почему фантастику Саймака называют мягкой, пасторальной[1].

[1] *Пастора́ль* — литературный жанр, в котором идеализируется простая сельская жизнь.

Повторение

1. Литература, которую вы изучали в 8-м классе, очень разнообразна по времени написания, жанрам, художественным особенностям, тематике. Предлагаем вам подвести итог прочитанному с помощью «ленты времени», хорошо знакомой из уроков истории.

Разделитесь на шесть групп (по числу изученных разделов). Каждой группе необходимо определить временные рамки периода, авторов, чьё творчество в них представлено, жанры и тематику (проблематику) изученных произведений. Всё это нужно изобразить на бумаге. Соедините вместе фрагменты, получившиеся в каждой группе.

Выполните следующие задания:

- отметьте (на материале изученного) последовательность, в которой в литературе появились разные художественные направления;
- назовите писателей и поэтов, творчество которых относится к одному художественному направлению;
- установите, кто из известных авторов работал в одном жанре, какие жанры имеют более длительную историю существования в литературе;
- определите, какие произведения имеют общие темы, попытайтесь объяснить, почему так произошло.

2. Какое из изученных в 8-м классе произведений запомнилось (понравилось) больше всего? Найдите материалы, оставшиеся за рамками работы над ним в классе. Подготовьте электронную презентацию или буктрейлер об этом произведении (его герое, авторе, экранизации, театральной постановке и т. д.) и ознакомьте одноклассников с результатами самостоятельного поиска.

3. Прочитайте высказывания известных людей о литературе. С каким из них вы согласны, о каком хотите поспорить? Подтвердите своё мнение, опираясь на изученные в 8-м классе произведения.

Литература — это когда читатель столь же талантлив, как и писатель. *(М. А. Светлов.)*

Все жанры хороши, кроме скучного. *(Франсуа Вольтер.)*

Литература — это совесть общества, его душа. *(Д. С. Лихачёв.)*

Время проходит, но сказанное слово остаётся. *(Л. Н. Толстой.)*

Эпитеты — одежда слов. *(В. А. Солоухин.)*

4. Составьте «картинную» викторину по курсу литературы 8-го класса: предложите одноклассникам вопросы-портреты, вопросы-иллюстрации, в том числе созданные с помощью искусственного интеллекта. Например, предложите по иллюстрации узнать героя произведения, указать автора и название произведения, определить, к какому роду и жанру литературы оно относится.

5. Представьте, что вам необходимо составить сборник афоризмов из произведений, изученных в 8-м классе. Какие афоризмы вы предложите? Почему? В какие тематические группы их можно объединить?

6. Какие нравственные понятия (законы) вы научились ценить, прочитав рекомендованные для 8-го класса произведения? Вспомните не только авторов и названия произведений, но и самые важные или поучительные эпизоды из них.

7. Составьте список для летнего чтения для семиклассников с краткой характеристикой (рекламой) произведений, прочитанных вами в 8-м классе.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аллего́рия — иносказание, когда под конкретным изображением предмета, человека, явления подразумевается другое понятие.

Аллитера́ция — повторение однородных согласных звуков, придающее литературному тексту особую интонационную выразительность; один из видов звукописи.

Амфибра́хий — трёхсложная стихотворная стопа с ударением на втором слоге.

Ана́пест — трёхсложная стихотворная стопа с ударением на третьем слоге.

Антите́за — художественное противопоставление характеров, обстоятельств, понятий, создающее впечатление резкого контраста.

Анти́чная литерату́ра (от лат. *antiquus* — древний) — литература Древней Греции и Древнего Рима, создававшаяся в период с IX в. до н. э. до V в. н. э.

Гипе́рбола — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета.

Да́ктиль — трёхсложная стихотворная стопа с ударением на первом слоге.

Дра́ма — род литературы, в основу которого положено действие с острыми конфликтными ситуациями, развёртывающееся в настоящее время. Средством обрисовки действующих лиц в драме являются их собственная речь (диалоги, монологи, реплики) и поступки; авторские комментарии к пьесе ограничиваются ремарками. Драма предназначена, как правило, для сценического воплощения. Драматические произведения делятся на трагедии, комедии, драмы (в узком смысле слова).

Жанр — внутри определённого рода литературы вид произведения, который характеризуется рядом отличительных черт (объём произведения, особенности построения сюжета и композиции, своеобразие героя и т. д.).

Завя́зка — эпизод произведения, в котором возникает основной конфликт.

Инве́рсия — необычный порядок слов, придающий фразе выразительность.

Иро́ния — тонкая, скрытая насмешка. Истинный смысл высказывания замаскирован: говорится противоположное тому, что подразумевается.

Компози́ция — построение художественного произведения.

Конфли́кт худо́жественный — противоборство, столкновение идей, настроений, характеров, которые воплощаются в сюжете художественного произведения.

Кульмина́ция — момент наивысшего напряжения действия в произведении, когда особенно ярко выявляются сюжетный конфликт, цели героев и их качества.

Ли́рика — род литературы, в котором предметом изображения становятся эмоции и чувства автора.

Лири́ческий геро́й — художественный образ; человек, чьи мысли, чувства, состояния переданы в лирическом произведении.

Лири́ческий моти́в — повторяющийся у конкретного автора комплекс чувств и идей, мыслей о чём-либо (неразделённая любовь, трагическое одиночество, светлая грусть и др.).

Ли́ро-эпи́ческая поэ́ма — это значительное по объёму стихотворное произведение, в котором сочетаются событийность (есть сюжет) и исповедальность (лирическое начало, связанное с позицией автора, выраженной, например, в лирических отступлениях).

Моноло́г — развёрнутое высказывание одного лица.

О́браз повествова́теля — образ особого типа в эпическом произведении, от лица которого ведётся повествование; он проявляет себя только в речи через отношение к тому, о чём рассказывает. Позиция повествователя не всегда совпадает с позицией автора, его язык не тождественен писательскому.

О́браз худо́жественный — форма воспроизведения действительности в искусстве, конкретная, индивидуализированная и вместе с тем обобщённая картина жизни, результат творческого освоения художником реальной действительности.

Параллели́зм — тождественное или сходное расположение элементов речи в смежных частях текста, создающих единый поэтический образ. Параллелизм может быть словесно-образным, ритмическим, композиционным.

Па́фос — эмоциональное содержание художественного произведения, настрой и чувства, которые автор вкладывает в текст, ожидая вызвать их у читателя. Виды пафоса: героический, трагический, драматический, романтический и др.

По́весть — эпический жанр; по характеру развития действия повесть сложнее рассказа, но менее развёрнута, чем роман.

Подте́кст — это способ построения текста, позволяющий читателю уловить неявный, скрытый смысл произведения, который вытекает из речевой ситуации, тона, намерений говорящего.

Поэ́ма — крупное лирическое или лиро-эпическое произведение. Жанровые разновидности: *поэма-путешествие, лиро-эпическая поэма* и др.

Психологи́зм — отражение в произведении внутреннего мира литературного героя, т. е. его мыслей, чувств, переживаний.

Развя́зка — фрагмент произведения, в котором разрешается основной художественный конфликт.

Ритм стихотворе́ния — чередование ударных и безударных слогов в стихотворной строке.

Ри́фма — сходные по звучанию окончания стихотворных строк.

Си́мвол — предмет или слово, условно выражающее сущность какого-либо явления (*утро* — символ молодости; *хлеб-соль* — символ гостеприимства). В литературе в некоторой мере символичен всякий образ, поскольку в единичном воплощает общее.

Соне́т — стихотворение из четырнадцати строк, написанных, как правило, пятистопным ямбом, имеющее строгую рифмовку и строфику.

Стопа́ — несколько слогов в стихотворной строке, объединённых одним ударением. Бывают двусложные (ямб, хорей) и трёхсложные (дактиль, анапест, амфибрахий) стихотворные стопы.

Строфа́ — сочетание стихов (строк), образующее единство. Чаще всего стихи в строфе связаны определённым расположением рифм, отделены от смежных сочетаний стихов большой паузой, завершением рифменного ряда и другими признаками.

Сюже́т — в художественном произведении система событий, раскрывающая характеры действующих лиц и отношение писателя к изображаемым явлениям.

Траге́дия — драматический жанр, в котором изображаются исключительно острые, непримиримые жизненные конфликты, грозящие катастрофическими последствиями и часто гибелью героя.

Троп — употребление слова в переносном (не прямом) значении, что помогает индивидуализировать речь, подчёркивает в ней оценочный элемент. К тропам относят метафору, эпитет, сравнение, гиперболу и др.

Фа́була — это события, описанные в литературном произведении, расположенные в хронологической последовательности.

Фанта́стика — разновидность художественной литературы, в которой создаются вымышленный мир, причудливые образы и явления.

Филосо́фская ли́рика — разновидность лирических произведений, в которых поднимаются вечные вопросы: смысл и предназначение человеческой жизни, выбор жизненной позиции, добро и зло, истина и ложь и т. д.

Фолькло́р (устное народное творчество) — произведения, созданные неизвестными авторами и бытующие в народной среде в устной форме.

Хара́ктер литерату́рный — художественное изображение человека в его индивидуально неповторимом отношении к миру; в нём отражены познание и оценка писателем жизни, образное представление о её возможностях, эстетический идеал.

Худо́жественная дета́ль — средство создания художественного образа; выразительная подробность в произведении (часть внешнего мира, портрета и т. п.), которая помогает читателю представить и глубже понять не только характер, обстановку, но и в целом произведение, авторское отношение к изображаемому.

Хоре́й — двусложная стихотворная стопа, в которой ударение падает на первый слог.

Экспози́ция — эпизоды, предшествующие завязке, возникновению основного конфликта; описание положения действующих лиц до начала действия.

Эле́гия — лирическое произведение, в котором передаются философские размышления поэта, проникнутые глубокой грустью, печалью.

Эпи́граф — яркое изречение, помещаемое автором перед произведением или его частью, чтобы помочь читателю глубже понять содержание и смысл текста.

Э́пос — род литературы, которая воспроизводит внешнюю по отношению к автору действительность. Повествование ведётся от имени реального или условного рассказчика, свидетеля, участника или героя события. Для эпоса характерно многостороннее изображение жизни, обрисовка человека в развитии его характера, мотивировка его поведения. Жанры эпоса: рассказ, новелла, повесть, роман и др.

Ю́мор — наиболее жизнеутверждающая форма комического; весёлая, доброжелательная усмешка, в основе которой лежит не отрицание жизненного явления, а признание его несовершенства.

Ямб — двусложная стихотворная стопа, в которой ударение падает на второй слог.

Список использованных источников

Учебное издание

Захарова Светлана Николаевна
Морозова Татьяна Анатольевна
Чепелева Галина Михайловна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие для 8 класса учреждений образования,
реализующих образовательные программы
общего среднего образования,
с белорусским и русским языками обучения и воспитания

2-е издание, пересмотренное и дополненное

Нач. редакционно-издательского отдела *С. П. Малявко*
Редактор *Л. В. Яриго*
Художественный редактор *Е. С. Сасковец*
Компьютерная вёрстка *Ю. М. Головейко*
Корректоры *В. П. Шкредова, Н. В. Федоренко, Е. Г. Чижевская*

Подписано в печать 14.07.2025. Формат $70 \times 90\ ^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,23. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 127 790 экз. Заказ

Государственное учреждение образования «Академия образования».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/573 от 22.02.2024. Ул. Некрасова, 20, 220040, г. Минск

Открытое акционерное общество «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 2/3 от 04.10.2013. Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск

(Название учреждения образования)

Учебный год	Имя и фамилия учащегося	Состояние учебного пособия при получении	Оценка учащемуся за пользование учебным пособием
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			